

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издаётся под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3

МАЙ-ИЮНЬ

"НАУКА"
МОСКВА – 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Т.М. Николаева (Москва). О «единстве ономастики» и/или о новой ветви «антропонимики»	3
Н.В. Вострикова (Москва). Экспериментивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций	19
Д.А. Эршлер (Москва). К типологии непациентивных значений аккузатива	32
Е.В. Горбова (Санкт-Петербург). Акциональная характеристика испанских глаголов, частотно реализуемых в перфективно-имперфективных формах	50
В.А. Лившиц (Санкт-Петербург). Несколько иранизмов в русской и древнерусской лексике	72
М.В. Всеходова (Москва). Поля, категории и концепты в грамматической системе языка	76
Н.В. Перцов (Москва). О точности в филологии	100

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

В.М. Алпатов (Москва). Лингвистические идеи Г.А. Климова	125
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Н.Р. Добрушин (Москва). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой / Отв. ред. В.С. Храковский.....	135
С.М. Толстая (Москва). И.Б. Иткин. Русская морфонология	139
П.М. Аркадьев (Москва). M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley (eds.). Dependency and morphological mismatches	145
И.И. Муллонен (Петрозаводск). С.А. Мызников. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада	150

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки

П.М. Аркадьев, Д.А. Эршлер (Москва). Международные конференции, посвященные современным направлениям теоретической лингвистики	155
--	-----

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

*В.М. Алпатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин,
В.А. Виноградов (зам. главного редактора), Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков,
В.А. Дыбо, В.М. Живов, А.Ф. Журавлев, Е.А. Земская, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский,
Ю.Н. Караполов, А.Е. Кибрик (зам. главного редактора), М.М. Маковский, А.М. Молдован,
Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), Е.В. Рахилина*

Зав. отделами: М.М. Маковский, Г.В. Строкова, М.М. Коробова

Зав. редакцией Н.В. Ганнус

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,

Редакция журнала «Вопросы языкоznания»

Тел. (495) 637-25-16

© Российская академия наук, 2009 г.

© Редколлегия журнала «Вопросы языкоznания» (составитель), 2009 г.

© 2009 г. Т.М. НИКОЛАЕВА

О «ЕДИНСТВЕ ОНОМАСТИКИ» И/ИЛИ О НОВОЙ ВЕТВИ «АНТРОПОНИМИКИ»

*Вячеславу Всеволодовичу Иванову
к 80-летию посвящается*

Основная мысль статьи – очевидный распад современной ономастики на ряд разных «ветвей»: топонимику, антропонимику и изучение «имени-в-тексте». Каждая из этих ветвей связана с определенной содержательной инфраструктурой. Последней упомянутой ветви ономастики и посвящена настоящая статья, в которой сочетаются чисто метатеоретические и обзорные фрагменты. Большое место в работе уделяется связи семиотического направления в науке и изучения смысловых связей текста.

1. Настоящая статья может показаться обзорной. И, действительно, работа над ней требовала активного введения иллюстративного материала. Однако задача автора – не только продемонстрировать наблюдения, для филолога безусловно небезынтересные, но и постараться поставить в дискуссионном порядке ряд проблем метатеоретического характера, относящихся к языкознанию. Попытка ответить на эти вопросы будет сделана в конце статьи.

Итак, какие же это проблемы:

- Различается ли в системном, то есть, в содержательном плане, интерпретация фактов топонимики и антропонимики? Какая содержательная система надстраивается над этими ветвями ономастики? То есть можно ли говорить об ономастике как об единой науке?
- Почему для многих языковедов поле исследования ограничивается лексемами и/или рамками изолированного высказывания, т.е. не вводится для верификации высказанных положений даже минимальный контекст-конвой?
- Почему у филологов вообще интерес к пониманию (интерпретации, анализу) текста затерялся где-то между работой с изолированным высказыванием и работой по изданию текста, подготовкой рукописи к печати, изучением его истории, комментированием и т.д.?

2. Статья в основном демонстрирует относительно новые и специфические аспекты изучения антропонимики. Поэтому целесообразно в начале ее сказать о тех вопросах изучения имени собственного, которых я не касаюсь. Это: философский аспект проблемы, ее богословский аспект, типология конфессиональных и этнических особенностей имёнаречения. (Специально здесь не будет обращения к реконструкции мифологических сюжетов и мотивов.) Кроме того, в целях создания более четкой картины, не анализируются зарубежные работы по антропонимике, а также многочисленные Словари личных имен, даже изданные недавно.

---

*Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», проект «Имя: семантическая аура».

3. Обратимся к определению ономастики, данному ее наиболее авторитетным и известным исследователем – А.В. Суперанской: «Ономастика – часть лингвистики, но часть, не вполне укладывающаяся в рамки целого» [Суперанская 2007: 9]. Возникла ономастика как прикладная наука, полезная историкам, географам, литературоведам. Когда к этим исследованиям подключились лингвисты, ономастика выделилась в самостоятельную дисциплину [Там же: 8]. «Итак, быть собственным именем – это свойство определенной лексической единицы, а не ее функция» [Там же: 107]. «Реальность или нереальность объекта для ономастики несущественна» [Там же: 133]. Сделав важное замечание о том, что у имен собственных представлена лишь омонимия, а полисемия им принципиально не свойственна [Там же: 292], А.В. Суперанская посвящает значительную часть своей книги типам взаимоперехода нарицательных имен в собственные и обратно.

А.К. Матвеев определяет науку об именах собственных тоже с «лексической точки зрения» [Матвеев 2006]: «Ономастов интересовала сущность собственного имени, его языковой статус, возникновение имен, их жизнь в обществе, история, судьба и, наконец, окутанная флером мистики загадка тысячелетней давности – связь имени и человека» [Там же: 3]. Признавая воздействие имени на человека, А.К. Матвеев предполагает, что его материальной базой являются прежде всего фонетические и смысловые ассоциации. Очень интересная книга А.К. Матвеева практически вся посвящена тщательно проработанной топонимике европейского Севера России. Из нее можно узнать множество нетривиальных и увлекательных закономерностей топонимической номинации, в основном, как правило, относящихся к «картине мира» – как общечеловеческой, так и этнотипологической. Например, автор показывает, что «чем объект протяженнее (“линейнее”), тем чаще его название нейтральное, чем объект меньше (“обозримее”), тем вернее образное его название» [Матвеев 2006: 93]. Поэтому различаются реки и озера. В то же время одну и ту же вершину Северного Урала русские называют «Столп», коми – «Гнездо ветра», манси – «Баба-идол» [Там же: 117]. Итак, если не считать поздние социально обусловленные номинации, топонимика, как показывает А.К. Матвеев, опирается на вполне четко структурированную систему отражения в сознании человека облика планеты Земля: «Миру реалий на земле соответствует мир камней в горах и мир созвездий на небе» [Там же: 120].

Термин «ономастика» предлагается в этой книге заменить более общим «ономатология», т.с., насколько можно понять, это ономастика плюс ее метатеоретическая надстройка.

Если в центре внимания А.К. Матвеева находятся «натуралистические» имена топонимики, то, напротив, последовательница его школы М.В. Голомидова [Голомидова 1998] посвятила свою книгу искусственным антропонимам, в наибольшей степени – псевдонимам. Ею собран огромный набор сведений об искусственной номинации у отдельных народов и описана эволюция искусственных номинаций в разных культурных традициях. И здесь – в продолжение положений Матвеева – исследовательница демонстрирует доминирование общечеловеческой установки на позитивную норму и на стремление в то же время выделиться, быть чем-то большим (неслучайно мы говорим, как это многократно описывалось в работах о «картине мира», о ширине, но не об ужине, о высоте, о длине и т. д.). Поэтому в искусственных номинациях доминирует небо влажное, но не сухое, не бледное, но яркое: Закат, Зарница, Восток – «активное творческое начало». А «опорные смыслы творчества – это: небо – огонь – живое на земле» [Голомидова 1998: 106]. (Разумеется, автор достаточно внимание уделяет и псевдонимам из престижных прецедентных текстов вроде *Некто в Сером* Л. Андреева > *Некто + X.*)

Я остановилась на трех последних отечественных больших публикациях работ по ономастике. Характерно, что в них имя прежде всего – это слово¹. То есть, в них отра-

¹ Правда, как отмечает Вяч.Вс. Иванов, древнегреческое óνοματα, скорее, ближе к современному «концепту», чем к «имени» [Иванов Вяч. 1998: 613].

жен языковедческий подход, который условно можно назвать «лексикологическим» («Фонологическая» парадигма 30-х и 40-х XX века сменилась затем отчетливо «морфологической», а на смену пришла парадигма «семантико-лексикологическая»).

Очень показательной в этом отношении была статья Е.Л. Березович, опубликованная в 2001 году [Березович 2001]. Автор очень подробно описывает пять этапов развития ономастики в России, но признает явную «неслаженность» работ в области ономастики последнего десятилетия: «“Смутное” состояние ономастики (и особенно – ономастической теории) ощущалось в следующей ситуации: на состоявшейся в феврале 2001 г. в Институте славяноведения РАН конференции “Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст”, которая прошла в целом очень интересно и плодотворно, самым “разношерстным” было заседание “Имя в контексте общей теории” – представленные здесь доклады практически не имели точек соприкосновения» [Березович 2001: 39]². С этим положением нельзя не согласиться. Но – *audiatur et altera pars!* Быть может, именно в этом и состояла цель организаторов этой конференции (не побоюсь сказать, что именно я была организатором и идеологом этой конференции) – а именно, показать, что из традиционной ономастики уже давно и ярко отпочковалось совсем другое направление и пора его признать и дать ему дорогу в «большую» (выражение Е.Л. Березович) лингвистику. Как кажется, цельность научного направления определяется не какой-то объединяющей «теорией»³, а структурированностью и определенностью системы, через которую интерпретируются исследуемые факты. Именно такая ясная по инфраструктуре система вытекает из работ А.К. Матвеева по топонимике. Но – по топонимике, а из фактов книги М.В. Голомидовой проглядывает уже иная содержательная система интерпретации. Характерно, что именно в соответствии с взглядами автора настоящей статьи итальянская славистка Л. Сальмон замечает в связи с публикацией Е.Л. Березович: «На наш взгляд, элемент “смутности” следует связать с заметным отделением современной русской семиотики от традиционной ономастической школы (это ясно проявилось на упомянутой Березович конференции “Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст”, где проблему “имени” трактовали совершенно отдельно от ономастики)» [Сальмон 2002: 12].

4. Итак, обращаемся к тому, что слово реализует свои «смысловые ассоциации» всегда в тексте или в контексте. Почему же лингвисты, как правило, обращаются к этим смысловым коррелятивным связям неохотно? Возможно, потому, что слово в тексте может жить своей особой жизнью и иметь иную смысловую функцию, чем в реальном коммуникативном существовании. Возможно – хотя это только гипотеза – что это почти ирреальное существование от текста к тексту различается. Возможно и потому, что воздействие на человека в тексте основывается не только на «фонетических и смысловых его ассоциациях» словарного статуса, а на чем-то ином.

О том, что многие имена (и слова) представляют собой небольшой свернутый текст, часто мифологического характера, писал, конечно, еще А.А. Потебня: «Всякое слово с живым представлением, рассматриваемое со своим значением (одним), есть эмбриональная форма поэзии <...> Мифическое мышление на известной степени развития – единственно возможное, необходимое, разумное; оно свойственно не одному какому-либо времени, а людям всех времен, стоящим на известной степени развития мысли; оно формально, т.е. не исключает никакого содержания: ни религиозного, ни философского и научного.

² Выход из положения Е.Л. Березович видит в создании объединяющего «ономастов» журнала. И, действительно, статьи в выпусках «Вопросов ономастики» (2004, 2005, 2006 годы) сами по себе очень интересны и удачны, но так же «разношерстны», что и побудило меня написать данную статью.

³ Строго говоря, какую «теорию» морфологии, синтаксиса, словообразования и т.д. мы имеем в современном языкознании, где под «теориями» понимаются совсем другие вещи?

Результаты этого мышления становятся известны человеку (= это мышление сознательное в своих результатах) вследствие того, что они выражаются внешними знаками (пластическими, живописными, мимическими) и преимущественно словом. Таким образом *миф* есть преимущественно *словесное произведение*» [Потебня 1990: 303].

Но наиболее ясно о роли имени в тексте было сказано П. Флоренским: «Имя – новый высший род слова и никаким конечным числом слов и отдельных признаков не может быть развернуто сполна» [Флоренский 2007а: 27] и далее: «Итак, несомненно, в художестве – внутренняя необходимость имен – порядка не меньшего, нежели таковая именуемых образов. Эти образы, впрочем, суть не что иное, как имена в развернутом виде. Полное развертывание этих свитых в себе духовных центров осуществляется целым произведением, каковое есть пространство силового поля соответствующих имен» [Там же: 41]. Анализируя удачу Бомарше в выборе имени Сюзанна, Флоренский показывает различие «обликов» у Сюзанны – Сюзетты – Сюзон.

Но подлинным духовным центром, «родником» – воплощенным и фонетически, и семантически в поэме А.С. Пушкина «Цыганы», П. Флоренский считает имя *Мариула*⁴.

Прекрасно понимая, что «с данным именем можно быть святым, можно быть обычайцем, а можно – негодяем и даже извергом» [Флоренский 2007б: 111], Флоренский связывает ауру имени и с реальной исторической социализацией. Так, личность Екатерины Второй повлияла на значимость имени *Екатерина*. Напротив, восходящее к имени магистра тамплиеров имя Якова (Жака) де Моле влияет на комплексы *Жакерия, якобинизм* и под. Но все-таки, и по его мнению, в именах «есть что-то, ускользающее от рационалистического анализа» [Там же: 72]. Нельзя при этом забывать, что о. П. Флоренский был ученым, отличившимся именно в точных науках. Однако уже тогда он приближался к теории интуитивного познания, о которой сейчас пишут многие теоретики науки. П. Флоренский понимал, что позитивизм боится «иррационального». Между тем оно тоже рационально, но на уровне нашего подсознания, уже освобожденного в настоящее время наукой (целыми областями и ветвями психологии) от таинственности. Поэтому некоторые положения Флоренского удивляют своей современностью, даже в сфере терминологии. Ср. «Имена можно отнести сравнивать с наследственными родовыми типами в генетике, с конструкциями психопатологов, со сложными радикалами в химии <...> Знаток (т. е. исследователь-специалист. – Т.Н.) отличается не суммой сведений, а глубоким вживлением <...> Подлинное логическое сознание открывает в этом хаосе некоторые архетипы. Имена и должны быть рассмотрены как такие инварианты личности. Это архетипы духа. <...> Имена, как другие познания, всегда признаются мыслью, далекой от рефлексии, пока сбивающие вопросы и представленные трудности не сбьют ее с наивной, но глубокой интуиции на путь сознательного, но поверхностного анализа» [Флоренский 2007б: 90–91].

Идеи Флоренского спустя десятилетия были подхвачены В.Н. Топоровым и Вяч.Вс. Ивановым и вслед за ними – Московской семиотической школой в целом. Как пишет В.Н. Топоров: «Имя в своей тайне превышает способности среднего человека, находящегося вне пространства, в котором можно уразуметь тайну имени и именословия» [Топоров 2004а: 373]. Таким образом, у *homo sapiens*, по его мнению, оставались две возможности: а) превратить имя в условный произвольный индекс; б) напротив, посеять в этом имени семена смысла, т. е. «знаки высшей энергии» [Топоров 1989]. О работах В.Н. Топорова по «имени-в-тексте» будет в этой статье написано еще очень много, но вспомним и слова А.К. Матвеева о «наконец окутанной флером мистики загадке тысячелетней давности – связи имени и человека» [Матвеев 2006: 3]. Таким образом я не могу согласиться с тезисом Е.Л. Березович о том, что «вообще создается

⁴ Необходимо сказать сразу, что, излагая ту или иную точку зрения, я не всегда к ней присоединяюсь и ее разделяю; считаю, однако, нужным ее изложить, чтобы показать, что такая точка зрения существует.

впечатление, что научные центры республик занимаются ономастикой активнее, чем, к примеру, столичные ученые» [Березович 2001: 38].

См. также у Вяч.Вс. Иванова (в связи с происхождением имени Кухулина): «Внутренняя форма имени мифологического или эпического героя часто может быть объяснена ситуацией (или набором ситуаций), с которой прежде всего связывается этот герой. В таких случаях это имя может рассматриваться как минимальный текст, являющийся переводом соответствующей ситуации. Эта ситуация может быть полностью (или почти полностью) восстановлена благодаря анализу более обширных мифологических и эпических текстов, в которых употребляется соответствующее имя (это последнее можно рассматривать как минимальный текст, включенный в состав более пространных текстов, соотносящихся с этой же ситуацией). Если в родственной языковой и мифологической традиции сохраняется имя, по внутренней форме совпадающее с исследуемым именем, то и для этой второй традиции можно реконструировать соответствующую ситуацию, хотя она в этой второй традиции отражена лишь в имени – минимальном тексте, но не в более обширных текстах» [Иванов Вяч. 1964: 451]; см. также [Иванов Вяч. 1976].

Можно высказать предположение, что загадкой все же является не интерес к поэтической функции имени и ее смысловому конвою, а отсутствие внимания широкой лингвистической мысли к этому направлению. (Могу сказать от себя лично, что я неоднократно сталкивалась, принимая экзамены и оппонируя, с тем, что многие работы, из числа указанных мною ниже, исследователи с интересом читали, хорошо знали, но – не ссылались, очевидно под влиянием «дисциплинарной матрицы» (термин Т. Куна) господствующей лингвистической парадигмы, диктуемой путями науки, но не конкретными людьми.) Между тем работ об имени становится все больше и флер таинственности постепенно – как я постараюсь показать далее – сменяется формирующимиися научными и вполне общедоступными методами.

5. Однако семантический ореол имени собственного оставался бы чем-то существующим на уровне интуиции для немногих избранных, если бы на рубеже 80-х гг. XX века не появились бы труды В.Н. Топорова о тексте как структурированном пространстве. Идею эту он разрабатывал многократно и все более детально. Наиболее известной в этом плане стала его развернутая статья «Пространство и текст» [Топоров 1983а], перепечатана в [Топоров 1997]. В 1994 г. появилась изданная в Италии книга В.Н. Топорова «О мифопоэтическом пространстве» [Топоров 1994]. Эта идея сразу оказалась конструктивной. Она представляет текст как структурированное пространство, части которого не только развиваются сукцессивно, но и связаны определенным образом между собой. Особенно явно такая структура обозначается в «мифопоэтическом» пространстве⁵.

Пространство, в котором существуют антропонимы, обладает хронотопами разной векторной направленности. Так, оно может быть и вертикально, и горизонтально ориентированным.

Что это значит?

Вертикальная ориентация предполагает соединение в виде «скрытой памяти» одноклических персонажей – так, что они могут в сознании носителей языка «кивать друг на друга» (термин В.Н. Топорова), относясь к разным эпохам и разным социальным слоям. В «Предисловии» к книге А.Б. Пеньковского «Нина» В.Н. Топоров пишет: «Спустя годы я понял, что сначала подсознательно, а потом и сознательно я выстраивал линии частных номиналистических мифов. И со временем совпадение определенных имен у разных авторов одной или разных эпох стало для меня неким важным указанием».

⁵ Можно считать, что так называемая «лингвистика текста» потому перестала развиваться, что ориентировалась на ровно движущуюся и последовательную сукцессивность, ограничивая себя проблемами когезии, анафорики, кореферентности и под.

ем и проблемой стало отделение случайного и немотивированного от сущностного и мотивированного» [Топоров 2003: 17].

Диапазон рассеяния имени, как пишет В.Н. Топоров, восходит к одному персонажу: Илья-Пророк – Бог-Громовержец – святой Илья – Илья Муромец – Илья из детского фольклора [Топоров 2004б: 364]. См. и другие предложенные им ряды: Сидор / Марья – Сидор Карпович – Козлиный облик; Матрена Карповна – Марена – Макрина, Марина, Мара; Прасковья – Паисьева Пятница – Мокошь. «Повторяемость имен в истории, особенно мифопоэтической, не случайность, не исключение, а потребность и закономерность, обнаруживающая глубокий и тайный смысл» [Топоров 2007а: 112].

Например, говоря об имени Илья в ономастиконе Андрея Платонова, М.А. Дмитровская связывает [Дмитровская 2001] героя трех разных произведений по имени Илья с Ильей-пророком и со змееборческим мифом. Исследовательница показывает, что все эти герои связаны с электричеством, *белыми бичами огня*, с летом как временем действия и под.

Предполагается, что и в сознании «мифа» о реальном историческом персонаже существует «имидж» этого имени в авторитетной духовной традиции: «Сближая два имени, реального лица и сакрального персонажа, реальность подключают к традиции, в событиях сегодняшнего дня усматривают воспроизведение освященных этой традицией моделей поведения» [Кагарлицкий 2003: 209].

Естественно, что в народном творчестве сущность древнего имени сохраняется, хотя и приобретает новые черты. Таков, например, «Пословичный Фома», описанный Ф.Н. Двинятым [Двинягин 2001]. Совокупность народных текстов о Фоме дает возможность увидеть в нем евангельского неверующего апостола Фому (*Фому неверного*). «Пословичный портрет Фомы позволяет увидеть в нем носителя инаковости, придерживающегося альтернативных сценариев поведения и существующего в смысловом пространстве между плохим человеком, дураком и шутом» [Двинягин 2001: 143]. Итальянская славистка К. Соливетти [Соливетти 2001] связывает с ним и гоголевского Хому Брута из «Вия».

Большое исследование В.Н. Топорова посвящено мифопоэтическому образу Семена и Семеновны в русской народной традиции [Топоров 2001б]. Семенов собрано в этой статье много. Это и «сыпь, Семен, да подсыпай, Семен» и многочисленные Семены у Достоевского, рабочий парень Сенька в «Кирпичиках» и т. д. Становится очевидно, что «самая внутренняя и самая существенная связь имени Семен, конечно, с семенем-семенами и, следовательно, с сеянием как зачинателем новой жизни» [Там же: 73]. См. его движения: *семенить* – «акцент на скорости, проворности бесспорно вторичен. В сердцевину смысла вводит идея дробности-мелкости, как бы рассыпчатости движения» [Там же: 77]. Это имя «обозначает героя мелковатого, незначительного, сомнительного, иногда смешного (между прочим, и в силу ассоциации эротического толка)» [Топоров 1995а: 152]. (В личной беседе с В.Н. Топоровым мы обсуждали, что Семен – никак не крестьянин, не купец, а скорее – рабочий или матрос⁶.)

В последнее время в традиционной культуре описан и Афанасий [Березович 2007], у которого коннотативные связи «внутри сети настолько сильны, что в некоторых своих участках она превращается в сплошное полотно текста, обладающее признаком когезии» [Там же: 385].

Вертикально и горизонтально ориентированные тексты могут соотноситься друг с другом, изменяя коннотативную ауру имени, а не только сохраняя ее. Приведем три примера. В книге «Нина» [Пеньковский 2003] А.Б. Пеньковский указывает на существование в русской литературе первой трети XIX века некоего (почти виртуального) образа «Нины». «Нина этого мифа – прекрасная женщина, живущая всепоглощающи-

⁶ Ср. у М. Шолохова рабочего Семена Давыдова, посланного в колхоз. См. также песню 20-х годов XX века о встреченном на вечеринке Сеньке, который «идет, его шатает, словно лодочку» в точном соответствии с описанием В.Н. Топорова.

ми страстями, которые она не может удовлетворить и во имя которых готова пренебречь принятыми в обществе роковыми законами» [Там же: 67]⁷. Но со временем Нина от возвышенного движется к низменному, сохраняя коннотации своего основного мифа. Она становится – Нинкой. Но все-таки роковой: «Сегодня Нинка соглашается, сегодня жизнь моя решается <...> А если Нинка не капризная, распоряжусь своей жизнью я». Второй пример такого мифа – Светлана» [Душечкина 2001; 2007]. Романтическая и прекрасная Светлана из баллады В. Жуковского, пройдя долгий путь, связанный с именем дочери Сталина, в конце концов также становится Светкой, девушкой доброй души и не очень нравственных правил. Третий пример. «Три сестры» А.П. Чехова в русском сознании – это Вера, Надежда, Любовь. Прогнозируемым образом обольстительную и грешную героиню следующей пьесы должны звать Любовь (Андреевна Раневская. – Т.Н.). Как было подсчитано мной, в 95% ее реплик и обращений к ней говорится о любви. И еще в начале XX века это имя также имеет некоторые романтические коннотации – вплоть до «Любови Яровой» К. Тренева. Но потом и она становится – Любкой [Николаева 2001]. Вероятно, таких случаев «игры имени на понижение» можно назвать много. Это – частный случай исторической семасиологии антропонимов.

6. Одним из ключевых моментов теории антропонимики является соотношение имени собственного и имени нарицательного. А именно – важно понять, что порождает другое, т.е. что является первичным (в тех случаях, когда это неясно) и каковы условия подобных переходов.

О переходе имен собственных в нарицательные пишут во многих изданиях по ономастике. Этому посвящен специальный раздел книги А.В. Суперансской [Суперанская 2007], где она справедливо указывает на непременное условие известности денотата при подобном переходе: *наполеоны, чичковы и под.*⁸ Интересно наблюдение С.Л. Ивановой [Иванова 2001] о том, что бесконечно повторяющийся ряд антропонимов (стихотворение «Русские в Нью-Йорке») вместо «вырывания из ряда» приводит к возвращению в ряд, «передает имени собственному функцию имени нарицательного».

Проблема подобного перехода интересовала многих, в том числе и последователей иных концепций, и в более раннее время: «И у Марра, и у Леви-Брюля есть общее. Это констатация очень зыбкой и относительной границы между собственными и нарицательными именами» [Вельмезова 2001].

Более сложным является вопрос о подобных переходах в древности. Так, А.К. Матвеев [Матвеев 2006: 89] высказывает мнение о длительности перехода от имени нарицательного. В.Н. Топоров относится к идее первичности нарицательного имени с осторожностью, предполагая здесь возможность реципрокного движения. Что было раньше – понятие ‘огонь’ (*Agni*) или божество огня (*Agni*)? [Топоров 2001а]. И все же именно им предложены смелые предположения о связи имени иранского Митры и славянского *миръ*. «Одна из существенных особенностей мифопоэтических текстов состоит в возможности изменения границ между именем собственным и нарицательным вплоть до перехода одного в другое» [Топоров 1995б: 208]. Об этом же пишет и Т.Я. Елизаренкова, анализируя антропонимы в «Ригведе» [Елизаренкова 2001].

Об этой сложности в идентификации имени можно говорить, анализируя и более поздние тексты. Так, несомненно, что в «Слове о полку Игореве» мы имеем два

⁷ Важно здесь не пройти мимо замечания А.Б. Пеньковского о том, что «Как это вообще характерно для мифов нового времени, миф о Нине не имеет основного текста» [Пеньковский 2003: 70]. Но трагедию героини «Маскарада» А.Б. Пеньковский объясняет тем, что ее подлинное имя – Настасья, а муж принимает ее за роковую Нину.

⁸ Правда, Н.Г. Брагина [Брагина 2001] считает, что в данных случаях закрепляется часть образа. Поэтому не говорят «наполеоновские неудачи», «наполеоновская катастрофа», так как все же Наполеон «является одной из фигур романтического дискурса».

«солнца» – солнце реальное, которое «свѣтится на небеси» и затмевается в начале похода Игоря, и божество Солнце, к которому с мольбой обращается Ярославна и которое мстит Игорю за пренебрежение знамением (подробно об этом [Николаева 1997]).

Однако антропоним, появляющийся в тексте, можно в некоторых случаях считать по форме чем-то средним между именем собственным и именем нарицательным. Об этом, как кажется, можно говорить в тех случаях, когда имя включает в себя некий суффиксообразный элемент. См. у В.Н. Топорова: «Вполне достоверно и надежно элемент *mir- присутствует лишь в славянских языках, причем во всех без исключения» [Топоров 1993: 17]. В цитируемом исследовании приводится около полутораста славянских имен на **mir/mér*. Вторым таким повторяющимся ключевым элементом В.Н. Топоров считает *slav- . Но, кроме этих ключевых двух элементов, В.Н. Топоровым выделяются и элемент *gor- [Топоров 1983а], *bog- [Топоров 2007б]. Все эти элементы, однако, нельзя считать продуктом законченной грамматикализации. Так, элемент *mir- отражает проекцию на славянское пространство имя иранского божества Митры и его культа (работы В.Н. Топорова по этому вопросу многочисленны, но их обсуждение может увести от собственно антропонимической проблематики). Элемент *slav- связан с общей этимологией славянства; элемент *gor- , анализируемый в связи с былинным Святогором, относится к вертикальному миру, противопоставляемому Матери-Сырой-Земле. Элемент *bog- связан с Божеством раздачи удачи (*bhaga*-).

Подобные элементы возникали и позднее. Так, Л.Г. Невской подробно исследовались славянские имена с элементом **gost'*- и сам концепт «гостя» в славянском концептуальном пространстве [Невская 2001]. Сходные наблюдения делают на материале «Младшей Эдды» А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский: «Возможно, “Младшая Эдда” представляет нам в неожиданной полноте образчик того, как имя функционировало в мифе, делая проницаемой границу между именами предметов, людей и богов» [Литвин, Успенский 2001: 95]. Так, Вяч.Вс. Иванов, вслед за поэтом Вячеславом Ивановым, видит в имени тирса Диониса именование самого Диониса, то есть, 'бога винограда' [Иванов Вяч. 2001а; 2001б].

Таким образом мы действительно видим в древних именах некий текст, возможно, свернутый миф, или даже текст, который можно назвать поэтическим. Литовский исследователь С. Валянтас пишет: «Многие индоевропейские антропонимы по своей форме и содержанию напоминают небольшие стихотворения, и делаем вывод, что антропоним такого типа по своей сути является текстом» [Валянтас 2001: 57].

Интересно то, что возникший недавно у нас в стране неопаганизм вновь потребовал «текстоподобных» мифообразующих имен. Так, И.А. Седакова, проследив по Интернету имена «неоязычников», пришла к выводу, что «стремление к прозрачности имени, нередко идентичному прозвищу, кличке, продиктовано верой в то, что имя отражает важнейшие индивидуальные свойства последователя традиции, его идеологические и религиозные воззрения, практические интенции» [Седакова 2007: 107].

7. Множество мотивов, соединяемых в вертикально ориентированном тексте (мифоэтическом или тексте народной традиции), дает возможность, казалось бы, не соединяемых контактов с номинированным персонажем. Приведем ряд примеров таких соединений, выявленных В.Н. Топоровым в разных традициях. Они связаны уже не только с именами, сколько с образами. Речь идет о таких персонажах как былинный Святогор, легендарный вождь мирмидонян Ахиллес, мифологический страдалец Тантал, балтийский *Puš(k)gait*, герои русских речений Макар (Макарка) и Сидор (Сидор Карпович).

В исследованиях В.Н. Топорова со всей лингвистической убедительностью демонстрируется, что вокруг каждого из этих имен в буквальном смысле соткан текст, который, правда, может показаться гетерогенным.

Святогор, наиболее загадочный из русских былинных богатырей, не свой и не чужой. Текстологически он связан не со Святой Русью, а со Святыми Горами, т.е. это зона, пограничная с Эстонией, где существует в мифологии Колыван-богатырь (в эстон-

ской традиции – Калеви-поег). Здесь «имя Святогор и стоящая за ним идея святости может быть четко противопоставлена знаку “чужого” в его трактовке на языке “своего”. В этом смысле кристаллизация смысла “святой” не только своего рода оберег, но и вызов “чужому”, кодируемому элементом чуд-» [Топоров 1983б]. Этот персонаж – как бы Человек-Гора, Гора-Человек, недаром он называется Святогором Горынычем, что уже ведет к Змею Горынычу, т.е. хтоническому персонажу. Святогор чудовищно силен, но малоподвижен, одинок и у него одна судьба – «уйти, умереть, стать землей, камнем» [Там же: 100]. Он – человек Горы – противостоит плоскому: Матери-Сырой-Земле, которой верно служит Илья Муромец⁹.

Как ни странно, чем-то близок к Святогору (в трактовке В.Н. Топорова) и Ахиллес. «Большую часть времени Ахиллес пребывает в бездействии. Редкие вспышки активности носят скорее негативный и деструктивный характер» [Топоров 1986а: 26]. Но в поэме происходит актуализация, развертывание его имени. Его имя 'Αχιλλεύς связано с 'Αχαιοί ('ахейцами') и в то же время оба слова связаны с концептом ἄχος ('страдание, мучение'). Именно эти основы определяют развертывание сюжета, «гнев» Ахилла, его неудачи, обиды, потерю близкого друга. Но В.Н. Топоров обращает внимание и на то, что Ахилл имеет эпитет «остроногий», а мать его – Фетида, нереида, дитя глубин. Он – вождь мирмидонян, а μύρμηξ – это муравьи. То есть герой возвращается через текст к мифу о борьбе с хтоническим началом и тогда «типологически ближайшие параллели обнаруживаются в ближневосточном ареале (Двуречье, Угарит, Малая Азия, Египет» [Топоров 1986а: 36]. Точно так же связи его имени [Топоров 1986б] объясняют поступки Тантала в тексте мифа: *tant-al 'усиленно тянувшийся', см. греческие τανύω, τείνω ('протягивать, тянуть').

Семиотический анализ текста, как уже говорилось, прежде всего предполагает увидеть в тексте «неочевидные смыслы», однако вполне верифицируемые, которые в то же время помогут раскрыть семантическое ядро текста, часто таящееся в глубинах древности.

В частности, этимология, которая часто бывает верной, но никуда «не работает», в рамках общей концепции анализа текста помогает увидеть этимологические составляющие, которые оказываются ключевыми мотивами не только текста, но и ритуала. Так, в детских играх столб, пень, колода, как пишет В.Н. Топоров, часто играют роль змеи. Привлекаемая этимология объясняет славянский обычай сжигать в Сочельник дубовое полено (статья В.Н. Топорова о питоне и бадняке, см. [Топоров 2007б]), поскольку первоначальное значение «змей» расширяется до ‘змей в бездне’ > ‘змей у корней мирового дерева’ > ‘враг’.

Все русскоязычные знают присказки о *Макарке*, который телят гоняет и о сидоровой козе (поскольку статья посвящена только антропонимам, то такие речения как *После дождичка в четверг* и под. здесь не раскрываются). Макарка, умирающий «блаженной смертью в воде», реализует ключевые семантические мотивы своего антропонима через греческое Μάκαρ/Μάκαριος, то есть ‘блаженный’ и славянский корень *mak-/*tok- ('мокрый'). Отсюда рождается этот сюжет [Топоров 2007в].

Известный владелец сидоровой козы (к тому же – наказуемой) формирует одну из самых иллюстративных русских фамилий – Сидоров. Старорусское сценическое действие «похороны Сидора Карповича», рассмотренное В.Н. Топоровым на базе многообразного литературного и квазилитературного материала, тоже ведет к древней индоевропейской мифологии [Топоров 2007г].

Итак, мы сейчас имеем в коммуникации некие словесные «осколки»: гоняющего телят Макарку, сидорову козу и под. Школа анализа текста-конвоя вокруг антропонима выступает здесь в качестве палеонтолога, собирающего из них единое целое.

⁹ В дополнение идеи В.Н. Топорова можно добавить, что образ «чужого» Святогора мог родиться только на плоском ландшафте, вряд ли подобный образ мог появиться где-нибудь в высокогорной местности.

8. Все, сказанное выше, относилось к так называемому вертикальному тексту, т.е. функционированию антропонима в рамках временной протяженности. Между тем школа изучения «имени-в-тексте» ставит своей задачей понять, почему в тексте употреблено то или иное имя и решить загадки вариантов выбора, если он существует. То есть мы переходим к горизонтальному плану существования текста, проще говоря – к тексту в его обычном понимании.

О «горизонтальном» пространстве можно говорить больше и здесь в рамках школы «имени-в-тексте» наблюдается большое разнообразие научных направлений. Пройти можно по ним, собирая из более мелких осколков более крупные.

Разумеется, в первую очередь необходимо говорить об исследованиях, относящихся к сфере анаграмм.

Как известно, теория анаграмм впервые была разработана Ф. де Соссюром при анализе ведийской поэзии, германского аллитерационного стиха, греческого эпоса. «Основание для анаграмм могло быть религиозным (включено имя бога, но и чисто поэтическим)» [Соссюр 1977: 642]. Вот примеры анаграмм, приводимых Ф. де Соссюром:

Taurasia Cisanna Samnio cēpit – анаграмма латинского имени Scipio;

Agni Angiras – анаграмма ведийского божества огня Агни;

'Ορσας ἄργαλέων ἀνεμον ἀπευάρτον ὄντην – анаграммируется имя царя Агамемнона. Разумеется, сам Соссюр мучился над вопросом о том, «в какой степени анаграмматические построения осознаются самими поэтами» [Иванов Вяч. 1977: 637].

В области выявления анаграммируемого слова-имени в тексте большое число работ принадлежит в рамках декларируемой школы именно Вяч. Вс. Иванову и В. Н. Топорову. Таково, например, исследование Вяч. Вс. Иванова «О композиционной роли фамилии героев у Достоевского: Смердяков» [Иванов Вяч. 2000: 105]. Вяч. Вс. Иванов показывает, что имя этого персонажа соотносится в романе с повторяемой темой смрада, смерти, прилагательным смердящий; нагнетание этих звучий подводит к имени Смердякова.

Вяч. Вс. Иванов демонстрирует анаграмматическое кодирование и в двух стихотворениях О. Мандельштама: *Пусти меня, отдай меня, Воронеж и Соломка звонкая, соломинка сухая* [Иванов Вяч. 2000: 435–439]. Более того, оказывается, что и шифтерные элементы могут служить идеи анаграммирования. Так, у Гёльдерлина имя Диотима (настоящее имя – Susette Gontard) анаграммируется через шифтеры:

Göttern mit Helden dich nennt und dir Gleich.

Suchst du die Deinen in Sonnenlichte [Иванов Вяч. 2004: 583].

Работ В. Н. Топорова об анаграммах, скрытых в тексте, так много, что имеет смысл остановиться только на нескольких. Пожалуй, наиболее известна его статья «“Скрытое” имя в русской поэзии» [Топоров 2007д]. Анализируя стихи поэтов XIX – начала XX века, В. Н. Топоров со всей скрупулезной тщательностью выявляет «скрытое» имя *Марии Лазич* в поэзии Фета, имя *Маргарита* в поэзии Вячеслава Иванова, имя *Валерий* в стихах самого Валерия Брюсова и более сложно закодированное имя *Морозовой (Зариной)* у Андрея Белого.

В историческом плане здесь нужно в первую очередь сказать о работах А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского и близкого им во многом А. А. Гиппиуса [Литвина, Успенский 2003; 2006¹⁰; 2007] и др. За последние десять лет ими написано на эту тему множество исследований, проведены семинары, круглые столы, конференции, прочитаны спецкурсы на разных факультетах – словом, создана почти автономная школа изучения текста. До их исследований имянаречие у древних конунгов и русских князей прини-

¹⁰ Последний труд представляет собой огромную монографию (740 страниц), снабженную таблицами, династическими деревьями, списками имен князей и т.д.

мали как существующий факт и мало обращали внимания на то, почему в одних случаях в летописном тексте выступало христианское имя, а в других – языческое имя князя, почему так или иначе называли внебрачного сына конунга или племянника русского князя. Так, например, в первой из названных работ обсуждается переход словообразовательного элемента от предков к потомкам. Например, *Рог-неда* соотносится с *Рог-володом*; элемент *-полк* является династически неслучайным и под. Лингвистически интересным является возможность перехода династически значимого элемента от первой части слова ко второй: например, *Влад-* > *-волод* и т.д.

Даже грамматические трактаты, дидактические сочинения, будучи прочитанными как текст-пространство, могут дать нам неожиданное понимание функции в них антронима. Эта задача была поставлена и во многом решена Н.Н. Запольской [Запольская 2001]. Анализируя дидактические сочинения – «Трактат о осми частѣхъ слова», «Грамматіки Славенскія правилное синтагма» М. Смотрицкого и «Грамматіка Словенска» Лаврентия Зизания, она приходит к выводу, что «словари и грамматики представляли разный подход к “раскрытию” собственных имен: словари-ономастиконы содержали толкования имен, т. е. давали имена в статике, грамматики, представляя “именники”, демонстрировали функции, заданные Богом при “именовании” людей, т.е. давали имена в динамике» [Запольская 2001: 114]. Так, в первом дидактическом пособии фигурировали Петр, Павел и Матфей: один «учил», второй «передавал послание», третий – «благовествовал». У М. Смотрицкого обучали Петр и Анна (пророчица)¹¹.

9. Выше говорилось о функции имени-в-тексте как средстве раскрытия неочевидных сюжетных мотивов и ходов. Такие работы существуют, и их становится все больше. Наиболее проработанным в этом плане можно считать исследование А.Б. Пеньковским повести А.С. Пушкина «Гробовщик» [Пеньковский 2007]. «На службу центральному повествованию призваны и все без исключения собственные имена повести, что особенно ярко свидетельствует о ее игровой природе» [Пеньковский 2007: 214]. Так *Гот-либ* ('любовь Бога') *Шульц* (нем. *Schulze* 'староста', оптимистический немец, противостоит угрюмому *Ад-риану Прохорову*, в чьей фамилии просвещивают анаграмматически *похороны*, а в имени – *ад*¹²). Большое место в исследовании А.Б. Пеньковского занимает и фигура мертвца Петра Петровича Курилкина: «В трехкомпонентном именовании Петр Петрович Курилкин все не случайно и все в равной степени значимо: не только выбор фамильного имени <...>, но и выбор личного имени, и выбор таутонимической модели его именования (традиционной в русском народно-поэтическом языке модели именования “смешных страшилищ” по отчеству» [Пеньковский 2007: 216]. По мысли А.Б. Пеньковского, явившиеся мертвцы – носители жизни, которой так не хватает (психологически) нашему Скруджу – Прохорову.

Также разведены ономастически в тексте две ведущие фигуры повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза». В очень большом монографическом исследовании, посвященном этой небольшой повести, В.Н. Топоров показывает нарративную смелость Карамзина, сломавшего стереотип Лизы (Лизетты) в литературной традиции. Писатель в этой повести именно именем героини создает «эффект неожиданности». В это время стандартной была Лиза французской комедии – «обычно служанка-горничная (камеристка), наперсница своей молодой госпожи. Она молода, хороша собой, но и бойка, развязна, все понимает с полуслова, особенно когда дело идет о любовных интригах»

¹¹ Вероятно, именно отсюда ведет свое начало однообразно мелькающий *Петя* наших современных примеров. «Скрытая память» доносит, возможно, и восходящие к старине анекдоты о задающих вопросы Петьке и Анке.

¹² На внутритекстовое противопоставление Готлиба Шульца и Адриана Прохорова обращает внимание и М. Ланглебен [Ланглебен 2001]. Она видит их противостояние в звонической стороне их имен.

[Топоров 1995а: 135]. Далее В.Н. Топоров показывает на большом материале, что «текст Лизы (Луизы и под.)» не столь комедиен, что Карамзин показал «новую Лизу». Карамзинскую Лизу зовут Лизавета Ивановна. Это ведет и к Лизе (Лизавете Ивановне) из «Пиковой дамы» А.С. Пушкина и к несчастной Лизавете (Ивановне), убитой Раскольниковым.

Антронимы в тексте могут служить некоторыми ключами, намекающими на прецедентный текст или на прецедентную ситуацию. Так, в моей статье, посвященной разбору лермонтовской поэмы [Николаева 2006], среди многих «ключей» не антронимического плана («иностранный» Кирибеевича, его очевидная усыновленность, обеднение честного купца Калашникова, неуместная болтливость красавицы жены, обещание царя помогать семье купца и проч.) само имя Калашников несомненно является ключом. Оно дает понять, что речь идет о трагедии А.С. Пушкина, так как крестьянской любовницей Пушкина была Ольга Калашникова, дочь его управляющего, и это было всем известно.

Такими же ключами послужили для моей статьи [Николаева 2007] указания А.Б. Пеньковского в его исследовании о «Маскараде» на то, что князь Звездич и баронесса Штравль являются персонажами для русской культуры сомнительными (я опускаю подробную мотивацию А.Б. Пеньковского), но они по сути действуют в паре и в антронимическом плане: Звезда и Луч (Strahl). Общение с ними губит Нину. Все это дало мне основание предположить, что за этой парой просвечивает иная пара: Виконт де Вальмон и Маркиза Мертей (разумеется, сходство обнаруживается также и в сходных репликах, и в сходных ситуациях).

Наконец, изощренным текстовым приемом может служить «псевдоперемена» имени героев, как это делает Б. Пастернак в повести «Апеллесова черта» (см. об этом [Цивьян (в печати)]).

При внимательном анализе соотношение антронимов в тексте «последней воли» и текстах вариантов тоже поддается интерпретации. Так в очень маленькой и очень изящной статье М.И. Шапира [Шапир 2001] (интересно, что эта публикация помещена в том же номере журнала, что и «критический» обзор Е.Л. Березович) обсуждаются три варианта имени няни Татьяны Лариной: Фадеевна > Филиппьевна > Филатьевна. М.И. Шапир, детально анализируя эти имена и их историю, считает, что Пушкин стремился к «большой простонародности». «Простонародность этого патронима (Филатьевна. – Т.Н.) всячески подчеркнута <...> Без сомнения, Пушкин учитывал социальную окраску этого имени» [Шапир 2001: 63].

10. Итак, в настоящем художественном произведении достаточной протяженности антронимы, как правило, создают внутреннюю инфраструктуру¹³. Однако в последнее время для исследователей антронимики стал понятен (как сознательно маркированный в тексте) и такой прием, когда названные по имени персонажи противопоставлены персонажам безымянным. И это противопоставление действительно поддается содержательной интерпретации.

Пример анализа такого противопоставления – работы И. Фужерон о рассказе В. Гроссмана «В городе Бердичеве» [Фужерон 2001; Фужерон (в печати)]. В этом рассказе сопоставляются два мира: мир красных бойцов и тихий мир еврейского города. «Если у красных только два персонажа наделены именами <...>, то со стороны города все участники действия персонализированы <...> Ребенок оказывается связующим звеном между наполненными звуками жизни, человеческими чувствами и наделенными именами миром еврейского города и бесчеловечным, “безыменным” миром войны» [Фужерон 2001: 154]. Тот же прием, как описывает И. Фужерон, применяет В. Гроссман

¹³ Разумеется, «ключи» к прецедентному тексту или к прецедентной ситуации создаются не только антронимами, но и аппелятивами, или и теми, и другими совместно. Темой же настоящей статьи являются только антронимы.

в рассказе «Жизнь», где маленький отряд красноармейцев противостоит немецкому окружению. «И здесь различие между представлением лагерей проходит по наличию или отсутствию имен» [Там же].

Этой же теме – маркированной безымянности – посвящены и работы Н.В. Васильевой [Васильева 2001; 2005; 2007]. Глубокий анализ творчества М. Кундеры дал ей возможность выявить шесть пар соотношения имя / безымянность, поскольку необходимо «различать безымянность1, ‘неимение имени’ (ср. *безымянная речка*), безымянность2, ‘незнание имени’ (ср. *безымянные герои*) и безымянность = анонимность, т.е. ‘сокрытие имени’ (ср. *анонимный звонок*)» [Васильева 2001: 158].

Сокрытие имени той Единственной (Мариной Басмановой) в сборнике И. Бродского «Часть речи» компенсируется сложными намеками, даже «этнического» характера: *кайсацкое имя, косые скулы, пропуск в Орду* и т.д., просто местоимением – Ты. Но имя адресата не упоминается (см. об этом [Ряпина (в печати)]).

11. Итак, я постараюсь ответить на вопросы, поставленные в начале статьи.

- Безусловно, текстовая антропонимика, или изучение *имени-в-тексте*, имеет свою специфику и может считаться самостоятельной ветвью языкоznания, включаясь в целом в лингвистические методы изучения «неочевидных смыслов» текста. Миfологические и мифопоэтические тексты в этом смысле вполне могут быть приравнены к художественным текстам более позднего времени.

Почему все же – ветвью языкоznания? Вероятно, потому, что антропонимы в тексте так же требуют интерпретационной разгадки, как и топонимы (или псевдонимы), а текст есть один из вариантов нашей общечеловеческой вербальной коммуникации. Может быть, действительно, «текстовая разгадка» требует подчас опоры на интуицию и/или на больший диапазон фоновых знаний, но она – в случае удачи – может помочь только при высочайшей подготовке специалиста (см. выше – как пример – о работах В.Н. Топорова).

- Статья имела несколько обзорный характер поневоле. Я считала необходимым показать широту исследований этого плана и – насколько это оказалось возможным – реальность и действенность методологии в решении поставленных задач.
- Ответ на последний вопрос – почему подобные исследования так охотно читаются и так неохотно на них ссылаются – остается по-прежнему самым трудным. Я думаю, что причина в том, что внутренний мир текста не идентичен окружающей нас «картине мира» и в каждом случае индивидуален. Однако виртуальные миры мифологических и художественных текстов столь же объективны и столь же поддаются проверенным методам исследования, как и те явления, которые изучает широко распространяющаяся когнитивная наука или наука о традиционной культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березович 2001 – Е.Л. Березович. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // ИАН СЛЯ. 2001. Т. 60. № 6.
- Березович 2007 – Е.Л. Березович. Афанас, Афанас провалился нынче в квас... (о формировании коннотативного спектра одного личного имени) // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007.
- Брагина 2001 – Н.Г. Брагина. Имена лиц в общественной культурно-языковой памяти // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Валянтас 2001 – С. Валянтас. Семантическая аура личных имен (на материале балтийских языков) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Васильева 2001 – Н.В. Васильева. Имя и безымянность (по текстам Милана Кундеры) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Васильева 2005 – Н.В. Васильева. Собственное имя в мире текста. М., 2005.
- Васильева 2007 – Н.В. Васильева. Поэтика безымянности (по мотивам Милана Кундеры) // ИМЯ: семантическая аура. М., 2007.

- Вельмезова 2001 – *Е.В. Вельмезова*. Имена собственные в двух эволюционистских теориях начала ХХ века // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Голомидова 1998 – *М.В. Голомидова*. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
- Двинягин 2001 – *Ф.Н. Двинягин*. Пословичный Фома // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Дмитровская 2001 – *М.А. Дмитровская*. Ономастикон Андрея Платонова: *Илья* // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Душечкина 2001 – *Е.В. Душечкина*. Семантическая история одного имени (от *Светланы* к *Светке*) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Душечкина 2007 – *Е.В. Душечкина*. Светлана. Культурная история имени. СПб., 2007.
- Елизаренкова 2001 – *Т.Я. Елизаренкова*. Об имени в «Ригведе» // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Запольская 2001 – *Н.Н. Запольская*. Библейское антропонимическое пространство в славянских грамматических трактатах XIV–XVII вв. // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Иванов Вяч. 1964 – *Вяч.Вс. Иванов*. Происхождение имени Кухулина // Проблемы сравнительной филологии. М.; Л., 1964.
- Иванов Вяч. 1976 – *Вяч.Вс. Иванов*. Иллирийское Кац-бáшоу как отражение древнебалканского и общеиндоевропейского текста мифа о герое – убийце Пса-Волка // Симпозиум по структуре балканского текста: Тезисы докл. и сообщ. М., 1976.
- Иванов Вяч. 1977 – *Вяч.Вс. Иванов*. Об анаграммах Ф. де Соссюра // Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Иванов Вяч. 1998 – *Вяч.Вс. Иванов*. Очерки по предыстории и истории семиотики // Вяч.Вс. Иванов. Избранные работы по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998.
- Иванов Вяч. 2000 – *Вяч.Вс. Иванов*. О композиционной роли фамилии героев у Достоевского: Смердяков // Вяч.Вс. Иванов. Избранные статьи по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 2000.
- Иванов Вяч. 2001а – *Вяч.Вс. Иванов*. Древнемалоазийские имена бога вина // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Иванов Вяч. 2001б – *Вяч.Вс. Иванов*. Языковые следы мифологии имени // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Иванов Вяч. 2004 – *Вяч.Вс. Иванов*. К проблеме шифтеров в анаграмматически построенном тексте // Вяч.Вс. Иванов. Избранные статьи по семиотике и истории культуры. Т. III. М., 2004.
- Иванова 2001 – *С.Л. Иванова*. Тиражированная единственность, уникальное множество и тождественный повтор – семантический опустошитель // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Кагарлицкий 2003 – *Ю.В. Кагарлицкий*. Риторика уподобления и риторика соревнования // Именослов. Заметки по исторической семантике имени. М., 2003.
- Ланглебен 2001 – *М.М. Ланглебен*. Звуковой континуум имен в «Гробовщике» Пушкина // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Литвина, Успенский 2001 – *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский*. Роль имени в организации и разрушении мифа («Младшая Эдда» как памятник переломной эпохи имени) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Литвина, Успенский 2003 – *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский*. Варьирование родового имени на русской почве: об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей // Именослов. Заметки по исторической семантике имени. М., 2003.
- Литвина, Успенский 2006 – *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский*. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006.
- Литвина, Успенский 2007 – *А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский*. Между прозвищем и панегириком: к изучению русско-варяжского формульного фонда // Именослов. Историческая семантика имени. Вып. 2. М., 2007.
- Матвеев 2006 – *А.К. Матвеев*. Ономатология. М., 2006.
- Невская 2001 – *Л.Г. Невская*. Из балто-славянского ономастикона: *nomina propria* с элементом «гость» // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Николаева 1997 – *Т.М. Николаева*. «Слово о полку Игореве». Лингвистика текста и поэтика. М., 1997.

- Николаева 2001 – Т.М. Николаева. Имена собственные в русской культуре и литературе (к вопросу об эволюции культурных коннотаций) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Николаева 2006 – Т.М. Николаева. Пушкин, Лермонтов и купец Калашников // ИАН СЛЯ. 2006. № 4.
- Николаева 2007 – Т.М. Николаева. Князь Звездич и баронесса Штраль – кто они такие? // ИМЯ: семантическая аура. М., 2007.
- Пеньковский 2003 – А.Б. Пеньковский. НИНА. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 2003.
- Пеньковский 2007 – А.Б. Пеньковский. Пушкинский текст и текст культуры: о Петре Петровиче Курилкине, о покойниках и мертвцах, о «гробах напрокат», о желтом цвете и о многом другом («Гробовщик») // ИМЯ: семантическая аура. М., 2007.
- Потебня 1990 – А.А. Потебня. Теоретическая поэтика. М., 1990.
- Ряпина (в печати) – Т.В. Ряпина. И. Бродский. Неназванное имя: «Часть речи» (в печати).
- Сальмон 2002 – Л. Сальмон. Личное имя в русском языке. Семиотика, прагматика перевода. М., 2002.
- Седакова 2007 – И.А. Седакова. Новая прагматика архаических моделей: имена неоязычников // ИМЯ: семантическая аура. М., 2007.
- Соливетти 2001 – К. Соливетти. Имя как искаженное отражение // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Соссюр де 1977 – Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Суперанская 2007 – А.В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М., 2007.
- Топоров 1983а – В.Н. Топоров. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
- Топоров 1983б – В.Н. Топоров. Русск. Святогор: свое и чужое (к проблеме культурно-языковых контактов) // Славянское и балканское языкознание. Проблема языковых контактов. М., 1983.
- Топоров 1986а – В.Н. Топоров. К реконструкции «прото-Ахилла» // Балканы в контексте Средиземноморья: проблемы реконструкции языка и культуры: Тезисы и предварит. мат-лы к симпозиуму. М., 1986.
- Топоров 1986б – В.Н. Топоров. Две заметки о Тантале // Балканы в контексте Средиземноморья: проблемы реконструкции языка и культуры: Тезисы и предварит. мат-лы к симпозиуму. М., 1986.
- Топоров 1989 – В.Н. Топоров. Имя как фактор культуры // Всесоюзная науч.-практич. конф. «Исторические названия – памятники культуры», апрель 1989. М., 1989.
- Топоров 1993 – В.Н. Топоров. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *mir-) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Международный съезд славистов. Братислава. Сентябрь 1993. Доклады Российской делегации. М., 1993.
- Топоров 1994 – В.Н. Топоров. О мифопоэтическом пространстве. Pisa, 1994.
- Топоров 1995а – В.Н. Топоров. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения. М., 1995.
- Топоров 1995б – В.Н. Топоров. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // В.Н. Топоров. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
- Топоров 1997 – В.Н. Топоров. Пространство и текст // Из работ Московского семиотического круга. М., 1997.
- Топоров 2001а – В.Н. Топоров. Из теоретической ономатологии // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Топоров 2001б – В.Н. Топоров. О мифопоэтическом образе Семена и Семеновны в русской традиции // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 1. М., 2001.
- Топоров 2003 – В.Н. Топоров. Вместо предисловия. В.Н. Топоров – автору книги // А.Б. Пеньковский. НИНА. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. М., 2003.
- Топоров 2004а – В.Н. Топоров. Имя как фактор культуры // В.Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2004.
- Топоров 2004б – В.Н. Топоров. Об одном способе сохранения традиции во времени: имя собственное в мифопоэтическом контексте // В.Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М., 2004.

- Топоров 2007а – *В.Н. Топоров*. К интерпретации былины «Путешествие Вавилы со скоморохами» // Имя: семантическая аура. М., 2007.
- Топоров 2007б – *В.Н. Топоров*. Пóфѡн, Ahi Budhnyà, Бäдньäк и др. // Имя: семантическая аура. М., 2007.
- Топоров 2007в – *В.Н. Топоров*. Древнегреческие μάκαρ, μακάριος и др. // Имя: семантическая аура. М., 2007.
- Топоров 2007г – *В.Н. Топоров*. Об одном архаичном переживании: похороны Сидора Карповича // Имя: семантическая аура. М., 2007.
- Топоров 2007д – *В.Н. Топоров*. «Скрытое имя» в русской поэзии // Имя: семантическая аура. М., 2007.
- Флоренский 2007а – *П. Флоренский*. Имена. М., 2007.
- Флоренский 2007б – *П. Флоренский*. Тайна имени. М., 2007.
- Фужерон 2001 – *И. Фужерон*. Имя и «безыменность» как прием расстановки сил и выражения авторского отношения к персонажам (на примере рассказов В. Гроссмана) // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Ч. 2. М., 2001.
- Фужерон (в печати) – *И. Фужерон*. Имя и «безыменность» как прием выражения авторского отношения к персонажам (в печати).
- Цивьян (в печати) – *Т.В. Цивьян*. Еще раз об именах в повести Б. Пастернака «Апеллесова черта» (в печати).
- Шапир 2001 – *М.И. Шапир*. Как звали няню Татьяны Лариной? (Из комментариев к «Евгению Онегину») // ИАН СЛЯ. 2001. № 6.

© 2009 г. Н.В. ВОСТРИКОВА

ЭКСПЕРИЕНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ: ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ФУНКЦИЙ

Данная работа посвящена дискурсивному поведению предложений с экспериментивным значением. Такие предложения интересны, в частности, тем, что их функционирование в дискурсе подчинено определенным закономерностям. Это ставит их в один ряд с такими языковыми единицами, как бытийные предложения, нарративные формы глагола, обстоятельственные предложения, модальные формы, т.е. с такими единицами, за которыми закреплена определенная позиция в структуре дискурса¹. Первая часть работы посвящена описанию типовых употреблений экспериментивных предложений в дискурсе на материале русского языка. Во второй части статьи будут рассмотрены языки со специализированными формами экспериментива. Это аналитические конструкции с довольно прозрачной внутренней структурой, по которой можно восстановить исходную связь между формой и передаваемым ей смыслом². Будет показано, что форма экспериментива в этих языках мотивирована дискурсивными функциями экспериментивных предложений.

1. ЭКСПЕРИЕНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ИХ ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Экспериментивные предложения (далее ЭП) описывают типовую ситуацию, участник которой характеризуется тем, что подобная ситуация хотя бы раз имела место в его жизни [Dahl 1985: 141; Bybee et al. 1994: 62; Плунгян 2001: 176]. Английский термин *the experiential* (от *experience* ‘жизненный опыт’) как раз отражает связь данного значения с понятием жизненного опыта.

- (1) «...а если открылась течь. Я читал, что бывают течи. Представьте себе, что открылась течь, и мы стали тонуть! Вам случалось тонуть, лейтенант?» «Никогда, но акула меня кусала» (И. Бродский).

Дискурсивные особенности ЭП уже привлекали к себе внимание исследователей. Дело в том, что экспериментивное значение – это частный случай широко обсуждаемого в аспектологической литературе общефактического значения НСВ. Контексты, рассматриваемые в этой работе, совпадают с теми, которые Е.В. Падучева называет общефактическим экзистенциальным употреблением НСВ [Падучева 1996: 43–52], а А. Грэнн экспериментивной (*experiential*) разновидностью НСВ [Grønn 2004]. Среди

¹ Так, бытийные предложения часто выступают в интродуктивной функции [Givón 1990: 741–748]. Обстоятельственным предложениям свойственно передавать фоновую, не основную информацию. Нарративные формы глаголов в тех языках, где они есть, напротив, используются для передачи основной сюжетной линии.

² Возможность и целесообразность такой реконструкции определяется постулатом об исходной мотивированности языковой формы: «в той мере, в какой языковая форма мотивирована, она “отражает” стоящую за ней, когнитивную структуру» ([Киблик А.Е. 2003: 46], см. также [Киблик А.Е. 1992: 25]). Данный постулат не утверждает, что «отражение» является одно-однозначным отношением, он лишь говорит, что «языковая форма в норме небезразлична к означаемой ею когнитивной структуре» [Киблик А.Е. 2003: 46].

многочисленных факторов, выявленных в связи с изучением конкуренции видов в русском языке, есть и дискурсивные факторы. Например, в [Хонг 2003] отмечается, что высказывания с НСВ часто имеют функцию так называемого субтопика; в рассматриваемой работе под субтопиком понимается высказывание (или глагольная предикация), «которое имеет более низкую иерархию в плане информационного статуса по отношению к другому высказыванию (или глагольной предикации) данного дискурса, функционирующему в качестве главного сообщения или главного дискурсивного топика <...>» [Там же: 226]³. Е.В. Падучева предлагает связывать это свойство НСВ с понятием факта. Фактивная семантика формы НСВ общефактического «предопределяет структуру связей, в которые входит эта форма в тексте: эти связи носят каузальный характер. Типичная структура рассуждения с НСВ общефактическим такова: ‘Я знаю этот факт, и это дает мне основание сделать заключение о том, что должен иметь место другой факт’» [Падучева 1996: 64]. Сходные рассуждения приводятся в статье И.Б. Шатуновского: «<...> высказывание с ОФ [НСВ общефактический. – H.B.] может служить опорной точкой для восстановления (в мысли) компрессированного звена по принципу: раз есть несамостоятельный ОФ, то должно быть нечто с ним логически связанное. При этом главным в блоке, тем, ради чего все это говорится, является именно имплицированное звено. Например: *Хотите борща?* – *Спасибо, я уже обедал* – косвенный компрессивный отказ: ‘я отказываюсь, потому что я уже обедал’ (с подразумевающимся общим суждением: люди обедают один раз в день)» [Шатуновский 2004: 374].

Итак, как было отмечено в литературе по общефактическому НСВ, высказывания с таким значением дискурсивно несамостоятельны: как правило, они подразумевают связи с другими частями дискурса. В данной статье это утверждение будет проверено на основе корпусного исследования, а также будет предложена более детальная классификация употреблений ЭП.

1.1. Экспериментивные предложения в русском языке: сбор материала

Выделение ЭП в качестве особого объекта для исследования не случайно. Известны языки⁴, в которых в составе таких предложений используется специализированная глагольная форма или конструкция; для таких языков правомерно говорить об экспериментиве как о грамматической категории. Если же в языке нет категории экспериментива, то все равно существует возможность передать данный смысл. Причем репертуар языковых средств, используемых в ЭП, ограничен: в частности, если в языке есть несколько глагольных форм для обозначения референции к прошлому, то не любая из них может быть использована в интересующих нас контекстах. Например, в языке коми требуется форма с итеративным суффиксом, обычная форма прошедшего времени без такого суффикса будет неграмматичной, см. (2).

- (2) Te kog-kə uš'-I-i-n (*uš'-i-n) kojməd etaž-š'an'?
ты когда-COND падать-ITER-PST-2 (падать-PST-2) третий этаж-ABL
Ты когда-нибудь падал с третьего этажа?

³ Продемонстрировать это можно на примере, разбираемом в этой работе. Так, в следующем отрывке первое высказывание – это, с точки зрения Т.-Г. Хонга, всего лишь прием, способствующий более плавному переходу к главной цели дискурса, которая заключается в том, чтобы узнать номер телефона справочного бюро.

А: Саша, ты заказывал железнодорожные билеты по телефону?

Б: Да, заказывал, а что?

А: У тебя не сохранился номер телефона? Мне надо заказать билеты [Хонг 2003: 319].

⁴ Среди этих языков: корейский, японский, татарский, якутский < АЛТАЙСКИЕ, индонезийский, сунданский, яванский < АВСТРОНЕЗИЙСКИЕ, агульский, даргинский < НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИЕ, исекири, сото < НИГЕР-КОНГО, китайский < СИНО-ТИБЕТСКИЕ, ряд тайских языков, ненецкий, удмуртский < УРАЛЬСКИЕ. Список языковдается по работам [Dahl 1985; Вострикова 2005].

В русском языке самым нейтральным и распространенным средством, используемым в экспериментивных контекстах, является прошедшее время НСВ: ср. (3), где употребление СВ невозможно.

- (3) *Не знаю, я никогда не пробовала_{НСВ} // *попробовала_{СВ} это делать* (С. Данилова)⁵.

Кроме того, в русском языке есть еще одна возможность выразить экспериментивное значение – конструкции с глаголами *приходиться, доводиться, случаться*.

- (4) *Кому не приходилось простужаться на юге, тому этого не объяснишь* (А. Битов).
(5) *Мне доводилось спать в гинекологическом кресле* (С. Довлатов).
(6) *Вам случалось переживать звездопад?* (Е. Маркова).

Упомянутые глаголы могут иметь и другие типы употреблений (*Он мне приходится/доводится дальним родственником*; модальные употребления глагола *приходиться; случаться* с моделью управления <с твор. п., им. п.>, <что/чтобы>⁶), экспериментивная семантика возможна только в составе конструкции <Дат. п. *приходилось/доводилось/случалось Инф.*>.

Таким образом, в русском языке ЭП могут иметь следующие формальные признаки: несовершенный вид глагола в форме прошедшего времени; вспомогательные глаголы *приходилось, доводилось, случалось*; обстоятельства времени, указывающие на временную неопределенность (*когда-либо, когда-нибудь, никогда, в своей жизни, както*). Эти формальные признаки использовались для задания запросов в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru), в поисковых системах Яндекс (www.yandex.ru) и Google (www.google.ru). Из выданных поисковыми системами результатов вручную отбирались контексты, содержащие ЭП. Часть примеров была получена с помощью эксперимента: носителям русского языка было предложено несколько фраз с экспериментивной семантикой, для каждой фразы нужно было составить естественный диалог. На основе полученного корпуса примеров (около 6000 словоупотреблений) была сделана классификация типичных употреблений ЭП.

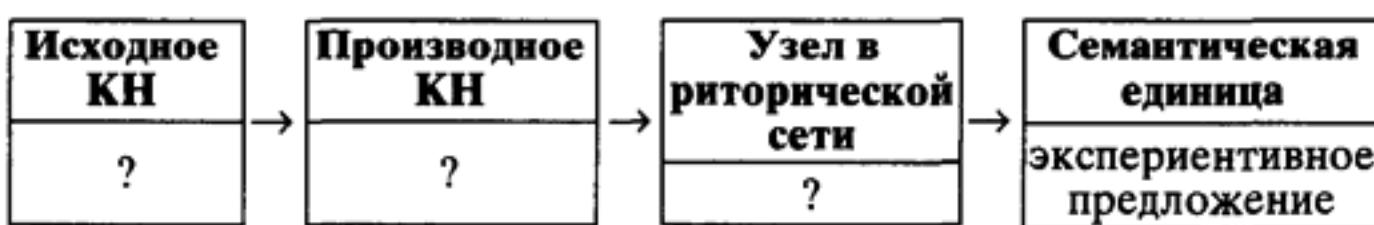
1.2. Типовые употребления экспериментивных предложений: классификация контекстов

Основой для классификации употреблений ЭП стало коммуникативное намерение (КН) говорящего (пишущего). В рамках когнитивного подхода к анализу дискурса используется следующая четырехуровневая модель порождения дискурса: исходное КН говорящего → производное КН → узел в риторической сети → семантическая единица (подробнее в [Кибрик А.А. 2003]). Таким образом, в процессе порождения текста происходит три перехода от одного уровня к другому: исходное КН говорящего распадается на ряд производных КН, которые в свою очередь реализуются в виде некоторой иерархической структуры; каждый узел риторической структуры реализуется как набор семантических единиц (лексических или грамматических). В нашем случае данная блок-схема выглядит следующим образом:

---

⁵ Большинство литературных примеров и примеров из прессы получены из НКРЯ (www.ruscorpora.ru).

⁶ В случае употреблений глагола *случаться* с такой моделью управления [*С тобой такое случалось? Случалось, что потом и свадьбы не было: молодые не понравились друг другу* («Народное творчество», 2004); *Даже в войну не случалось, чтобы кого-то – даже ночью – обидели или ограбили* (А. Эппель)] экспериментивная интерпретация обусловлена несовершенным видом, а глагол *случаться* просто выступает в своем исходном лексическом значении.

На данном этапе коммуникативные намерения говорящего и место ЭП в риторической сети остаются неизвестными, но вопросы будут сняты в процессе анализа материала.

На основе корпуса примеров были выделены следующие типы употреблений ЭП:

Тип 1. *Кто не ругался со станционными смотрителями! Кто с ними не бравил-ся!* КН говорящего состоит в том, чтобы задать тему дискурса.

Данный тип употребления ЭП характерен для заголовков статей (7); тема для обсуждения на форумах в Интернете часто формулируется в виде вопроса об опыте участия в некоторой ситуации (8). В более общем случае, такие высказывания сигнализируют о начале дискурса на некоторую тему. Данный тип, как правило, реализуется либо в виде вопроса о наличии опыта (7), (8), либо в виде утверждения о том, что каждый или многие имеют некоторый опыт (9).

(7) {заголовок статьи} *Катались когда-нибудь на одноколесном мотоцикле? Есть шанс.*

{начало статьи} *Чтобы кататься на такой штуковине, нужна изрядная смелость. Чтобы запустить ее в серийное производство – еще большая. И все же изобретатели очередного альтернативного транспортного средства надеются на появление инвесторов, которые помогут вывести их детище на очередной этап развития. Как только убедят всех, что одно двойное колесо лучше, чем два одинарных <...>* (Интернет).

(8) {пост в блоге} ТЕМА: *А вы когда-нибудь рыдали над книжкой?*

СОДЕРЖАНИЕ: *Я – да. Это случается довольно редко, и если очень цепляет. Вот и сегодня зацепило... Порой у меня появляются мысли о том, что такие книги нужно запретить издавать. Слишком уж много «этого» в жизни, чтобы читать такое в книгах <...>* (Интернет).

(9) *Многим из вас приходилось видеть ракушки – домики моллюсков. Моллюски – одни из самых древних обитателей планеты. Появились они около 450–500 миллионов лет назад. Среди них есть крохи, размеры которых не превышают нескольких миллиметров, а есть и настоящие гиганты до 137 сантиметров длиной. Таков, например, двустворчатый моллюск тридакна* («Мурзилка». № 1. 2003).

Тип 2. *Плавали. Знаем.* Говорящий обосновывает некоторое свое утверждение, ссылаясь на наличие (10) или отсутствие опыта (11).

(10) {фрагмент диалога, сконструированного участником эксперимента}

– *Моего знакомого недавно цапнул ротвейлер. Теперь ходит на уколы, б уколов и полгода не пить... Ничего, ему как раз полгода трезвости не повредит.*
 – *Как б уколов? 40!!!*
 – *Да нет же, мы вот недавно только от врача. б уколов.*
 – *Не надо только со мной спорить! Меня кусала собака.*

(11) *Но нигде я не видела «лучших директоров», как-то не доводилось сталкиваться. Поэтому на ваш вопрос: «Кто лучший директор? – отвечу. – Их нет».*

Тип 3. *Я по свету немало хаживал...* Автор объявляет себя специалистом в некоторой области, чтобы подчеркнуть уникальность некоторого факта или события.

- (12) *Много видел я чудес на своем веку. Но то, с чем я столкнулся недавно, потрясло и удивило меня впервые* (Интернет).

Последние два типа похожи между собой тем, что роль ЭП состоит в том, чтобы придать больший вес последующим утверждениям автора.

Тип 4. *Вам случалось тонуть, капитан? – Никогда. Но акула меня кусала.* КН говорящего состоит в желании поговорить о жизненном опыте (в какой-то области или о жизни вообще) либо своем, либо собеседника.

Данный тип употребления ЭП характерен для диалогических ситуаций: интервью, повседневное общение.

Это не полный список типов употребления ЭП, но он содержит наиболее интересные для дискурсивного анализа случаи. За рамками рассмотрения осталось употребление ЭП в роли рестриктивных придаточных (13), поскольку такие придаточные обычно не выделяются в качестве элементарных дискурсивных единиц, что делает невозможным анализ их роли в структуре дискурса. Считается, что сфера действия рестриктивных относительных предложений ограничивается уровнем предложения. Также не рассматриваются случаи употребления экспериментивных предложений в составе условных придаточных (14). Дело в том, что ЭП используются только в так называемых генерических условных придаточных: в таких случаях говорящий делает некоторое утверждение о том, как устроен мир. Предложения с генерическим условием легко трансформируются в предложения с рестриктивным придаточным (14').

- (13) *Тот, кому доводилось листать Ветхий Завет, должен помнить, что Голиафом звали великана, подстреленного из пращи Давидом – голым малым, знакомым нам по скульптуре Микеланджело* (Интернет).

- (14) *Взрослому отсасывание яда требуется, если его раньше уже кусала змея* (Интернет).

- (14') *Взрослому, которого раньше уже кусала змея, требуется отсасывания яда.*

Возможность употребления в составе таких придаточных является показательной, т.к. этот факт отражает презумтивную природу ЭП: это, как правило, та информация, которую говорящий и слушающий склонны считать истинной. На связь между рестриктивными относительными предложениями и пресуппозиции обращала внимание Е.В. Падучева в [1977], подробному исследованию этого явления посвящена работа Н.Б. Араповой [2006].

1.3. Экспериментивные предложения в структуре дискурса

Основная задача данной работы – выявление особенностей дискурсивного поведения ЭП. Поэтому необходим формализм, который позволит наглядно представить выявленные дискурсивные функции. Поскольку основная гипотеза состоит в том, что такие предложения имеют определенное место в структуре дискурса, то в качестве формализма было решено выбрать Теорию риторических структур ТРС (см. [Mann, Thompson 1987; Кибрик А.А. 2003; Литвиненко 2001; 2004]). Процедура анализа в рамках этой теории подразумевает несколько этапов: 1) разбиение текста на элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ)⁷; 2) установление между полученными единицами риторических отношений⁸; 3) построение дерева, отражающего структуру исследуемого отрывка дискурса.

⁷ В качестве ЭДЕ выступает, как правило, клауза – элементарное предложение, состоящее из одной глагольной формы и одной или нескольких именных групп. Традиционно в качестве отдельных ЭДЕ не выделяются рестриктивные придаточные предложения и сентенциальные актанты.

⁸ Считается, что каждая ЭДЕ добавляет что-то для реализации коммуникативного намерения автора, отсюда термин «риторические».

Построим риторические деревья для выделенных типов употребления ЭП.

Тип I будет проиллюстрирован деревом для примера (9). Разбиение на ЭДЕ будет выглядеть следующим образом:

- (9') (i) *Многим из вас приходилось видеть ракушки – домики моллюсков.*
(ii) *Моллюски – одни из самых древних обитателей планеты.*
(iii) *Появились они около 450–500 миллионов лет назад.*
(iv) *Среди них есть крохи, размеры которых не превышают нескольких миллиметров,*
(v) *а есть и настоящие гиганты до 137 сантиметров длиной.*
(vi) *Таков, например, двустворчатый моллюск тридакна.*

Второй этап анализа предполагает установление риторических отношений. Список этих отношений является открытым, но частота добавления новых отношений очень низкая. Описание наиболее частотных отношений изложено в [Mann, Thompson 1987], а также на сайте, посвященном Теории риторических структур (<http://www.sfu.ca/rst/index.html>). Отношения бывают двух основных типов: симметричные и асимметричные (одна из связанных асимметричным отношением единиц является главной, а вторая вспомогательной, периферийной; первую называют ядром, а вторую – сателлитом). К симметричным отношениям относятся, например, Конъюнкция (Joint), Последовательность (Sequence), Контраст (Contrast). Такие отношения связывают ДЕ, имеющие статус ядра. Список асимметричных отношений включает такие отношения, как Цель (Purpose), Условие (Condition), Уступка (Concession), Обоснование (Justify), Детализация (Elaboration), Волитивный результат (Volitional result), Неволитивный результат (Non-volitional) и др.

В данном отрывке (i) подготавливает читателя к восприятию последующей информации. В более поздних версиях ТРС было добавлено отношение Подготовка (Preparation). Сателлит в таком отношении предшествует ядру, и его функция состоит в том, чтобы у читателя появилась дополнительная мотивация к восприятию содержания ядра. Последующий текст распадается на две части: информация о возрасте моллюсков (ii)–(iii) и описание размеров (iv)–(vi). Эти части можно связать симметричным отношением Конъюнкция (Joint). В первой группе (iii) выступает в качестве обоснования для (ii). Во второй группе (iv) и (v)–(vi) связаны симметричным отношением Контраст (Contrast), (vi) связан с (v) отношением Детализация (Elaboration). Дерево для этого текста будет выглядеть следующим образом.

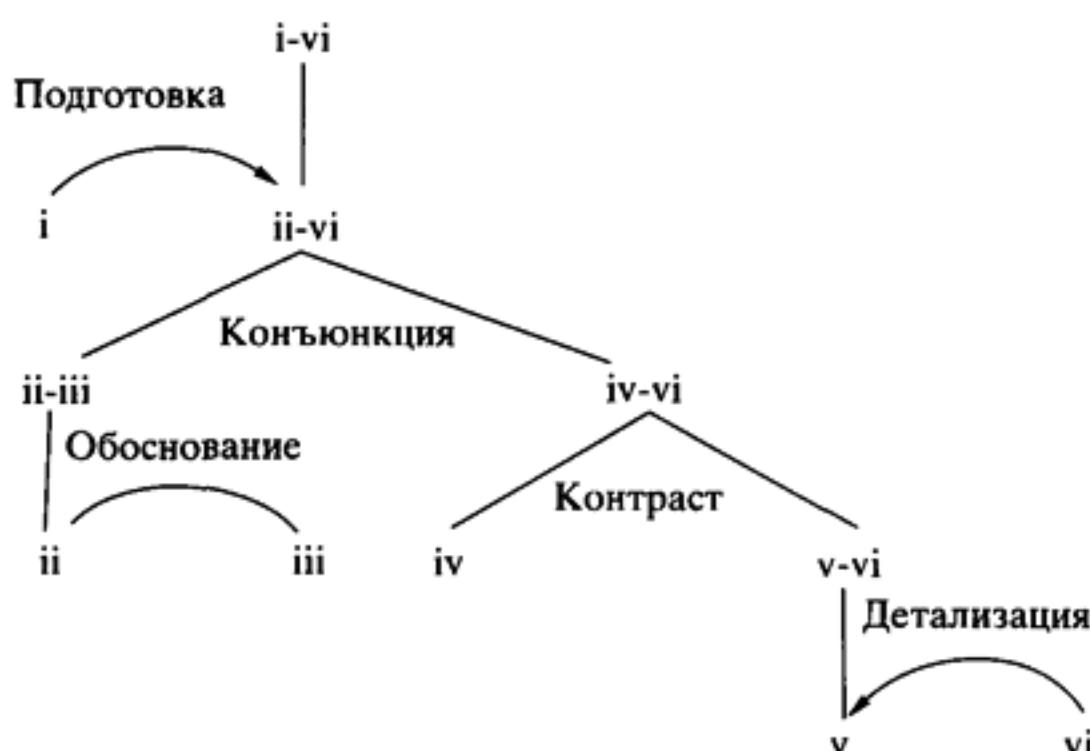

Рис. 1. Дерево риторических отношений для (9).

Таким образом, ЭП выступает в качестве сателлита по отношению ко всему тексту. У. Манн и М. Табоада (<http://www.sfu.ca/rst/index.html>) описывают такую связь с помощью отношения Подготовка (Preparation), в [Литвиненко 2001] предлагается отношение Заголовок.

В качестве примера дерева для типа 2 будет служить рис. 2. Для понимания роли ЭП в этом диалоге достаточно рассмотреть фрагмент диалога, состоящего из двух ЭДЕ.

- (10') (i) *Не надо только со мной спорить!*
(ii) *Меня кусала собака.*

Рис. 2. Дерево риторических отношений для фрагмента диалога (10).

Основная функция ЭП при данном типе употреблений состоит в том, чтобы убедить собеседника (читателя) в компетентности говорящего (автора) в некоторой области. Для описания такой связи ядра и сателлита лучше всего подходит отношение Обоснование, которому в [Mann, Thompson 1987]дается следующее определение: понимание сателлита усиливает готовность читателя принять право писателя делать утверждение, содержащееся в ядре.

Употребления типа 3 очень однородны по своей функции и внешней форме. Как правило, экспериментивное предложение содержит слова *много, немало* и т.п., а риторические отношения маркируются либо союзом *но*, либо уступительными союзами *хотя, несмотря на*. ЭП является сателлитом и связано со своим ядром отношением Уступка (Concession).

Построим дерево риторических отношений для (11). Разбиение на ЭДЕ будет выглядеть следующим образом:

- (11') (i) *Много видел я чудес на своем веку.*
(ii) *Но то, с чем я столкнулся недавно, потрясло*
(iii) *и удивило меня впервые.*

Рис. 3. Дерево риторических отношений для (11).

Тип 4 в явном виде характерен для диалогов. В ТРС диалоги анализируются как смена монологов, реплики же связываются отношениями Вопрос, Ответ, Согласие и т.п. (подробнее в [Литвиненко 2001]). Такой подход даст тривиальные результаты. Более

содержательные выводы можно сделать, построив интенционную модель глобальной структуры дискурса (см. [Кибрик А.А. 2003]). Не случайно, что именно для данного типа употребления ЭП приходится применять другой инструмент анализа, т.к. диалог – это особый тип дискурса.

Вопросы о жизненном опыте возникают в ситуации, когда говорящего интересуют некоторые аспекты жизни его собеседника. В зависимости от ситуации речевого акта и от намерений спрашивающего в ситуации диалога активирован некоторый базовый фрейм. Это может быть профессиональная деятельность собеседника, его политические взгляды, научные достижения и т.п. Так, в примере (1) активирован базовый фрейм⁹ «опасность на море». Этот фрейм подразумевает несколько слотов «тонуть», «быть укушенным акулой», «пережить бурю» и т.п. Собеседнику лейтенанта доступен слот «тонуть», т.к. только что шла речь о возможных течах. Выясняется, что данный слот не подходит, но т.к. базовый фрейм активирован, то в качестве ответа вполне допустимо предложить другой слот фрейма «опасность на море». В такого типа диалогах наиболее ярко проявляется семантика характеризации, которая так или иначе присуща ЭП. Задавая вопросы вида *Вы когда-нибудь делали X?* и получая на них ответы, участник речевого акта составляет определенное мнение о собеседнике. Таким образом, ЭП становятся основанием для дальнейших выводов о личности собеседника.

1.4. Экспериментивные предложения в структуре дискурса: выводы

Как показывает анализ, для ЭП характерно быть сателлитами. С одной стороны, это значит, что им свойственно передавать не основную, вспомогательную информацию. Так, процедура построения резюме (краткого содержания текста) в рамках ТРС – это удаление по определенным правилам некоторых сателлитов. Исследования показывают, что результирующий текст получается вполне связным и адекватно отражает содержание исходного текста. С другой стороны, сателлит – это неассертивная позиция, сюда, как правило, попадает не новая, уже известная участникам информация, либо та информация, которую участники речевого акта готовы воспринять как данное. многими исследователями (например [Haiman 1978; Givón 1990; Lambrecht 1994: 67–70; Чумакина 2001]) отмечалось, что для ряда обстоятельственных¹⁰ придаточных, особенно тех, что находятся в препозиции к главному, характерно быть топикальными, т.е. передавать известную, фоновую информацию. Поясню, что имеется в виду. Говорящий (автор) использует ЭП не для того, чтобы сообщить адресату что-то новое; такие высказывания нужны для подготовки слушающего к восприятию основной информации (тип 1) или для обоснования последующих кусков дискурса (типы 2 и 3). Кроме того, ЭП часто используются для опосредованной характеризации, т.е. на основе предыдущего опыта субъекту приписываются определенные знания, навыки, свойства (тип 4). Таким образом, ЭП служат основанием для дальнейших выводов (*Вася играл с самим Каспаровым → Вася неплохой шахматист*), даже если они не эксплицируются в тексте. Замечу, что семантика характеризации не может возникнуть просто так. Предложение *Вася доводилось охотиться на бизонов на необитаемом острове на рассвете* будет иметь нужный эффект, в одном из следующих случаев: а) говорящий считает, что слушающему интересны аспекты охоты на бизонов на острове ранним утром (соответственно, Вася может дать эту информацию); б) говорящему из-

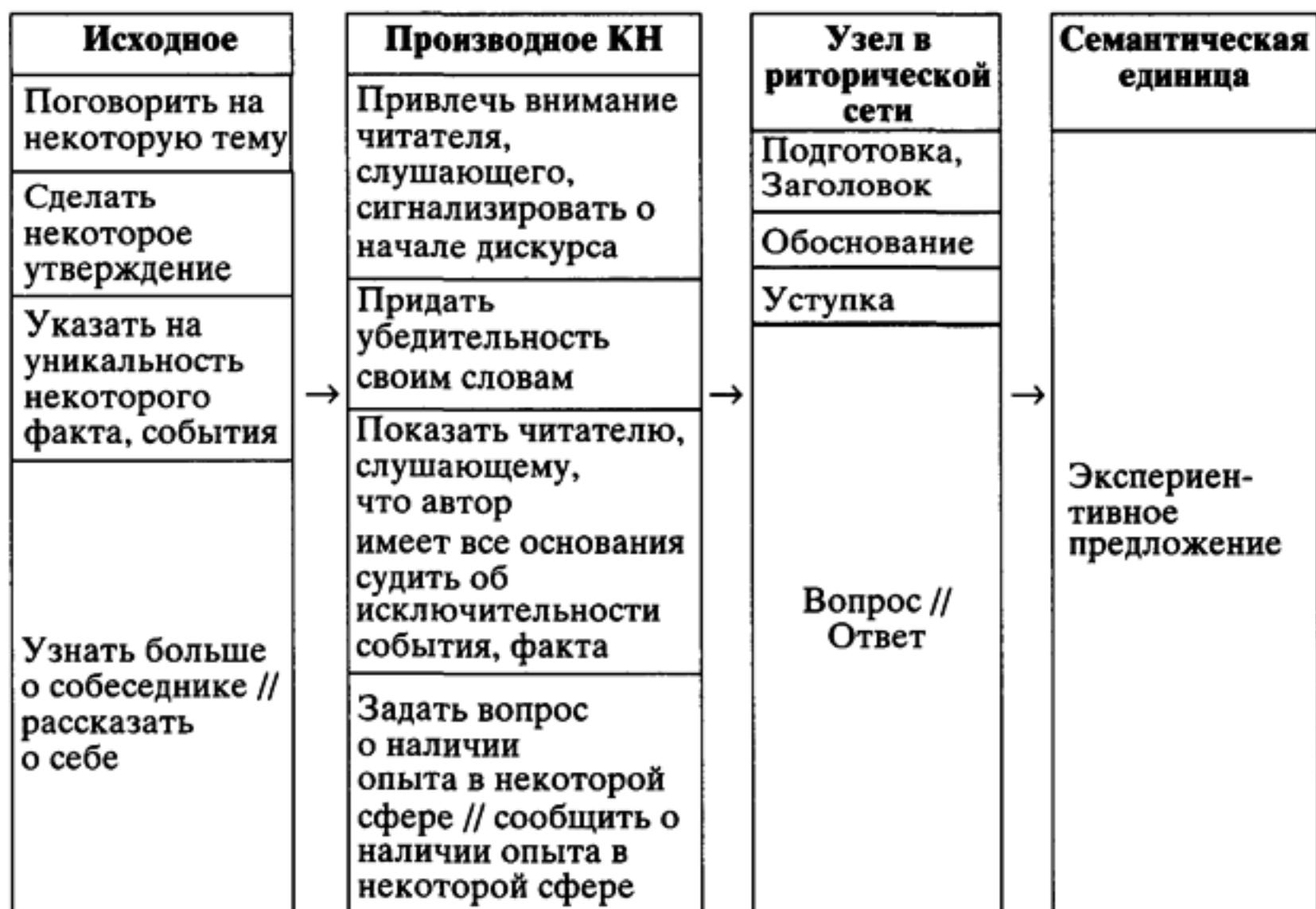
⁹ Я благодарна своему анонимному рецензенту, который обратил мое внимание на то, что в тексте И. Бродского, вероятно, содержится отсылка к известным строкам В.И. Лебедева-Кумача *Раз пятнадцать он тонул, погибал среди акул*. Это, однако, никак не противоречит предложенному нами анализу. Кроме того, и текст Лебедева-Кумача имеет ту же самую фреймовую структуру.

¹⁰ Список риторических отношений (Уступка, Причина, Условие, Цель и т.п.) не случайно напоминает список обстоятельственных предложений. Важная особенность состоит в том, что для ТРС не принципиально формальное выражение отношений.

вестно, что слушающий ищет человека, который бы смог заняться охотой на бизонов на рассвете. Таким образом, ситуация ‘охота на бизонов на (необитаемом) острове на рассвете’ и способность слушающего сделать нужные выводы из информации о том, что у кого-то есть опыт участия в подобной ситуации, относятся к фоновой информации. Фразовое ударение на глаголе, которому иногда приписывают новизну информации, относится не к пропозициональному содержанию высказывания, а к компоненту ‘имеет место’ [Падучева 1996: 32]. Не случайно в специализированных конструкциях эти два компонента выражаются на поверхностном уровне отдельно: значение ‘имеет место’ передается вспомогательными глаголами *приходилось*, *доводилось*, *случалось*, а пропозициональное содержание – инфинитивом с его зависимыми.

Схема, введенная в п. 1.2, будет выглядеть так, как это представлено в схеме 1’.

Схема 1’

2. ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ФУНКЦИЙ

В данной работе я исхожу из гипотезы о том, что дискурсивные функции ЭП более или менее универсальны. Это значит, что выявленные на материале русского языка закономерности функционирования ЭП верны и для других языков¹¹. В первой части работы было показано, что ЭП, как правило, имеют позицию сателлита в структуре дискурса, т.е. передают вспомогательную, фоновую информацию.

В этом разделе я предлагаю обратиться к материалу языков, которые имеют специализированную форму экспериентива. В подавляющем большинстве случаев это будет аналитическая конструкция с прозрачной внутренней структурой. Так, в ряде

¹¹ Данное утверждение не исключает возможности специфически языковых особенностей предложений с экспериентивной семантикой. Кроме того, частотность употребления разных типов может значительно различаться по языкам. Изучение свойств экспериентивных предложений на материале других языков и сопоставление полученных результатов могло бы стать интересной исследовательской задачей. Особый интерес представляют те языки, в которых имеется грамматикализованная форма экспериентива.

уральских и алтайских языков форма экспериентива имеет ту же структуру, что и бытийное предложение. В агульском и даргинском языках форма экспериентива представляет собой грамматикализацию особой коммуникативной структуры – фокус на уже актуализированной информации. Предполагается, что форма экспериентива в таких случаях мотивирована дискурсивными функциями ЭП.

2.1. Экспериентив как бытийное предложение

Одной из наиболее распространенных конструкций, используемых для специализированного выражения экспериентивного значения, является бытийное предложение, т. е. форма экспериентива в языке повторяет структуру бытийного предложения в этом языке. Так обстоит дело в уральских (удмуртский, ненецкий) и алтайских языках (корейский, японский, татарский, якутский).

Я приведу пример из татарского языка. В остальных языках ситуация аналогична. Так, в татарском языке бытийное предложение имеет следующую структуру: GEN + N-POSS + БЫТИЙНАЯ СВЯЗКА (см. пример (15)).

- (15) Минем вакыт-ым юк.
я:GEN время-POSS1SG нет
У меня нет времени [Ганиев, Гаффарова 1996: 112].

В (15) обладатель маркируется генитивом, а обладаемое оформляется посессивным маркером. В утвердительных и вопросительных контекстах используется бытийная связка *bar* ‘есть, имеется’, а в отрицательных – *юк* ‘нет, отсутствует’.

Конструкция с такой же структурой используется и для выражения экспериентивного значения. На месте N в схеме бытийных предложений в предложениях с экспериентивным значением используется отглагольное имя на -ган (см. пример (16)).

- (16) Аның ничектер әзерлә-гән-е бар.
он.GEN как-то готовить-NZR-POSS3SG есть
{ЛК: – Ты умеешь готовить пиццу? Мне рецепт нужен. – Спроси у моей сестры}. Она как-то ее готовила.

Таким образом, в предложениях с экспериентивом агенс, совпадающий с субъектом опыта, оформляется генитивом, глагол номинализуется и оформляется посессивным маркером, бытийная связка *bar* ‘есть, имеется’ делает предложение финитным, т.е. форма экспериентива в татарском имеет следующую структуру: GEN + VERB-NZR-POSS + БЫТИЙНАЯ СВЯЗКА, где NZR – суффикс номинализации. Так, мы видим, что структура формы экспериентива в татарском в точности повторяет структуру посессивных бытийных предложений.

Как было показано в первой части работы, ЭП, как правило, содержат информацию, которая важна не сама по себе, а как отправной пункт для дальнейших рассуждений. В таких случаях важно, чтобы эта информация воспринималась как данное: если с этой отправной точкой что-то не так, то это ставит под угрозу успех всей коммуникации. Поэтому говорящему важно «подавать» эту информацию как заранее истинную, так, чтобы у слушателя не было основания оценивать ее в терминах истина/ложь.

Теперь заметим, что в языках мира именно бытийные предложения часто являются «фундаментом», отправной точкой для последующего дискурса. Во-первых, именно оно наиболее часто употребляется в интродуктивной функции [Givón 1990: 741–748]: стандартное начало любой сказки – это бытийное предложение, которое вводит информацию о существовании важных для последующего дискурса референтов (*Жил-был король*); если не принять эту информацию как не подлежащую сомнению, то последующий дискурс оказывается бессмысленным. Во-вторых, любое высказывание

имеет пресуппозицию о существовании упомянутых участников (*Приехала моя сестра* → пресуппозиция ‘у меня есть сестра’), в то время как само бытийное предложения уже так не раскладывается. Таким образом, совпадение формы эксперимента и структуры бытийного предложения обосновывается, в частности, тем, что они имеют сходное функционирование в дискурсе.

2.2. Фокус на уже актуализированной информации

В агульском языке есть специализированная форма для выражения экспериментивного значения (17).

- (17) Wun maskawdi-? xu-f-e-wa?
ты Москва:OBL-IN быть.PF-ATR-COP-Q
Ты когда-нибудь бывал в Москве?

Данная форма состоит из атрибутивного причастия на *-f* и связки настоящего времени, которая следует за причастием. В агульском языке, как и в большинстве дагестанских языков, имеются сегментные средства для указания на то, что входит в асертивную часть высказывания, а что является пресуппозицией. Кроме того, для маркирования коммуникативной структуры предложения используются грамматические средства, а именно связки, предикативные маркеры, формы глагола. В связи с этим те формы, которые с точки зрения языков европейского стандарта будут отнесены к финитным, представляют собой всего лишь грамматикализацию определенного типа коммуникативного членения (подробнее в [Kalinina, Sumbatova 2007]). Так, в агульском языке глагольная форма может состоять либо из атрибутивного причастия, как в (17), либо из деепричастия. Выбор между деепричастием и причастием определяется следующим правилом: если глагол передает новую информацию, то используется деепричастие, если информация уже известна участникам коммуникативного акта или подается как таковая, то используется атрибутивное причастие. Связка не всегда следует за глаголом. Ее функция состоит в маркировании асертивной части высказывания. Поэтому она следует за глаголом, если он входит в ассерцию (в фокусе все предложение или только глагол), и клитизируется к одному из аргументов, если в фокусе один из участников ситуации. В последнем случае глагол всегда будет в форме причастия, т. к. подобная коммуникативная структура предполагает известность ситуации, описываемой глаголом (см. (18)).

- (18) Me k'ež lik'.i-f čiči e.
этот письмо писать.PF-ATR брат:ERG COP
Это (именно) БРАТ написал это письмо [Майсак, Мерданова 2002].

Предложение (18) может быть произнесено как ответ на вопрос *Кто написал письмо?*, т. е. сама ситуация находится в пресуппозиции, и это маркируется использованием причастной формы глагола, а в фокусе – сообщение о том, кто именно принял участие в уже известной ситуации.

Таким образом, в агульском (похожая ситуация в даргинском языке) форма эксперимента является результатом грамматикализации особой коммуникативной структуры. С одной стороны, позиция связки указывает на то, что глагол входит в состав коммуникативно значимой части высказывания. С другой стороны, сам глагол, употребленный с показателем атрибутива, оформлен как уже известная информация, как пресуппозиция (семантическая часть высказывания, которую, с точки зрения говорящего, слушающий готов принять как данное). Интересно отметить, что в агульском языке от основ несовершенного вида (экспериментив образуется от основ совершенного вида) образуется аналогичная по структуре форма (атрибутивное причастие плюс связка); она обозначает генерические ситуации [Мерданова 2004: 107–111]. Высказы-

вания такого типа (законы природы, известные истины, нормы поведения) не предназначены для оценки с точки зрения ложь/истина, а служат лишь напоминанием об известных истинах.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе были проанализированы случаи употребления ЭП. Была показана дискурсивная несамостоятельность таких высказываний: во-первых, чаще всего они оказываются сателлитами и играют вспомогательную роль в структуре текста; во-вторых, ЭП присуща семантика характеризации и тем самым они служат основанием для дальнейших выводов, даже если они не эксплицируются в тексте. Из этого следует, что ЭП, как правило, передают такую информацию, которую слушающий готов воспринять как данную. Произнося ЭП, говорящий не преследует цели сообщить адресату что-то новое; такие высказывания нужны для обоснования других частей дискурса или для подготовки к восприятию другой информации. Во второй части работы был проанализирован материал языков, имеющих специализированную форму экспериентива. В обоих случаях это были конструкции с понятной внутренней структурой, по которой можно восстановить связь между формой и передаваемой ей смыслом и ее функциями. Есть основания предполагать, что форма экспериентива в этих языках мотивирована дискурсивными функциями ЭП. Так, в ряде языков экспериентив имеет структуру бытийного предложения, дискурсивные функции которого пересекаются с дискурсивными функциями ЭП. В некоторых дагестанских языках (агульском и даргинском) используется форма, возникшая в результате грамматикализации особой коммуникативной структуры – в фокусе уже актуализированная (известная) информация.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ДЕ – дискурсивная единица; КН – коммуникативное намерение; ЛК – левый (= предшествующий) контекст; НСВ – несовершенный вид; СВ – совершенный вид; ТРС – теория риторических структур; ЭДЕ – элементарная дискурсивная единица; ЭП – экспериентивное предложение, предложение с экспериентивной семантикой

1, 2, 3 в гlosсах – 1, 2, 3 лицо; ABL – ablativ; ATR – atriбutiv; COND – условная частица; COP – связка; ERG – эргатив; GEN – генитив; IN – локализация ‘внутри ориентира’; ITER – итератив; NZR – номинализатор; OBL – косвенная основа; PF – перфектив, совершенный вид; POSS – посессивность; PST – прошедшее время; Q – маркер вопроса; SG – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аралова 2006 – Н.Б. Аралова. Рестрикция и пресуппозиция (корпусное исследование на материале придаточных определительных с союзным словом *который* в русском языке). Курсовая работа. М., 2006.
- Вострикова 2005 – Н.В. Вострикова. Типология средств выражения экспериенциального значения // Вторая конференция по типологии и грамматики для молодых исследователей. Материалы (Санкт-Петербург, 3–5 ноября 2005 г.). СПб., 2005.
- Ганиев, Гаффарова 1996 – Ф.А. Ганиев, Ф.Ф. Гаффарова. Русско-татарский словарь. Казань, 1996.
- Кибрик А.А. 2003 – А.А. Кибрик. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2003.
- Кибрик А.Е. 1992 – А.Е. Кибрик. Очерки по общим и прикладным вопросам языкоznания. М., 1992.
- Кибрик А.Е. 2003 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.

- Литвиненко 2001 – *A.O. Литвиненко*. Описание структуры дискурса в рамках теории Риторической структуры: применение на русском материале // Труды Международного семинара «Диалог'2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям». Аксаково, 2001. Т. 1.
- Майсак, Мерданова 2002 – *T.A. Майсак, С.Р. Мерданова*. Глагольная система хлюкского говора агульского языка. Рукопись, 2002.
- Мерданова 2004 – *С.Р. Мерданова*. Морфология и грамматическая семантика агульского языка. М., 2004.
- Падучева 1977 – *Е.В. Падучева*. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
- Падучева 1996 – *Е.В. Падучева*. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Плунгян 2001 – *В.А. Плунгян*. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филол. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. I. 2-е изд. М., 2001.
- Хонг 2003 – *Тэк-Гю Хонг*. Русский глагольный вид сквозь призму теории речевых актов. М., 2003.
- Чумакина 2001 – *М.Э. Чумакина*. Когнитивная и формальная структура конструкций обусловленности. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Шатуновский 2004 – *И.Б. Шатуновский*. Общефактический НСВ: коммуникативные функции и референция // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2004.
- Bybee et al. 1994 – *J.L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Dahl 1985 – *Ö. Dahl*. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Givón 1990 – *T. Givón*. Syntax. A functional-typological introduction. V. 2. Amsterdam, 1990.
- Grønn 2004 – *A. Grønn*. The Semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective. PhD thesis. Oslo, 2004.
- Haiman 1978 – *J. Haiman*. Conditionals are topics // Language. V. 54. 1978. № 3.
- Kalinina, Sumbatova 2007 – *E. Kalinina, N. Sumbatova*. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // I. Nikolaeva (ed.). Finiteness: theoretical and empirical foundations. Oxford, 2007.
- Lambrecht 1994 – *K. Lambrecht*. Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.
- Mann, Thompson 1987 – *W. Mann, S.A. Thompson*. Rhetorical structure theory: a theory of text organization. Los Angeles, 1987.

© 2009 г. Д.А. ЭРШЛЕР

К ТИПОЛОГИИ НЕПАЦИЕНТИВНЫХ ЗНАЧЕНИЙ АККУЗАТИВА*

Et rose elle a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin.

F. Malherbe. Consolation à M. Du Périer
sur la mort de sa fille.

В настоящей статье изучается типология непациентивных значений, оформленяемых аккузативом, и обсуждается, существует ли некоторая общая мотивация для таких употреблений аккузатива. Найденные значения разбиваются на несколько групп, для каждой из которых предлагается отдельное объяснение. Кроме того, использованная выборка языков позволяет сформулировать некоторые фреквенталии, касающиеся аккузативного маркирования адвербиалов.

1. ВВЕДЕНИЕ

Хорошо известно, что помимо своей основной функции, маркирования пациенса, аккузатив может употребляться и для оформления периферийных ролей (см., например [Lazard 1994; Haspelmath 1997]). В частности, во многих языках аккузативом оформляются ИГ с пространственно-временными значениями:

(1) а. русский

Раскольников болел неделю.

б. латынь¹

recta enim a port-a dom-um me-am veni-sse.
прямо именно от ворот-ABL дом-ACC мой-ACC приходить-INF.PERF
'Он прямо от ворот пришел в мой дом' (Cic. Fam. 9, 19).

* Часть результатов работы докладывалась на семинаре проблемной группы по теории грамматики в ИЯ РАН, на 3-й Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, 2006 г.) и 7-м коллоквиуме Ассоциации Лингвистической Типологии (Париж, 2007 г.) [Эршлер 2006; Erschler 2007b]. Я благодарю слушателей докладов за высказанные замечания. Я принателен В.А. Плунгяну за многочисленные обсуждения и внимание к работе. Предварительные варианты статьи любезно прочли П.М. Аркадьев, В.С. Волк и Е.Л. Рудницкая. Сбор и глоссирование материалов на разных языках был бы невозможен без помощи П.М. Аркадьева, А.В. Архипова, В.Ф. Выдрина, Т.А. Майсака, Е.С. Масловой, Е.Б. Маркус, И. Николаевой и М. Тольской, А.Ю. Русакова, И.А. Сержанта, Е.В. Федько, Y. Treis. Я принателен В.Ф. Выдрину, Е.Ю. Калининой, Е.Б. Маркус и А.Б. Шлуинскому, взявшим мою анкету в свои экспедиции и опросившим по ней носителей. Я благодарю Я.Г. Тестельца, обратившего мое внимание на стихотворение Малерба, цитируемое в эпиграфе. Данные по осетинскому языку были собраны в экспедиции в Северную Осетию, финансированной грантом РГНФ № 08-04-18019e. Работа над статьей частично поддержана также грантом РГНФ № 08-04-00208a.

¹ Мы приводим источники сведений по упоминаемым нами конкретным языкам в конце статьи. Примеры, источник которых не указан, получены непосредственно от носителей.

Естественно задать вопрос, какие именно значения оформляются таким образом, и попытаться найти какое-нибудь объяснение этим употреблениям.

Насколько нам известно, ранее типология непациентивных значений аккузатива систематически не исследовалась. Так, в сборнике [Plank 1984] «побочные» значения аккузатива не затрагиваются вовсе, в новом исследовании [Davidse, Lamigo 2002] имеется статья [Melis 2002], где подробно обсуждается структура «объектной зоны»² во французском, но об этом явлении в других языках ничего не говорится. В работе [Lee, Wechsler 1996] на корейском материале предлагается универсальное условие, которому должны удовлетворять адвербиалы, маркированные аккузативом: адвербиал должен быть «функцией меры» (extensive measure function или situation delimiter), т.е. таким параметром ситуации, что, во-первых, значения его выражаются числом некоторых единиц (*Вода кипит при ста градусах*, *Длина удава – тридцать восемь попугаев*, но не *Венечка ехал в Петушки*, *Винни-Пух упал в яму нечаянно*), а во-вторых, из ситуаций с одними и теми же參與антами, но со значениями данного параметра x и y может складываться ситуация со значением параметра $x + y$. Наиболее типичный пример такой функции – длительность: из ситуаций «*Вася бежал десять минут*» и «*Вася бежал пять минут*» складывается ситуация «*Вася бежал пятнадцать минут*». Пример параметра ситуации, не являющегося функцией меры, – скорость: из ситуаций «*Вася бежал со скоростью 8 км/ч*» и «*Вася бежал со скоростью 9 км/ч*» не складывается ситуация «*Вася бежал со скоростью 17 км/ч*». Однако это условие объясняет лишь часть употреблений аккузатива. Даже в корейском помимо адвербиалов меры аккузативом могут маркироваться адвербиалы цели и локализации движения, см. примеры (14б, 15б).

В генеративных работах предлагаются структурные объяснения маркирования некоторых адвербиалов ядерными падежами, см., например [Pereltsvaig 1998; 2000] для финского и русского, [Sohng 2004] для корейского. Нас, однако, интересует другой вопрос: почему аккузативом оформляются совершенно определенные значения (или почему ИГ с определенной семантической ролью оказываются именно в тех позициях, где ИГ получает аккузатив), притом что значения, им весьма близкие, систематически оформляются иначе:

(2) русский

- a. *Вася пил водку неделю.*
- b. *Вася выпил водку *(за) неделю.*

инарийский саамский [Nelson 2003, пример (34)]

- v. Sun gaahtij kárbá uprâ ijjâ.
он(а) строил(а) лодка.АСС весь ночь.АСС
'Он(а) делал(а) лодку всю ночь'.
- г. Sun gaahtij kárbá tiijm-est.
он(а) строил(а) лодка.АСС час-LOC
'Он(а) сделал(а) лодку за час'.

По-видимому, чисто синтаксическими соображениями тут обойтись нельзя.

Сходство в оформлении прямого дополнения и темпоральных адвербиалов было отмечено И.Ш. Козинским в его диссертации [Козинский 1979], он подытожил свои результаты в виде следующей универсалии (№ 33 в его списке): «В подавляющем большинстве языков формы, служащие для выражения прямого дополнения, могут употребляться также и для выражения обстоятельств, в особенности обстоятельств времени, причем в этом случае их употребление не зависит от переходности или непереходности глагола-сказуемого» [Там же: § 108].

² Термин принадлежит Лазару [Lazard 1994].

Отметим, что в универсалии не уточняется, какие именно «обстоятельства времени» могут маркироваться таким способом.

Причины, по которым аккузативом часто оформляются адвербialsы длительности непредельной ситуации, обсуждаются в работе [Haspelmath 1997], послужившей отправной точкой для нашего исследования.

2. О ТЕРМИНАХ И ПОНЯТИЯХ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В РАБОТЕ

2.1. Аккузатив в языках мира

Термин «аккузатив» для падежа, маркирующего роль пациента, стандартен в современной типологии. Но сделаем одно необходимое уточнение: в тех случаях, когда показатель используется для маркирования и пациента, и еще какой-либо ядерной роли, мы считаем его маркером обоих падежей и говорим, например, об аккузативе-дативе. Синкетизм такого рода весьма распространен, так, например, в ительменском одинаково маркируются аккузатив и номинатив; в иронском осетинском – аккузатив, генитив и инессив; в чувашском, пенутийских (Калифорния) и др. – аккузатив и датив³; в современном восточноармянском – аккузатив, генитив и датив.

Основным материалом нашего исследования являются языки, аккузатив в которых морфологически самостоятелен (термин из статьи [Зализняк 1973]), т.е. такие, в которых хотя бы для некоторых лексем аккузатив не выражается синкетично с каким-либо другим падежом. Количество таких языков не слишком велико, они сконцентрированы преимущественно в Евразии и Восточной Африке. Кроме того, в Южной Америке нужный нам падеж был обнаружен в имбабура кечуа⁴, а в Австралии – в языках дяланди⁵ (вымерший или почти вымерший, группа ганьяра, семья пама-ньюнга, Северо-Западная Австралия) и дивали (вымерший, группа мантарта, семья пама-ньюнга, Северо-Западная Австралия), см. [Austin 1991]. Нам не известно ни об одном языке Океании, Новой Гвинеи и Северной Америки, который бы обладал морфологически независимым аккузативом. Из-за этого общепринятый в современной типологии метод сбалансированных выборок в нашем случае, к сожалению, неприменим.

Мы исключаем из рассмотрения языки с двухпадежными системами, во избежание случайного синкетизма ролей⁶.

2.2. Адвербialsы – отбор примеров

Под «адвербialsами» мы подразумеваем любые составляющие, меньшие клаузы, модифицирующие группу глагола (или клаузу – в рамках типологического исследования на большой выборке это различие трудно проследить). Нам здесь требуются некоторые критерии того, в каких именно случаях есть смысл говорить о непациентивных значениях аккузатива.

С точки зрения синтаксиса, оформленные аккузативом именные группы с непациентивными значениями заполняют весь спектр от прототипических прямых дополне-

³ Более того, в некоторых языках, морфологически не дифференцирующих пациент и датив, по-видимому, отсутствуют и синтаксические различия между прямым и косвенным дополнением. В [Smita 1993] это утверждается про маратхи, а в [Weber 1996] про уаллага кечуа.

⁴ При этом в некоторых других кечуа морфологически независимого аккузатива нет, так, согласно [Weber 1996: 248], в уаллага кечуа имеет место синкетизм аккузатива и датива.

⁵ К сожалению, никаких опубликованных материалов по дяланди, кроме цитируемой статьи Остина, нет, поэтому сведений о грамматической семантике аккузатива в этом языке нам получить не удалось.

⁶ Впрочем, по данным исследования [Аркадьев 2006], двухпадежные языки с морфологически самостоятельным аккузативом неизвестны.

ний, удовлетворяющих многим тестам на актант (*проводить лето*), до наречий, восходящих к аккузативным ИГ (ср. русск. *сейчас*, лат. *mult-um* ‘много’, нанайск. *эйне* < *эйни-вэ* этот день-АСС ‘сегодня’⁷). Ограничиться семантическими соображениями («годится все, что маркировано аккузативом и не пациент») нельзя: трудно найти семантическую роль, которая бы в каком-нибудь языке не оказалась бы оформлена аккузативом при подходящем глаголе, ср. *проводить зиму* (temporalная локализация/длительность), *занимать место* (локализация), нем. *ein-en Hengst reiten* ‘ART-АСС жеребец ездить’ ‘ездить верхом на жеребце’ (инструмент?) и т.п.

Основным критерием для нас служит наличие достаточного количества глаголов, с которыми сочетается данное значение. Располагая корпусом текстов с точными переводами или богатой примерами грамматикой, это условие можно проверить.

3. РОЛИ, КОДИРУЕМЫЕ АККУЗАТИВОМ

3. 1. Темпоральные роли

3.1.1. Длительность немаркированной по завершенности ситуации. Аккузативом может маркироваться длительность незавершенной или немаркированной по завершенности ситуации (*imperfective and neutral viewpoints* в терминах [Smith 1991]), см. далее пример 3. При этом длительность завершенной⁸ ситуации (*perfective viewpoint* [Smith 1991]), *a priori*, семантически очень близкое значение, ни в одном известном нам случае не маркируется аккузативом, что и служит основанием для разделения этих двух ролей.

Надо оговориться, что (не)пределность и (не)маркированности по завершенности отличимы лишь при помощи некоторых тестов, для которых требуются подробные исследования акциональности в изучаемых языках, например, в духе [Tatevosov 2002]. До тех пор, пока такая работа не будет проделана – а для нее необходимо участие носителей – мы будем вынуждены довольствоваться несколько огрубленным подходом.

(3) русский

Я читал статью неделю (и вчера, наконец дочитал /, но так и не дочитал).

(4) венгерский [Csírmaz 2006]

jános   futott   fél   órá-t.
Янош-НОМ   бегал   половина   час-АСС
'Янош бегал полчаса'.

(5) камбаата (восточно-кушитские, Эфиопия) [Treis 2006]

matú   sanná   horánka   xíjj-ee-se.
один:М.АСС   неделя:М.АСС   целый:М.АСС   болеть-3М.PERF-3F.OBJ
'Она болела целую неделю'.

Вообще говоря, в этом значении можно при желании выделить еще одно подзначение: **длительность ситуации**, при условии полного охвата некоторого периода. В арчинском для этого используется другой падеж, а в агульском – специальная наречная форма (а не ИГ, оформленная падежом), т.е. в некоторых языках, пусть и эргативных, такое подзначение выделяется.

⁷ [Аворин 1961: 208].

⁸ При этом несущественно, была ли ситуация предельной, достигшей своей естественной конечной точки, или прекратившейся испредельной. Важно лишь то, что говорящий подчеркивает, что ситуация прекратилась.

(6) арчинский⁹

а. продолжительность

zari	q'onq'	ol'ni	qI'.e-t'u	šafat-li-n
я.ERG	книга.NOM	4.читать.PERF	два-4	час-OBL-GEN
'Я читал книгу два часа'.				

б. продолжительность + полный охват

q'lȏtaqI-l-a	ulu	lo	beč'-ō-t'u-ši	i<w>di
зима-OBL-LOC	M.мы.EXCL.GEN	ребенок.NOM	мочь-POT.NEG-NEG-CVB	<M>AUX
'Мальчик всю зиму болел'.				

В английском, где употребление беспредложных именных групп для выражения длительности достаточно периферийно, при условии полного охвата интервала примеры становятся более приемлемыми (примеры из [Lee, Wechsler 1996 №№ 65, 66]):

(7) английский

- а. *I talked to Lucy an evening.
б. I talked to Lucy an entire/a whole evening.

Это служит дополнительным аргументом в пользу того, чтобы признать отдельным значением «полный охват временного интервала».

3.1.2. Значения ‘количество раз’ и ‘каждый’. В корейском значение ‘количество раз’ маркируется аккузативом, а значение ‘каждый’ – редупликацией соответствующего существительного, которое не маркируется при этом падежом:

(8) корейский

а. [Kim 2001]

na-nun	new york-ul	twu-pen-ul	pangwum-ha-ess-ta.
я-TOP	Нью-Йорк-ACC	два-раз-ACC	визит-делать-PST-DECL
'Я ездил в Нью-Йорк два раза'.			

б. [Lee, Wechsler 1996, пример 8]

Tom-i	mayil-mayil(*-ul/*-i)	wa-ss-ta.
Том-NOM	каждый.день-ACC/-NOM	приходить-PST-DECL
'Том приходил каждый день'.		

Кроме того, разные способы оформления этих двух значений существуют в маньчжурском [Gorelova 2002], адыгейском и арчинском (результаты опроса носителей). В русском языке генитив отрицания допускается лишь со вторым из этих значений¹⁰:

(9) русский

- а.* *Вася не проводит в Бобруйске каждого лета.*
б. *OK Вася и двух раз не был в Бобруйске.*

Приведем несколько примеров аккузативного маркирования данных ролей.
Значение ‘количество раз’ – см. 8а. Значение ‘каждый’:

(10) а. русский

- Каждую среду Вася ходит в кино.*
б. литовский

⁹ Эти примеры были собраны Е.Ю. Калининой во время экспедиции в Арчи летом 2006 г.

¹⁰ Грамматичность оценивалась с помощью опроса носителей.

Kiekvien-**a** dien-**a** po nauj-**a** žod-**i**
каждый-ACC день-ACC по новый-ACC слово-ACC
'Каждый день по новому слову' [<http://kriu.lt/blog/40-kiekvienna-diena-po-nauja-zodi>].

3.1.3. Темпоральная локализация. Под темпоральной локализацией мы подразумеваем значения наподобие 'этой осенью', 'по весне' и т.п.

(11) а. эвенский [Мальчуков 1999]

эрэ-в анган-у хредн'а-тки холас-т.
этот-ACC год-ACC средний-ALL ездить-3PL.
'В этом году в Средний ездили'.

б.

немецкий

Dies-**en** Montag habe ich de-**n** Zaun zerbroch-**en**.
этот-ACC понедельник AUX:1SG.PRS я DEF.M-ACC забор сломать-PRTG
'В этот понедельник я сломал забор'.

3.1.4. Этап¹¹.

(12) русский

Третью неделю пьем за здоровье Вашего величества.

В данном случае мы выделяем значение по априорно-семантическим соображениям: его трудно свести и к длительности, и к темпоральной локализации в чистом виде.

3.2. Пространственные роли

3.2.1. Мера пройденного пространства.

(13) имбабура кечуа [Cole 1985:118]

shuj kilumitru-**ta** kalpa-rka-ni.
один километр-ACC бежать-PST-1SG
'Я бежал километр'.

3.2.2. Цель.

(14) а. латынь (с названиями городов и небольших островов, а также словами *domus, rus, humus*)

[Hannibal] in hibern-a Сари-**am** concess-it. (Liv. 23, 18)
Ганнибал в зимняя.казарма-ACC.PL Капуя-ACC уйти-3SG.PST
'(Ганнибал) ушел на зимние квартиры в Капую'.

б. корейский [Холодович 1954: 61]

hakkyo-**lul** ka-n-**ta**.
школа-ACC идти-PRS-DECL
'Иду в школу'.

При этом, согласно [Холодович 1954], цель, маркированная аккузативом, не указывает на достижение результата. Для того, чтобы подчеркнуть последнее, используется датив.

¹¹ Термин из [Крысько 2006].

3.2.3. Динамический локатив¹². Мы называем так локализацию движения (а не произвольную локализацию, т.с. «ходить лес-акк», но «*сидеть стул-акк»).

(15) а. фарерский [Lockwood 1964]

Vit	far-a	loft	veg-in.
мы	ехать-PRS.PL	воздух	путь-ACC
'Мы полетим на самолете (букв. едем по воздуху)'			

б. корейский [Maling 1987, пример 20b]

pis	kil-ul	katongcha-ka	kosok-ul-o
дождливый	дорога-ACC	машина-NOM	большая.скорость-INSTR
mola-ci-ess-ta			
вести-PASS-PST-DECL			
'Машину вели (букв. машина велась) на большой скорости по дождливой дороге'.			

3.3. Спорадические роли

К спорадическим мы относим нетемпоральные и непространственные роли. Они, впрочем, зафиксированы лишь в очень немногих языках.

3.3.1. *Accusativus graecus*.

(16) греческий

pod-as	ōk-us	Achille-us.	(Ill. 1:58)
нога-ACC.PL	быстрый-NOM	Ахиллес-NOM	
'быстрых ног (быстрый ногами) Ахиллес'.			

В камбаата, по данным [Treis 2006], некоторые прилагательные управляют аккузативом, так что *accusativus graecus* присутствует и там, по крайней мере, маргинально:

(17) камбаата

Buxichchí	sá'u	buudá	qabára-a.
бедняк.SG.M.GEN	корова.M.NOM	рог.F.ACC	плоский-M.COP
'У коровы бедняка плоские рога (букв. плоская рогами)'.			

3.3.2. *Образ действия.*

(18) имбабура кечуа [Cole 1985: 116]

ray-ka	sinchi-ta	trabaja-tka
он-TOP	сильный-ACC	работать-PST.3SG
'Он тяжело работает'.		

3.3.4. Восклицание. (латынь, нанайский, орочский, классический арабский). Эта «роль»¹³, строго говоря, не входит в наш список, поскольку такие ИГ не являются глагольными зависимыми, однако ее присутствие в совершенно неродственных языках по крайней мере забавно:

(19) нанайский [Авторин 1959: 178]

энэ-нэ	боатонго-ва
восклицание	охотник-ACC
'Ну и охотник!'	

¹² Термин был предложен И.Б. Иткиным.

¹³ Конечно же, аккузатив тут маркирует не семантическую роль в буквальном смысле, а иллокутивную силу высказывания.

3.4. Роли и языки

Подытожим данные по нашей выборке, см. табл. 1.

Таблица 1

Непациентивные роли, маркируемые аккузативом

Значение	Языки, в которых оно зафиксировано
Темпоральные	
длительность ситуации, немаркованной по завершенности	и.-е.: латынь, древнегреческий, русский (и др. славянские), литовский, латышский, албанский, грабар, санскрит, тохарские, фарерский... тюркские: карачаево-балкарский, маргинально – сагайский диалект хакасского;
‘количество раз’	уральские: венгерский, инарийский саамский;
‘каждый’	тунгусо-маньчжурские: эвенкийский, эвенкийский, нанайский, удэгейский, орочский; корейский;
этап	афразийские: классический арабский, камбаата;
локализация	нило-сахарские: динка; имбабура кечуа
протяженность	русский и др. славянские; литовский; корейский
цель	русский и др. славянские; литовский
динамический локатив	русский, латынь
Пространственные	
образ действия	литовский, албанский; эвенкийский и др. тунгусо-маньчжурские; татарский; камбаата; имбабура кечуа
Accusativus Graecus	санскрит, авестийский; корейский; камбаата; маргинально – латынь, греческий, тохарские, древнерусский, старолатышский (дайны)
Accusativus Exclamationis	тунгусо-маньчжурские; корейский; фарерский; венгерский
Сporадические	
Accusativus Graecus	грабар, ведийский; имбабура кечуа
Accusativus Exclamationis	греческий, латынь ¹⁴ , камбаата
	латынь; нанайский, орочский; классический арабский

4. ФРЕКВЕНТАЛИИ

Перечислим фреквенталии, которые следуют из нашей выборки. В скобках перечислены языки, на данных из которых основываются выводы.

(А) Аккузативом не может маркироваться адвербиал длительности завершенней предельной ситуации (русский и др. славянские, латынь, фарерский и др. германские, ведийский, албанский, венгерский, корейский, удэгейский и др. тунгусо-маньчжурские, турецкий и некоторые другие тюркские, камбаата, канури, тамильский, колымский юкагирский).

Ни предельности, ни завершенности в отдельности не достаточно, чтобы исключить появление аккузатива. Так, уже цитировавшийся нами саамский пример иллю-

¹⁴ В латыни, впрочем, accusativus graecus был, по-видимому, книжным заимствованием из греческого.

стрирует, что аккузатив может оформлять длительность незавершенной предельной ситуации:

(20) инарийский саамский = (2в)

Sun	taahtij	kárbá	uprâ	iijjâ.
он(а)	строил(а)	лодка.ACC	весь	ночь.ACC
'Он(а) делал(а) лодку всю ночь'.				

С другой стороны, длительность завершенной непредельной ситуации может выражаться аккузативным адвербиалом¹⁵:

(21) русский

Вася проболел неделю.

(B1) Если пациентс обязательно оформляется аккузативом, то так же может оформляться и длительность ситуации, не маркированной по завершенности (русский и др. славянские, латынь, фарерский, ведийский, тохарские, венгерский, камбаата) ¹⁶.

Аналогом этой фреквенталии для пространственных значений служит

(B2) Если пациентс обязательно оформляется аккузативом, то так же может оформляться и длительность пройденного расстояния (русский и др. славянские, литовский, латынь, фарерский, ведийский, тохарские, венгерский).

(C) Если аккузатив употребляется для оформления темпоральной локализации (*dies-en Montag* этот-ACC понедельник 'в этот понедельник'), то маркированные аккузативом ИГ служат одним из средств¹⁷ выражения длительности ситуации (литовский, албанский, фарерский и др. германские, эвенкийский, камбаата, маргинально – русский).

Исключением к этой фреквенталии могли бы служить осетинский (и иронский, и дигорский диалекты)¹⁸, в котором темпоральная локализация, но не длительность может маркироваться суффиксом аккузатива-генитива-инессива.

¹⁵ «Актантный статус» ИГ со значением меры при русских приставочных глаголах неочевиден. Однако следует отметить, что такие ИГ не удовлетворяют большинству тестов на актант/прямое дополнение в РЯ и могут заменяться на подходящие наречия. С актантами их объединяют два свойства: они принимают генитив под отрицанием и плохо опускаются. Более того, неверно, что у соответствующих глаголов есть обязательная (семантическая?) валентность на длительность, они также могут модифицироваться и наречиями с «результативным» значением, ср. *В кустах присидел не впustую, успел многое выяснить* (Б. Акуниш. «Алмазная колесница»). Поэтому такие ИГ могут вполне законно рассматриваться вместе с более прототипическими адвербиалами. М.Л. Крошауз [1998] придерживается точки зрения, что в контекстах наподобие приведенного выше речь идет об отдельной омонимичной приставке, однако нам такое решение не представляется разумным: оно приводит к тому, что у каждой приставки, способной ввести темпоральный актант, появляется результативный омоним.

¹⁶ Луговой марийский близок к тому, чтобы быть исключением к этой фреквенталии: пациенты при переходных глаголах, как правило, маркируются там аккузативом, тогда как примеры с обстоятельством длительности, маркованным падежом, нам неизвестны. Однако когда пациент нереферентен или глагол-вершина нефинитный, маркирование аккузативом в марийском необязательно, см. [Толдова, Сердобольская 2002].

¹⁷ Мы формулируем фреквенталию именно так, поскольку аккузативные адвербиалы не обязаны быть единственным способом выражения длительности, ср. русское *в течение*, венгерские послеложные группы с *át* 'через' и т.п.

¹⁸ Он *a priori* не входит в нашу выборку именно из-за синкетизма показателей, однако генитив и аккузатив в нем отличаются по поведению соответствующих местоименных клитик: аккузативным составляющим соответствуют энклитики второй позиции, а генитивным – проклитики к именной группе.

(22) иронский осетинский

- а. Лæппу сахат-(*)
мальчик час-(GEN/ACC/NESS)
‘Мальчик читал книгу час’.
- чиныг кæс-ти.
книга читать-PST.3SG

- б. Майрæмбон-*(ы)
пятница-(GEN/ACC/NESS)
‘В пятницу мы поедем во Владикавказ’.
- Дзæуджыхъæу-мæ а-цæу-дзы-стæм.
Владикавказ-ALL PREV-идти-FUT-1PL

Однако локативные падежи часто используются для маркирования темпоральной локализации, см. [Haspelmath 1997], и нарушение можно объяснить именно проявлением синкремизма аккузатива-генитива с инессивом.

(D) Если аккузативом маркируется динамический локатив, то им маркируется также пространственная протяженность (тунгусо-маньчжурские; корейский; фарерский; венгерский).

Поскольку в нашей выборке немного языков, где бы аккузатив маркировал бы такое значение, эта фреквенталия достаточно слабая.

(E) Если аккузативом может маркироваться пространственная протяженность, то так же может¹⁹ маркироваться и длительность ситуации.

В самом деле, во всех известных нам случаях (см. табл. 1) дело обстоит именно так.

5. ОБЪЯСНЕНИЯ

Распространенное объяснение непрототипическим значениям аккузатива то, что аккузатив грамматикализуется из периферийных падежей и пространственно-временные значения суть реликты изначальной семантики падежа (см., например [Десницкая 1984; Крысько 2006:52]). Однако полный цикл грамматикализации такого показателя в обязательно используемый аккузатив не зафиксирован ни в одном языке, и поэтому предлагавшиеся диахронические объяснения представляются нефальсифицируемыми²⁰.

Интерес для типолога представляют лишь систематически и независимо появляющиеся значения. Поэтому мы заранее отказываемся от обсуждения значений, которые удалось обнаружить лишь в родственных языках²¹ или в паре языков.

Наши данные показывают, что из периферийных значений аккузатива наиболее частотны в языках мира обозначения длительности немаркированной по завершенности ситуации и пройденного расстояния. Кроме того, достаточно распространены темпоральная локализация и цель. Последнее значение зафиксировано лишь в небольшом числе языков, а именно, в некоторых индоевропейских, корейском и камбаата, однако поскольку языки эти ареально и генетически чрезвычайно далеки друг от друга, такое совпадение, безусловно, вызывает интерес.

5.1. Темпоральные значения

В уже цитированной работе И.Ш. Козинского дается такая мотивация темпоральных употреблений аккузатива: «Это свойство СФ [синтаксической функции] аккузатива можно объяснить так: поскольку типичным значением прямого дополнения

¹⁹ См. оговорку в примечании 17.

²⁰ Ничуть не менее правдоподобно и тоже, по существу, нефальсифицируемо предположение, что эти значения возникают в результате размытования собственно пациентивного значения аккузатива.

²¹ Так, значение ‘каждый’ маркируется аккузативом лишь в некоторых индоевропейских языках, значение ‘этап’ в неиндоевропейских языках вообще не отмечено.

является актант, семантическая роль которого предсказывается значением глагола, и, в то же время, ДП обыкновенно является наиболее информативным элементом предложения, неудивительно, что в форме, аналогичной форме ДП, ставится обстоятельство времени, которое также в определенных речевых ситуациях может быть одновременно самым предсказуемым и одновременно самым информативным членом практически при любом глаголе» [Козинский 1979: § 107].

Однако это объяснение никак не предсказывает, какие именно темпоральные значения могут так оформляться. Мы разделим значения на две группы: во-первых, длительность и количество раз²², а во-вторых, темпоральная локализация.

5.1.1. Длительность: объяснение через пространственно-временную аналогию. Сходство в оформлении пройденного расстояния и длительности ситуации проявляется не только в языках, использующих для обоих значений показатель аккузатива: так, в японском и то, и другое выражается ИГ без падежных энклитик, в бамана у некоторых глаголов существует диатеза, при которой именно обстоятельства темпоральной и пространственной длительности могут оформляться как прямые дополнения [Vydrine 1994: 53], более того, в таких конструкциях возможна пассивизация (*Пять дней было просижено курицей; Рынок был пройден рабыней.*)²³.

Однако само пройденное пространство не является прототипическим пациентом, поэтому такая аналогия не может, на наш взгляд, служить полноценным объяснением. Скорее, она свидетельствует о том, что у пространственных и темпоральных употреблений может существовать общая причина.

5.1.2. Метафорическое распространение: пациент – расходуемое в течение ситуации время или проходимое пространство. Вообще говоря, единообразное маркирование пациента и длительности не универсальное явление: в эргативном агульском длительность маркируется не абсолютивом, а эргативом, в баскском для этого используется инструменталис²⁴, в юкагирских – локативные падежи [Maslova 2003a; 2003b], в чипевийском (атабаский, Канада) длительность маркируется послелогом, в то время как ИГ пациента никак не маркована [Wilhelm 2003], и т.д.

Тем не менее, единообразие маркирования достаточно распространено, и можно утверждать, что это не случайность, а систематическая аналогия. Многочисленные примеры, иллюстрирующие это положение, приведены в [Haspelmath 1997]. К ним мы можем добавить еще некоторые соображения. Так, во многих случаях, когда в языке есть несколько способов кодирования пациента и один из них используется для оформления адвербials длительности, то же самое можно сказать и об остальных.

Например, в литовском [Roduner 2005] и в некоторых русских диалектах [Кузьмина 1993] и пациент, и адвербials длительности могут маркироваться не только аккузативом, но и номинативом. Сюда же можно отнести употребление номинатива и аккузатива в корейском [Maling 1987].

Сложная система чередования падежей, оформляющих пациент, распространяется в прибалтийско-финских языках и на адвербials длительности. Ср. следующие финские примеры, взятые из работы [Pereltsvaig 1998].

(23) финский

(а, б, в – пациент)

а. Maria luk-i kirja-n.
М.NOM читать-PST книга-ACC/GEN
'Мария читала книгу'.

²² То есть функции меры в смысле [Lee, Wechsler 1996].

²³ В.Ф. Выдрин, личное сообщение.

²⁴ Однако некоторые значения (например 'всю весну') могут оформляться абсолютивом. Это служит дополнительным аргументом в пользу того, что полный охват некоторого периода – отдельное темпоральное значение.

б. Maria-n täytyy luke-a kirja/*kirjan.
М.-ACC/GEN должен читать-INF книга.NOM/*ACC
'Марии надо прочесть книгу'.

в. Hän ei luke-nut kirja-a/* kirjan.
он(а) NEG.3.SG читать-PRTC.ACT.PST книга-PRT/*-ACC
'Он(а) не читал(а) книгу'.

(г, д, е – авербиял длительности)

г. Hän asu-i siellä yhden vuode-n.
он(а).NOM жить-PST там один.ACC/GEN год-ACC/GEN
'Он(а) жил(а) там год'.

д. Hänepä täytyy asu-a siellä yksi vuosi.
он(а)-ACC/GEN должен жить-INF там один.NOM год.NOM
'Ему(ей) надо прожить там год'.

е. Hän ei asi-nut siellä yhta vuotta.
он(а) NEG.3.SG жить- PRTC.ACT.PST там один.PRT год.PRT
'Она (и) года там не прожила'.

В других языках циркумбалтийского ареала, обладающих генитивом отрицания или его аналогами, дела обстоят сходным образом. Так, в русском языке из всех испациентивных значений, оформленяемых аккузативом в утвердительных клаузах²⁵, только значения меры, т.е. временной длительности, количества раз и пространственной протяженности могут маркироваться генитивом при отрицании, см. [Erschler 2007a]. Похожая картина наблюдается и в литовском²⁶.

Дополнительным аргументом может служить и то, что в языках, где аккузатив не может оформлять неодушевленные пациенты, у него не обнаруживается и авербильных значений.

Мы предполагаем, что такая систематическая аналогия может объясняться метафорическим переосмыслением расходуемого в ходе ситуации времени как пациента. Сходное объяснение предлагается в [Lee, Wechsler 1996] и [Haspelmath 1997].

5.1.3. Аккузативные авербиялы и перфективный аспект. Изложенное выше не позволяет еще объяснить нашу фреквенталию А. Она представляет собой частный случай более общего явления – длительность ситуации, немаркированной по завершенности (for-адвербиал) оформляется во многих языках (несущественно, есть в них аккузатив или нет) более ядерным средством, чем длительность завершенной предельной ситуации (in-адвербиал)²⁷. Так, в осетинском, армянском, шокшинском эрзянском, гренландском эскимосском и японском for-адвербиалы выражаются ИГ, не оформленной падежом, а in-адвербиалы – ИГ, оформленной некоторым локативным падежом. В тубаларском алтайском for-адвербиалы также не маркируются падежом, а in-адвербиалы маркируются дативом. В мартутунира (пама-ньюнганский, Австралия) for-адвербиалы маркируются аккузативом-дативом, а in-адвербиалы – локативом. В адыгейском для for-адвербиалов используется эргатив или неоформленная основа, а для in-адвербиалов – инструменталис.

²⁵ Напомним, что в русском языке аккузатив маркирует следующие роли (см. [Крысько 2006]): длительность ситуации, немаркированной по завершенности; 'каждый'; количество раз; этап; темпоральная локализация; пространственная протяженность.

²⁶ По данным нашего анкетирования информантов.

²⁷ [Haspelmath 1997] использует выражения telic and atelic extent adverbials. Хотя выражаться так, по-видимому, более точно и менее англоцентрично, я предпочел более краткие термины.

Эту более общую закономерность можно объяснить несколькими невзаимоисключающими способами. Во-первых, при перфективном аспекте ситуация концептуализируется как единое целое, размещаемое во времени, так что время оказывается менее вовлеченным в ситуацию партиципантом, и его естественное маркировать как периферийный, а не как ядерный актант.

Еще одно объяснение – дискурсивное. Подсчеты по текстам показывают, что в языках мира длительность при глаголах в перфективном аспекте кодируется гораздо реже, чем в имперфективном или нейтральном. В романе Дж. Роулинг «Harry Potter and sorcerer's stone» (английский) на 78 000 словоупотреблений приходится шесть in-адвербиалов и 41 for-адвербиал, в романе Д. Адамса «Hitchhiker's guide to the Galaxy» (английский) на 46 000 словоупотреблений приходится три in-адвербиала и 59 for-адвербиалов, в повести Платонова «Сокровенный человек» на 20 000 словоупотреблений приходится два in-адвербиала и 19 for-адвербиалов, в арчинских текстах [Кибрик и др. 1977] среди 12 000 словоупотреблений не встречается ни одного in-адвербиала и 10 for-адвербиалов, в мунджанских текстах [Грюнберг 1972] – из 25 000 словоупотреблений четыре in-адвербиала и 25 for-адвербиалов, в текстах на винту [Shepherd 1989] среди 8 000 словоупотреблений – ни одного in-адвербиала и 22 for-адвербиала, в текстах на не-персе [Phinney 1934: 1-300] один in-адвербиал и 10 for-адвербиалов.

Если предположить, что более частотные значения кодируются более ядерными средствами, это немедленно объясняет асимметрию в оформлении for- и in-адвербиалов.

5.1.4. Темпоральная локализация. Как показано, например, в [Haspelmath 1997], оформление темпоральной локализации отличается крайней нерегулярностью как типологически, так, зачастую, и в пределах одного языка, ср. *во вторник*, *на прошлой неделе*, *летом*, *в двадцатом веке* и т.п. Разнообразие используемых при этом средств таково, что ни подразделять это значение на более мелкие, ни давать объяснение появлению тут какого-либо конкретного падежа не кажется нам осмысленным. Возможно, в данном случае уместнее говорить о лексической функции (в смысле [Мельчук 1974]) «темпоральная локализация», которая по заданной лексеме выдает подходящее падежное (или приложное) маркирование.

5.2. Аккузатив как падеж второго по важности партнера

Для многих значений аккузатива можно предложить еще одно объяснение – аккузативом маркируется второй по важности участник ситуации²⁸. Такая мотивация вполне убедительно объясняет аккузативное маркирование цели, динамического локатива, а в какой-то степени и меры расстояния, сравнения, а также способа действия: глаголы, при которых стоят соответствующие ИГ, как правило, двухместны. Это объяснение можно сводить к метафорическому распространению отношения Агенс/Пациент на прочие ситуации с двумя партнерами²⁹.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Мы показали, что различные адвербальные значения аккузатива имеют различные мотивации: они суть а) аналогия длительность ситуации – пациент (точнее даже, инкрементальная тема [Dowty 1991]); б) аналогия пациент – второй по значению партнер ситуации; в) последствия случайных диахронических процессов.

²⁸ К сожалению, это объяснение сдва ли фальсифицируемо.

²⁹ Так, [Кибрик 2003: 144] постулирует, что «в когнитивной структуре человека события категоризируются радиально из прототипического центра, исходя из степени их подобия прототипическому событию с двумя участниками – Переходным Агенсом и Переходным Пациентом».

2. Наиболее универсальным «адвербальным» значением аккузатива является темпоральная и пространственная длительность.

3. Мы показали, что оформление аккузативом длительности возможно только для ситуаций, немаркированных по завершенности³⁰.

4. Нами совершенно не обсуждалось появление аккузатива не в глагольных, а приложных зависимых (например, в славянских языках), а также аккузативное маркирование приложных³¹ групп (корейский), употребление аккузатива для выражения пространственных значений в конструкциях с «наслоением падежей»³² (корейский). Однако при этом возникает вопрос, какая часть семантики вносится аккузативом, а какая заключена в прилоге или во втором падеже, что требует детальных рассмотрений в каждом конкретном случае. Это представляется нам отдельной задачей.

Источники данных о языках, упоминаемых в статье

Языки (по алфавиту)	Источник
арабский, классический	[Brockelmann 1953]
авестийский	[Sokolov 1967]
агульский	полевые материалы
адыгейский	полевые материалы
албанский	[Buchholz, Fiedler 1987]
алтайский, тубаларский диалект	полевые материалы
армянский, древний (грабар)	[Кусикьян 1959; Туманян 1971]
армянский, современный восточный	полевые материалы
арчинский	полевые материалы
бамана	[Vydrine 1994], В.Ф. Выдрин, личные сообщения
баскский	полевые материалы
венгерский	[Csirmaz 2006]
винту	[Shepherd 1989]
дивали	[Austin 1991]
динка	[Nebel 1948]
дяланди	[Austin 1991]
готский	[Гухман 1958]
греческий, древний	[Schwyzer 1950]
ижорский	полевые материалы
исландский	[Стеблин-Каменский 1955]
ительменский	[Володин 1976]
камбаата	[Treis 2006]
канури	[Cyffer 1974]
карачаево-балкарский	[Алиев 1973]

³⁰ Ср. также [Svenonius 2002].

³¹ Термин «прилог» был изобретен М. Хаспельматом. Перевода для удобного английского выражения *adposition* почему-то не было, и единственным выходом для авторов, пишущих по-русски, до сих пор является громоздкое «предлог или послелог».

³² Case stacking в англоязычной литературе. Стандартного русского перевода, по-видимому, не существует.

Окончание

Языки (по алфавиту)	Источник
кечуа, имбабура	[Cole 1982]
корейский	[Холодович 1954; Maling 1987; Maling et al. 2001]
латынь	[Соболевский 1950]
латышский	[Endzelin 1922]
литовский	полевые материалы
маньчжурский	[Gorelova 2002]
марийский, луговой	[Пенгитов 1961]
мартутунира	[Dench 1995]
шокшинский эрзянский	полевые материалы
мунджанский	[Грюнберг 1972]
нанайский	[Аворин 1959; 1961]
немецкий	поиск по текстам
не-персе	[Phinney 1934]
орочский	[Аворин, Болдырев 2001]
осетинский, иронский	полевые материалы
саамский, инарийский	[Nelson 2003]
санскрит	[Елизаренкова 1982, Delbrück 1893]
татарский	[Закиев 1995], полевые материалы
тараский (пурепеча)	[Foster 1969]
тохарские	[Thomas 1983], И.А. Сержант, личные сообщения
удэгейский	[Nikolaeva, Tolskaya 2001], И. Николаева, М. Тольская, личные сообщения
фарерский	[Lockwood 1964]
финский	[Pereltsvaig 1998]
хакасский (сагайский диалект)	полевые материалы
чиhevийский (дене-сюлинс)	[Wilhelm 2003], A. Wilhelm, личные сообщения
чувашский	[Андреев 1997]
эвенкийский	[Константинова 1964]
эвенский	[Мальчуков 1999]
эскимосский, западногренландский	[Fortescue 1984]
юкагирские	[Maslova 2003a; 2003b], Е.С. Маслова, личные сообщения
японский	полевые материалы

ГЛОССЫ

1,2,3 – первое, второе, третье лицо
 4 – (в арчинских примерах) согласование по 4
 согласовательному классу
 ABL – ablativ
 ACC – accusativ
 ACT – aktiv
 ALL – allatativ
 AOR – aorist
 ART – artikel

INSTR – инструменталис
 LOC – локатив
 M – мужской род
 N – средний род
 NEG – отрицание
 NOM – номинатив
 OBJ – объектное согласование
 OBL – косвенный падеж
 PASS – пассив

AUX – вспомогательный глагол
COP – связка
CVB – конверб
DAT – датив
EXCL – эксклюзив
DECL – декларатив
DEF – определенный
F – женский род
GEN – генитив

PERF – перфект
PL – плюралис
POT – потенциалис
PRS – презенс
PRT – партитив
PST – прошедшее
PRTC – причастие
SG – сингулярис
TOP – топик

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аворин 1959 – В.А. Аворин. Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.; Л. 1959.
Аворин 1961 – В.А. Аворин. Грамматика нанайского языка. Ч. 2. М.; Л., 1961.
Аворин, Болдырев 2001 – В.А. Аворин., Б.В.Болдырев. Грамматика орочского языка. Новосибирск, 2001.
Алиев 1973 – У.Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1973.
Андреев 1997 – И.А. Андреев. Чувашский язык // Языки мира. Туркеские языки. М., 1997.
Аркадьев 2006 – П.М. Аркадьев. Типология двухпадежных систем. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.
Володин 1976 – А.П. Володин. Ительменский язык. Л., 1976.
Грюнберг 1972 – А.Л. Грюнберг. Мундженский язык, Л. 1972.
Гухман 1958 – М.М. Гухман. Готский язык. М., 1958.
Десницкая 1984 – А.В. Десницкая. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984.
Елизаренкова 1982 – Т.Я. Елизаренкова. Грамматика ведийского языка. М., 1982.
Закиев 1995 – М.З. Закиев. Татарская грамматика. Т. III. Синтаксис. Казань, 1995.
Зализняк 1973 – А.А. Зализняк. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973. (Перепеч. в [А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 2002]).
Кибrik 2003 – А.Е. Кибrik. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
Кибrik и др. 1977 – А.Е. Кибrik, С.В. Кодзасов, И.П. Оловянникова, Д.С. Самедов. Арчинский язык. Тексты и словари. М., 1977.
Козинский 1979 – И.Ш.Козинский. Некоторые грамматические универсалии в подсистемах выражения субъектно-объектных отношений Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
Константинова 1964 – О. А. Константинова. Эвенкийский язык, М.; Л., 1964.
Кронгауз 1998 – М.А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
Крысько 2006 – В.Б. Крысько. Исторический синтаксис русского языка. Объект и переходность. М., 2006.
Кузьмина 1993 – И.Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993.
Кусикьян 1959 – И.К. Кусикьян. Очерки исторического синтаксиса литературного армянского языка. М., 1959.
Мальчуков 1999 – А.Л. Мальчуков. Синтаксис простого предложения в эвенском языке. СПб., 1999.
Мельчук 1974 – И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст». М., 1974.
Пенгитов 1961 – Н.Т. Пенгитов. (ред.). Современный мариийский язык. Морфология. Йошкар-Ола, 1961.
Соболевский 1950 – С.И. Соболевский. Грамматика латинского языка. Часть теоретическая. Морфология, синтаксис. М., 1950.
Стеблин-Каменский 1955 – М.И. Стеблин-Каменский. Древнеисландский язык. М., 1955.
Толдова, Сердобольская 2002 – С.Ю. Толдова, Н.В. Сердобольская. Некоторые особенности оформления прямого дополнения в мариийском языке // Лингвистический беспредел. Сборник статей к 70-летию А.И. Кузнецовой. М., 2002.
Туманян 1971 – Э.Г. Туманян. Древнеармянский язык. М., 1971.
Холодович 1954 – А.А. Холодович. Очерк грамматики корейского языка. М., 1954.

- Эршлер 2006 – Д.А. Эршлер. О типологии темпоральных значений показателя аккузатива // Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 2–4 ноября 2006 г. Материалы. СПб., 2006.
- Austin 1991 – P. Austin. Double case-marking in Kanyara and Mantharta languages, Western Australia // La Trobe papers in linguistics. V. 4. 1991. [<http://www.latrobe.edu.au/linguistics/LaTrobePapersin-Linguistics/Vol%2004/Contents.htm>]
- Brockelmann 1953 – C. Brockelmann. Arabische Grammatik, Leipzig. 1953.
- Buchholz, Fiedler 1987 – O. Buchholz, W. Fiedler. Albanische Grammatik. Leipzig, 1987.
- Cole 1982 – P. Cole. Imbabura Quechua. Amsterdam, 1982.
- Csirmaz 2006 – A. Csirmaz. Accusative case and aspect // K.É. Kiss (ed). Event structure and the left periphery of Hungarian. Dordrecht, 2006.
- Cyffer 1974 – N. Cyffer. Syntax des Kanuri. Hamburg, 1974.
- Davidse, Lamiroy 2002 – K. Davidse, B. Lamiroy (eds.). The nominative and accusative and their counterparts. Benjamins, 2002. [<http://site.ebrary.com/pub/benjamins/Doc?isbn=1588111822>]
- Delbrück 1893 – B. Delbrück. Vergleichende Syntax der Indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1893.
- Dench 1995 – A. Dench. Martuthunira: A language of the Pilbara region of Western Australia. Canberra, 1995.
- Dowty 1991 – D. Dowty. Thematic proto-roles and argument selection // Language. V. 67. 1991. № 3.
- Endzelin 1922 – J. Endzelin. Lettische Grammatik. Riga, 1922.
- Erschler 2007a – D. Erschler. The structure of events and the genitive of negation with measure adverbials in Russian // Proceedings of the workshop on negation and polarity. Collaborative research center 441. University of Tübingen, 2007.
- Erschler 2007b – D. Erschler. On case marking of duration adverbials // 7th International conference of the Association for linguistic typology. Book of Abstracts. Paris, 2007.
- Fortescue 1984 – M. Fortescue. 1984. West Greenlandic. London, 1984.
- Foster 1969 – M.L. Foster. The Tarascan language. Berkeley, 1969.
- Gorelova 2002 – L.M. Gorelova. Manchu grammar. Leiden, 2002.
- Haspelmath 1997 – M. Haspelmath. From space to time. Temporal adverbials in the world's languages. München, 1997.
- Joshi 1993 – S. Joshi. Selection of grammatical and logical functions in Marathi. Ph.D. Thesis. Stanford University, 1993.
- Kim 2001 – M.-J. Kim. The accusative adverbials in Korean and delimiting phrase. Unpublished general papers. UMass-Amherst, 2001.
- Kim, Maling 1993 – S. Kim, J. Maling. Syntactic case and frequency adverbials in Korean // V.S. Kuno et. al. (eds). Harvard studies in Korean linguistics. 1993.
- Kiparsky 1998 – P. Kiparsky. Partitive case and aspect // M. Butt, W. Geuder (eds.). The projection of arguments. Stanford, 1998.
- Lazard 1994 – G. Lazard. L'Actance. Paris, 1994.
- Lee, Wechsler 1996 – Yae-Sheik Lee, S. Wechsler. The domain of direct case assignment // Natural language and linguistic theory. 1996. 14.3.
- Lockwood 1955 – W.B. Lockwood. An introduction to modern Faroese. Kobenhavn, 1955.
- Maling 1987 – J. Maling. Adverbials and structural case in Korean // Harvard studies in Korean linguistics. 1987. III.
- Maling et al. 2001 – J. Maling, Jong Sup Jun, Swoon Kim. Case-marking on Duration adverbials revisited // Selected papers from the Twelfth international conference of Korean linguistics. Seoul, 2001.
- Maslova 2003a – E. Maslova. A grammar of Kolyma Yukaghirs. 27. Berlin, 2003.
- Maslova 2003b – E. Maslova. Tundra Yukaghirs. München, 2003.
- Melis 2002 – L. Melis. Objects and quasi-objects: The constellation of objects in French // K. Davidse, B. Lamiroy (eds.). The nominative and accusative and their counterparts. Benjamins, 2002.
- Nebel 1948 – P.A. Nebel. Dinka Grammar. Verona, 1948.
- Nelson 2003 – D. Nelson. Case and adverbials in Inari Saami and Finnish // A. Dahl, P. Svenonius (eds.). Proceedings of the 19th Scandinavian conference of linguistics. Nordlyd 31.4. 2003.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 – I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A Grammar of Udihe. Berlin, 2001.
- Pereltsvaig 1998 – A. Pereltsvaig. Genitive of negation in Russian // The proceedings of the 13th IATL annual conference. Jerusalem, 1998.
- Pereltsvaig 2000 – A. Pereltsvaig. On accusative adverbials in Russian and Finnish // The proceedings of the 15th IATL annual conference. Jerusalem, 2000.
- Phinney 1934 – A. Phinney. Nez Perce texts. New York, 1934.
- Plank 1984 – F. Plank (ed.) Objects: towards a theory of grammatical relations. London, 1984.

- Roduner 2005 – *M. Roduner*. Der Nominativ in Zeitadverbiale im Litauischen // *Acta linguistica lituana*. 2005. LII.
- Schwyzer 1950 – *E. Schwyzer*. Griechische Grammatik. V. 2. München, 1950.
- Shepherd 1989 – *A. Shepherd*. Wintu texts. Berkeley, 1989.
- Smita 1993 – *J. Smita*. Selection of grammatical and logical functions in Marathi. PhD Thesis. Stanford, 1993.
- Smith 1991 – *C. Smith*. The parameter of aspect. Dordrecht, 1991.
- Sohng 2004 – *Hong-Ki Sohng*. A minimalist analysis of adverbial case in Korean // *Studies in generative grammar*. 2004. 14(1).
- Sokolov 1967 – *S.N. Sokolov*. The Avestan language. Moscow, 1967.
- Svenonius 2002 – *P. Svenonius*. Case is uninterpretable aspect // *Proceedings of the perspectives on aspect conference at the university of Utrecht*. Utrecht, 2002.
- Tatevosov 2002 – *S. Tatevosov*. The parameter of actionality // *Linguistic typology*. 2002. 6.
- Thomas 1983 – *W. Thomas*. Der tocharische Obliquus im Sinne eines Akkusativs der Richtung. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang. 1983. № 6.
- Treis 2006 – *Y. Treis*. Form and function of case marking in Kambaata // *Afrikanistik online* [интернет-источник <http://www.afrikanistik-online.de/archiv/2006/379/>]
- Vydrine 1994 – *V. Vydrine*. Verbes reflechis bambara // *Mandenkan*. 1994. 28.
- Weber 1996 – *D.J. Weber*. Una grammatica del quechua del huallaga (huanuco). Lima, 1996.
- Wilhelm 2003 – *A. Wilhelm*. Situation type and viewpoint aspect, or telicity and perfectivity, in Dene Suline (Chipewyan) // *Proceedings of 2002 workshop on structure and constituency in the languages of the Americas*. Vancouver, 2003.

© 2009 г. Е.В. ГОРБОВА

АКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПАНСКИХ ГЛАГОЛОВ, ЧАСТОТНО РЕАЛИЗУЕМЫХ В ПЕРФЕКТИВНО-ИМПЕРФЕКТИВНЫХ ФОРМАХ*

В статье рассматриваются «гибридные» формы испанского глагола, являющиеся комбинациями перфективных (аорист и перфект) и имперфективной (прогрессив) граммем с точки зрения акциональных характеристик глагольных лексем, с наибольшей частотностью реализуемых в этих формах. Выдвигается и в ходе анализа материала, извлеченного из «Корпуса испанского языка» Марка Девиса, верифицируется ряд гипотез относительно взаимодействия акциональности глагола, с одной стороны, и комбинации перфективных и имперфективных аспектуальных граммем в рамках видо-временной формы, с другой. Формулируется гипотеза о возможном преобладании pragматически-коммуникативной направленности аспектуальной оппозиции «прогрессив / непрогрессив» в испанском языке. Затрагивается вопрос о методике определения акциональности глагола и результирующем перечне акциональных классов.

0. Объектом нашего анализа являются такие «перфективно-имперфективные»¹ комбинации, как прогрессивные формы аориста (лимитатива по номенклатуре Универсального грамматического набора В.А. Плунгяна [Плунгян 2000: 302]) типа *estuvo cantando* и прогрессивные формы презентного (или собственно) перфекта типа *ha estado cantando*. (Формально испанский прогрессив является аналитической конструкцией, образуемой вспомогательным глаголом *estar* и неизменяемым герундием.)² Очевидно, что интересующие нас глагольные формы являются весьма нетривиальными «гибридами», возникающими на пересечении аспектуальных зон перфектива и имперфектива. Подобное явление само по себе представляет интерес, в том числе важен следующий вопрос: какова акциональ-

* Данная работа выполнена при частичной поддержке Гранта Президента РФ «Школа общего языкознания Ю.С. Маслова»: НШ-1242.2008.6.

¹ Здесь принимается широкое употребление терминов «перфектив» и «имперфектив», соответствующее позициям тех авторов, которые делят всю семантическую зону аспектуальности на две части: перфектив и имперфектив (см., например [Comrie 1976: 25; Плунгян 1998: 373–374]). Соответственно в семантической зоне перфектива оказываются (применительно к испанскому языку) аорист и перфект, а в зоне имперфектива – имперфект и прогрессив (подробнее см. в [Горбова 2002; 2003; 2004]). Подход, в соответствии с которым перфектив – это параллельное наименование СВ, а имперфектив – НСВ, в рамках данной работы не используется.

² Источником языкового материала для статьи послужил «Corpus del Español» («Корпус испанского языка») Марка Девиса, содержащий более 100 миллионов словоупотреблений и охватывающий тексты с XIII по XX век включительно, причем в рамках XX века учтены как письменные источники (по функциональным жанрам: научные тексты, медиевые, беллетристика), так и устная речь (<http://www.corpusdelespanol.org/>). Кроме того, были использованы следующие тексты: [Delibes 1979; Márquez I: 1980; II: 1982].

ность³ тех глаголов, которые образуют эти «гибридные» формы. Собственно ответу на этот вопрос и посвящена предлагаемая статья.

1. Рассмотрим грамматическую семантику каждой из «гибридных» форм.

1.1. Прогрессивный Аорист – *estivo cantando* '(он / она) пел(а) (в течение какого-то времени)'.

В полном соответствии с используемым наименованием, Прогрессивный Аорист является результатом одновременной реализации граммемы Аориста и Прогрессива в точке пересечения двух аспектуальных оппозиций: Имперфект / Аорист и Прогрессив / Непрогрессив.

1.1.1. В общей аспектологии семантика противопоставления имперфект / аорист традиционно описывается как оппозиция интратерминальности и простой констатации факта в прошлом [Маслов 1984; 2004: 39], непрекращенности / пресеченности действия [Горбова 1996: 69] (вслед за [Фирсова 1984]). Базой для такой трактовки является отсутствие темпоральной противопоставленности этих двух граммем (в рамках испанистики с подобным подходом солидаризуется, например, Л. Гарсия Фернандес [García Fernández 1999]). В.А. Плунгян полагает, что аорист относится к той зоне perfectivной аспектуальности, которая характеризуется признаком ‘вложенность в более протяженный временной интервал’ [Плунгян 1998: 375], т.е. обладает *лимитативным* значением. В. Брай также называет аорист *лимитативом*, а противопоставленный ему имперфект – *антилимитативом* [Брай 1997: 55]. Применительно к нашим целям существенной является информация о грамматической семантике аориста: лимитативность (пресеченность), т.е. представление ситуации, обозначенной глагольным предикатом, как (потенциально) имеющей временную протяженность, но при этом двусторонне ограниченной. Самое близкое соответствие в русском языке – значение делимитативов (*посидеть, погулять, поспать (немного)*) и пердуративов (*просидеть, прогулять, проспать (весь день)*)⁴. Схематическое изображение – отрезок. (В частном случае отрезок превращается в точку. Причем если точка соответствует моменту возникновения ситуации, аорист реализует значение *инхоатива*, если точка соответствует достижению естественного предела, реализуется значение *комплетива*, а если точка – это результат «сворачивания» ситуации, то реализуется *пунктивное* значение, см. [Плунгян 2000: 297–303].)

1.1.2. Типологически значение прогрессива трактуется как «“динамическая” длительность» [Плунгян 2000: 300], «процессность, соединенная со специфической конкретностью, “сюминутностью” действия, с его приуроченностью к определенному

³ Термин «акциональный класс [глагола]» (основанный на понятии «акциональность»), ставший в последние годы широко употребительным, явился бесспорным победителем среди целого ряда конкурировавших ранее терминологических наименований, например: *Aktionsart*, «семантический тип предиката», «аспектуальный класс», «лексический вид», «тип ситуации / ситуационный тип», «аспектуально-семантический класс», «характер [глагольного] действия». В моих работах параллельно использовались два последних. Отмечу, что в [Bertinetto, Delfitto 2000: 217, примеч. 2] зафиксирован термин «‘character’ of the verb» как имеющий хождение в литературе параллельный термин к используемому авторами термину «actionality».

⁴ Отметим, в связи с этим, бывшую (на мой взгляд) уместность термина *делимитативное* для именования значения аориста ввиду того, что термины *лимитативность* (*лимитативный*) имеют в рамках отечественной школы функциональной грамматики содержание, в значительной степени отличное от того, которое вкладывается в него В.А. Плунгяном и В. Бреем. В рамках концепции А.В. Бондарко *лимитативность* равна предельности и является ядром поля лимитативности как составной части функционально-семантического поля аспектуальности, ср.: «лиmitativность трактуется нами как семантическая категория, объединяющая разные типы отношения действия (в широком смысле) к пределу, и вместе с тем как поле, охватывающее средства того или иного языка, служащие для выражения указанных отношений» [Бондарко 2006: 45]. Далее в рамках данной работы будет использоваться компромиссное наименование *(de)лимитативность*.

моменту или отрезку времени, четко выделяемому среди ряда других моментов или отрезков» [Маслов 1984; 2004: 42]. По-видимому, семантический признак *конкретности*, свойственный прогрессиву [Касевич 1988; 2006: 548], является наиболее устойчивым в его семантике, поскольку именно он сохраняется при расширении сочетаемостных возможностей прогрессива и его эволюции в сторону дуратива. В испанском языке прогрессив демонстрирует исключительно широкие возможности, связанные с полным охватом глагольной лексики⁵ параллельно с наличием в сфере прошедшего Имперфекта (противопоставленному Аористу) и комбинации Имперфекта и Прогрессива в форме Прогрессивного Имперфекта. Учет всех этих обстоятельств не позволяет безоговорочно считать испанский Прогрессив дуративом, «обозначающим срединную стадию у ситуации любого типа» [Плунгян 2000: 300] и склоняет к уточнению грамматической семантики испанского Прогрессива. По-видимому, идиоэтнической особенностью испанского Прогрессива является трансформация значения конкретности в более эмфатическое значение *актуализации действия*⁶, что достигается посредством акцентирования семы процессности в глаголах тех акциональных классов, в которых она имеется (терминативы, агентивы, ингрессивы), придания дополнительной временной локализованности («высвечивания» определенного участка из бесконечно длящегося состояния) у стативов и мультипликации действия моментативов⁷. Или:

⁵ В [Guzmán Tirado, Herrador del Pino 2000: 135] (в качестве комментария к утверждению из [Горбова 1996: 46] о том, что прогрессив в испанском языке охватывает всю глагольную лексику, за исключением самого глагола *estar* – *está estando) со ссылкой на [De Miguel 1999: 3013–3014] высказывается мысль, что такое утверждение чрезвычайно категорично, поскольку семантика прогрессива не сочетается, в частности, со стативностью. Например: **Juan está queriendo a sus hermanos* «Хуан любит своих братьев (и сестер)»; **Juan está sabiendo inglés* «Хуан знает английский язык»; **Juan está teniendo muchos hermanos* «Хуан имеет много братьев (и сестер)» [De Miguel 1999: 3013]. Отметим, однако, что вопреки обозначенным запретам и предсказаниям, в соответствии с которыми стативные глаголы (в частности, глагол *querer* ‘любить’) если и допускают прогрессив, то исключительно в случае «динамизации» ситуации (например, в контексте обстоятельственных групп типа *cada vez más* ‘с каждым разом все больше’: *Te estoy queriendo cada vez más* «Я люблю тебя все больше и больше» [De Miguel 1999: 3013–3014]), в испанских текстах можно обнаружить (хотя и с невысокой частотностью) случаи употребления стативных глаголов в прогрессивной форме и без каких бы то ни было признаков «динамизации». Ср.:

- a) *Ahora que te estás queriendo, yo no te puedo querer: las cosas buenas no llegan a tiempo ninguna vez.* (PROG.PRES.) «Сейчас, когда ты меня любишь, я не могу любить тебя: желаемое (букв.: хорошие вещи) никогда не приходит вовремя» (<http://www.cervantesvirtual.com/FichaObra.html?Ref=664>)
- b) ...ni que la hubiese estado queriendo de veras para tomarlo tan a pecho... (PROG.PLQPRF.SUBJ.) «и не то чтобы он ее по-настоящему любил, настолько, чтобы принимать это так близко к сердцу» (<http://www.cervantesvirtual.com/FichaObra.html?Ref=1491>)
- c) ...pero ahora vete, que si volvemos a sacar las cuentas todavía me estás debiendo diez pesos (PROG.PRES.) [Márquez II 1982: 94] «А сейчас, милый, проваливай с Богом. Если по совести, так ты мне еще должен десять песо»;
- d) *Creo que estoy necesitando un médico* (PROG.PRES.) [Márquez I 1979: 129] «Думаю, что и мне не мешало бы показаться врачу» (досл.: мне нужен врач);
- e) *Una roquita de Inquisición nos está haciendo buena falta* (PROG.PRES.) [Delibes 1979: 137] «Нам очень не хватает вмешательства Инквизиции» (досл.: «Немножко Инквизиции нам даже очень нужно»). Примеры с), д), е) из [Горбова 1996: 43].

⁶ Ср. с мнением [Yllera 1999: 3402] об «актуализирующем» видении ситуации (visión ‘актуализатора’), привносимом конструкцией *<estar + герундий>*.

⁷ Терминативы, агентивы, стативы и моментативы (accomplishments, activities, states, achievements) – аспектуальные классы глаголов, выделены З. Вендлером; здесь используются русские наименования соответствующих глагольных классов, принадлежащие В.П. Недялкову [Недялков 1986]. Ингрессивы – класс глаголов, выделенный А.А. Правдзивым [Правдзивый 1974] на испанском материале по признаку регулярности выражения некоторыми непредельными (не направленными на достижение внутреннего предела) глаголами начинательного значения в форме аориста при отсутствии указаний на пресеченность действия (*callar* ‘замолчать, молчать’, *ocipar* ‘занять, занимать’, *encabezar* ‘возглавить, возглавлять’ и др.).

(1) Граммема прогрессива переводит действие в фокус, что в плане настоящего и прошедшего эквивалентно представлению действия как актуализированного в момент наблюдения.

1.1.3. При одновременной реализации аориста и прогрессива под влиянием последней граммемы снимается возможность точечного представления ситуации. Результирующее значение – *фокусное представление двусторонне ограниченной ситуации*⁸. В случае предельности глагольной лексемы (соотнесенности с правым пределом, равным естественному результату) противопоставление Прогрессивного Аориста и Непрогрессивного Аориста абсолютно релевантно (в смысле невозможности взаимозамены). Ср.:

- (1) *El albañil construyó la casa durante un año* (NONPROG.AOR.) ‘Рабочий построил дом за год’ *«Рабочий строил дом в течение года / год».
- (2) *El albañil estuvo construyendo la casa durante un año* (PROG.AOR.) ‘Рабочий строил дом в течение года/года»⁹.

1.2. Прогрессивный (презентный) Перфект – *ha estado cantando* ‘(он / она) пел(а) (в течение какого-то времени и это событие / его последствия актуально в момент речи)’.

Прогрессивный Перфект – результат одновременной реализации граммем Перфекта (оппозиция Перфект / Неперфект) и Прогрессива (оппозиция Прогрессив / Не-прогрессив).

1.2.1. Граммема (презентного) Перфекта на данном этапе развития испанского языка находится в той стадии эволюции, которую называют перфектом действия, или акциональным перфектом. Для него характерно то, что «в центре внимания обычно оказывается действие..., в том или ином отношении актуально с (выделение мос. – Е.Г.) для последующего временного плана и рассматриваемое с точки зрения этого плана», а не «некоторое состояние, обусловленное предшествующим изменением, действием в собственном смысле», что характерно для статического перфекта, или результата [Маслов 1984; 2004: 54].

⁸ Ср. в некотором роде отличную от предлагаемой здесь трактовку форм прогрессивного аориста типа *estuvo cantando* в [Nowikow 2003]. Автор, характеризуя результирующую семантику как ‘действие в процессе его протекания, ограниченное во времени’ («una acción en desarrollo limitada en el tiempo»), отказывается рассматривать аорист как аспектуальную граммему и считает ее темпоральной на том основании, что при аспектуальной трактовке аориста сумма семантических компонентов (“перфективность” аориста + “имперфективность” прогрессива) «с очень малой долей вероятности дала бы в качестве конечного результата значение “имперфективности”» [Nowikow 2003: 204].

⁹ Имперфективная интерпретация формы Непрогрессивного Аориста в (1) (как и Перфекта и Плюсквамперфекта) не реализуется, в том числе и при использовании обстоятельства длительности *durante X tiempo* ‘в течение промежутка времени X’. Это связано с тем, что при глаголе с семантикой ‘строить’ возможен только один семантический тип Пациенса / Темы – квантованный, а при референтном и единичном квантованном Пациенсе / Теме любая интерпретация граммемы аориста (= (де)лимитатива), отличная от законченности (достижения предела), исключена (см. [De Miguel 1999: 3000–3001]). Единственной возможностью получить имперфективную интерпретацию, при которой появляется значение незаконченности, является использование Прогрессива, как в (2).

Отметим также очень любопытный факт обратного влияния семантики граммемы на семантику авербального контекста, на который обратил мое внимание В.С. Храковский в ходе обсуждения этой работы. Речь идет о сдвиге в значении обстоятельственной группы типа *durante X tiempo*, которая в контексте перфективной граммемы, реализующей достижение правового предела у предельного глагола, изменяет значение длительности на значение срока: ‘в течение промежутка времени X’ → ‘за промежуток времени X’ (ср. (2) и (1)).

При сравнении таких двух граммем перфективной зоны в испанском языке, как перфект и аорист, оказывается, что они противопоставлены исключительно по отношению к признаку наличия / отсутствия актуальности расположенной в плане прошедшего ситуации для плана настоящего. При этом актуальность оценивается как таковая самим говорящим и поэтому может быть вполне субъективной. Некоторым образом выбор между этими граммемами относится к области прагматики.

1.2.2. При одновременной реализации (презентного) Перфекта и Прогрессива под влиянием последней граммемы так же, как и в случае с Аористом, снимается возможность точечного представления ситуации, т.е. актуализации предела (как правого, так и левого) – стандартной интерпретации в случае реализации граммемы из перфективной зоны (ср. актуализацию правого предела в (1) при Непрогрессивном Перфекте). Результирующее значение – *фокусное представление двусторонне ограниченной ситуации, последствия которой релевантны в момент речи*. (Двусторонняя ограниченность, или (де)лимитативность, в Прогрессивном Перфекте возникает вследствие актуализации граммемой Прогрессива срединной фазы ситуации, см. 1.1.2; то есть противопоставлены граммемы Прогрессивного Аориста и Перфекта не по отношению к признаку +/– (де)лимитативность, а по признаку +/– актуальность ситуации для плана настоящего.) В случае предельности глагольной лексемы противопоставление Прогрессивного Перфекта и Непрогрессивного Перфекта абсолютно релевантно (в смысле невозможности взаимозамены). Ср.:

- (1) *El albañil ha construido la casa durante un año* (NONPROG. PRF.) ‘Рабочий построил дом за год’ *«Рабочий строил дом в течение года / год».
- (2) *El albañil ha estado construyendo la casa durante un año* (PROG. PRF.) «Рабочий строил дом в течение года / год».

2.1. Следствием анализа грамматической семантики Прогрессивного Аориста и Прогрессивного Перфекта является формулировка следующих гипотез относительно акциональных характеристик глагольных лексем, совместимых с «гибридными» граммемами:

- (1) В семантике каждого из акциональных классов, совместимых с перфективно-имперфективными граммемами, присутствует информация о срединной фазе ситуации, обозначенной глагольной лексемой.
- (2) Соответствующие срединные фазы ситуации по преимуществу агентивны (и, следовательно, процессуальны, а не стативны)¹⁰.
- (3) Различие между процессами и состояниями носит не дискретный, а континуальный характер.
- (4) Предельные (соотнесенные с пределом как естественным результатом действия) акциональные классы более частотны в «гибридных» формах, чем непредельные, поскольку именно для них характерно контрастное распределение прогрессива и непрогрессива.

2.2. Несколько слов о языковом материале. Для анализа были отобраны те испанские глаголы, которые (по материалам Корпуса) обнаружили наибольшую частотность употребления в перфективно-имперфективных формах. Из 508 лексем, которые появились хотя бы один раз в одной из двух интересовавших нас «гибридных» форм, были отобраны 10, исходя из следующих критериев:

¹⁰ См. уточнение в сносках 12 и 15 ниже.

- 1) количество вхождений: 10 и более (в каждой из двух анализируемых гибридных форм);
  - 2) представленность в обеих перфективно-имперфективных формах.
- Глаголы, вошедшие в анализируемый список (расположены по убыванию количества вхождений, информация о которых дана в скобках):

(5) *Hablar* «говорить» (141), *esperar* «ждать» (110), *hacer* «делать» (100), *mirar* «смотреть» (92), *trabajar* «работать» (90), *pensar* «думать» (67), *ver* «видеть» (40), *dar* «давать» (32), *vivir* «жить» (29), *buscar* «искать» (25).

2.3. Каждая из десяти отобранных глагольных лексем анализировалась по следующей схеме¹¹:

- a) определялось акциональное значение имперфективных форм;
- b) определялось акциональное значение перфективных форм;
- c) проводился тест на агентивность, целью которого являлось ограничение состояний от процессов¹²;
- a) определялось акциональное значение перфективно-имперфективных форм.

3.0. В данном разделе приводится анализ отобранных десяти глаголов по определенной в 2.3 схеме.

3.1. *hablar* «говорить» (141 вхождение)

a) Имперфективы – только непредельная¹³ интерпретация:

- (1) ...*se sientan en la acera, o se sientan en los carros, y están hablando tonterías horas de horas...* (PROG.PRES.) «...садятся на тротуар или на телеги и говорят глупости часами» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3004&ID=97022805>)
- (2) *Hablabo y hablaba durante largos ratos y de vez en cuando me dirigía unas rápidas y sombrías miradas* (NONPROG.IMPF.) «Говорил(а) и говорил(а) подолгу и иногда бросал(а) на меня быстрые и мрачные взгляды» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1673&ID=90199865>)

(b) Перфективы – реализуются две интерпретации: (де)лимитативная – в контексте обстоятельств типа ‘два часа / в течение двух часов’ (1), (2), и с актуализацией левого предела, т.е. ингрессивная (3), (4). С правым пределом непереходный испанский глагол *hablar* ‘говорить’ не соотносится.

- (1) «*Ambos hablaron durante un rato*», *afirmó la señora Mederos. «Hablaban en voz baja...* (NONPROG.AOR.) «Оба говорили какое-то время – заявила сеньора Медерос, – Говорили тихо...» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=8686&ID=107889458>)
- (2) – *Has hablado un cuarto de hora.* (NONPROG. PRF.) «Ты говорил четверть часа» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3018&ID=97126361>)

¹¹ Здесь мы следуем методике определения акциональности глагольного предиката, предложенной С.Г. Татевосовым в [Татевосов 2005] и [Лютикова и др. 2006], и во всех случаях, когда не указано обратное, используем их номенклатуру.

¹² Ср.: «Аргументы предикатов, описывающих состояния, неагентивны [Dowty 1979; Chung, Timberlake 1985]. Любые тесты на агентивность (например, на сочетание с наречиями типа ‘нарочно’) в применении к стативам дают отрицательный результат» [Лютикова и др. 2006: 217]. (Таким образом, агентивность предопределяет нестативность (= процесс(уаль)ность), хотя обратное неверно: не все процессы агентивны, ср. *сохнуть*, *вянуть* и др. с неодушевленным аргументом.) Наряду с тестом на сочетаемость с наречиями типа ‘нарочно’ использовался тест на сочетаемость с глаголом *intentar* ‘пытаться; намереваться’.

¹³ Здесь и далее *непредельный* понимается либо как не соотнесенный с пределом, либо как не достигший предела.

- (3) ...*ella no sabía decirle más pero él se acercó y la habló apasionadamente.* (NON-PROG.AOR.) «...она не знала, что еще ему сказать, но он подошел и горячо заговорил с ней»
[\(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1690&ID=90662200>\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1690&ID=90662200)
- (4) *Un marinero se acercó y nos habló en un idioma totalmente desconocido, no lo podíamos entender...* (NONPROG.AOR.) «Подошел матрос и заговорил с нами на каком-то совершенно неизвестном языке, мы не могли его понять»
[\(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1739&ID=91718362>\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1739&ID=91718362)

- c) Тест на агентивность. В Корпусе не обнаружена сочетаемость с наречиями типа ‘нарочно’. При этом имеется стандартная сочетаемость с глаголом *intentar* ‘пытаться; намереваться’ в вершине глагольной группы:
- (1) ...*Bertl intenta hablar con Adam de política.* (NONPROG.PRES.+ INF.) «Бертл пытается говорить с Адамом о политике»
[\(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2327&ID=95309579>\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2327&ID=95309579)
- (2) *Turbado por la sorpresa, aunque ella no demostró ninguna, intenté hablar para explicar su comportamiento tan extraño...* (NONPROG.AOR.+ INF.) «Смешавшись от неожиданности, хотя она и не обнаружила никаких признаков чего-то подобного, я попытался (за)говорить, чтобы объяснить столь неожиданное поведение»
[\(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1800&ID=94170912>\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1800&ID=94170912)

- d) Перфективно-имперфективные формы имеют только (де)лимитативную интерпретацию.
- (1) *Se volvió al bar y estuvo hablando con su jefe y los amigos de él.* (PROG.AOR.) «Он(а) обернулся (-ась) к бару и [некоторое время] говорил(а) со своим шефом и его друзьями» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1709&ID=91257349>)
- (2) – *Con mucho gusto, señor, he estado hablando de termodinámica. He hecho hincapié en la naturaleza probabilística...* (PROG. PRF.) «С большим удовольствием, сеньор, я говорил о термодинамике. Я подчеркнул вероятностную природу...»
[\(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2356&ID=95368707>\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2356&ID=95368707)

Итак, глагол *hablar* ‘говорить’ обнаруживает свойства ингрессивно-непредельных глаголов и относится к классу <EP, P; P>¹⁴.

3.2. *esperar* ‘ждать’ (110 вхождений)

- a) Имперфективы – только непредельная интерпретация.
- (1) «*Los guerrilleros esperan dos años para volver a secuestrar a alguien de la misma familia*», dijo... (NONPROG.PRES.) «Боевики ждут два года, прежде чем вновь похитить кого-нибудь из той же семьи, – сказал(а) он(а)»
[\(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=8352&ID=107573983>\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=8352&ID=107573983)
- (2) *Sin embargo, aquí, en la consulta, igual están esperando cuatro o cinco horas y no dicen ni mi.* (PROG.PRES.) «Тем не менее, здесь, в консультации, они тоже ждут по четыре или пять часов и даже и не пикнут»
[\(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3036&ID=97268689>\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3036&ID=97268689)
- b) Перфективы – реализуются две интерпретации: (де)лимитативная – в контексте обстоятельств типа ‘два часа / в течение двух часов’ (1), (2), и – в ряду последова-

¹⁴ Здесь используются условные обозначения, применяемые С.Г. Татевосовым: ES – ВХОДЛЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ; EP – ВХОДЛЕНИЕ В ПРОЦЕСС; P – ПРОЦЕСС; S – СОСТОЯНИЕ. До точки с запятой записываются акциональные значения, реализуемые в перфективе, после нее – в имперфективе (см. [Лютикова и др. 2006]).

тельных событий – ингрессивная (с актуализацией левого предела) (3). С правым пределом глагол *esperar* ‘ждать’ не соотносится.

- (1) ...*he ansiado tener un hijo y en realidad lo he esperado tres años*. (NONPROG. PRF.) «я очень хотел(а) иметь ребенка, и я действительно ждал(а) **три года**»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=4344&ID=101214998>)
- (2) *El gringo era el hombre por quien había esperado tantos años*. (NONPROG.PLQPRF.) «Янки был [именно] тем мужчиной, которого я ждал(а) **столько лет**»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1810&ID=94590579>)
- (3) *De regreso al taller percibió el olor de pabilo de los fogones que estaba encendiendo Santa Sofía de la Piedad, y esperó en la cocina a que hirviera el café...* (NONPROG.AOR.) «Вернувшись в мастерскую, он(а) почувствовал(а) запах конфорок, которые разжигала Санта София де ла Пьедад, и **стал(а) ждать** на кухне, пока закипит кофе...»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1785&ID=90641275>)

c) Тест на агентивность. В Корпусе не обнаружена ни сочетаемость с наречиями типа ‘нарочно’, ни сочетаемость с глаголом *intentar* ‘пытаться; намереваться’. При этом наличествует сочетаемость с наречиями образа действия (1), (2):

- (1) ...*lo único es que... yo espero fervientemente de que esta vez sí sea en serio* (NONPROG.PRES.+ INF.) «...единственное я... я **жду всеми силами души** (букв.: пламенно), что на этот раз действительно будет всерьез»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2997&ID=96918762>)
- (2) ...*un odio que esperará cuidadosamente el día de evidenciarse* (NONPROG.FUT.+ INF.) «...ненависть, которая **старатально будет ждать** тот день, когда она станет явной»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1795&ID=93838745>)

Несмотря на не обнаруженную в чистом виде сочетаемость с наречиями типа ‘нарочно’, по-видимому, можно утверждать, что глагол *esperar* концептуализует процесс, а не состояние, поскольку он легко образует императив со стандартным значением¹⁵, сп.:

Espera hasta que comience el año. El primero de enero vas a escribir... (IMP.) «Жди начала года. Первого января напишешь...»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1672&ID=90088745>)

d) Перфективно-имперфективные формы имеют только (де)лимитативную интерпретацию.

- (1) *Recordemos que el pueblo judío estuvo esperando mucho tiempo por un Mesías que lo librara del yugo romano*. (PROG.AOR.) «Вспомним же о том, что еврейский народ долго **ожидал** мессию, который освободит его от римского ярма»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=8812&ID=107962726>)
- (2) – *Espere un momento, por favor. El minuto escaso que estuvo esperando se le hizo eterno*. (PROG.AOR.) «– Подождите секундочку, пожалуйста. Эта [ничтожная] минута ожидания (букв.: которую он ждал) показалась ему вечно»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2352&ID=95362095>)
- (3) *Es la oportunidad que he estado esperando toda mi vida y no estoy dispuesto a desperdiciarla!* (PROG. PRF.) «Это шанс, которого я **жал** всю мою жизнь, и я не намерен упустить его!»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1790&ID=91283084>)

¹⁵ Сделанный вывод имеет смысл только в рамках взятой за основу концепции (см. выше сноску 12). В литературе представлен и другой подход, в соответствии с которым агентивность / неагентивность (=контролируемость / неконтролируемость) и динамичность / статичность рассматриваются как два независимых признака [Булыгина, Шмелев 1997: 97–110, 147–148]. Соответственно, возможна комбинация [+ контролируемость] и [– динамичность], т.е. контролируемые (= агентивные) состояния.

Глагол *esperar* «ждать» обнаруживает свойства ингрессивно-непредельных глаголов и относится к классу <EP, P; P>.

3.3. *hacer* «делать»¹⁶ (100 вхождений)

а) Имперфективы – только непредельная интерпретация:

- (1) *A mí te parece que hace muchísimo.* (NONPROG.PRES.) «[А вот] мне кажется, что [он / она] **делает** очень много»

(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2979&ID=96186365>)

- (2) *Pero, en ese momento ellos no veían que estaban haciendo mal.* (PROG.IMPF.) «Но в тот момент они не понимали (букв.: «видели»), что **делают** плохо»

(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3157&ID=98164895>)

б) Перфективы реализуют две интерпретации: предельную (с кульминацией, равной достижению правого предела) (1), (2), и – в контексте обстоятельств типа ‘два часа / в течение двух часов’ – (де)лимитативную (3).

- (1) *Esta reflexión que hoy me hago, me la hice en aquel entonces: ¿Cómo es posible que...* (NONPROG.AOR.) «Это рассуждение, которое я делаю сегодня, я **сделал** и тогда: как это возможно, что...?»

(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2979&ID=96731472>)

- (2) *¿Hicieron un trabajo en equipo o una investigación individual?* (NONPROG.AOR.) «Они **сделали** работу коллективно или это индивидуальное исследование?»

(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3293&ID=99218613>)

- (3) *Durante toda la mañana hice lo imposible por concentrarme en mis actividades, sin resultado favorable.* (NONPROG.AOR.) «В течение всего утра я **делал(а)** невозможное, чтобы сконцентрироваться на своих делах, но без видимого результата»

(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1697&ID=91079586>)

с) Тест на агентивность. В Корпусе не обнаружена сочетаемость с наречиями типа ‘нарочно’, но имеется стандартная сочетаемость с глаголом *intentar* ‘пытаться; намереваться’ в вершине глагольной группы:

- (1) ...va a hacer bien lo que, bueno o malo, quiere hacer, **intenta hacer**, robar, organizar una huelga o descubrir el Paso del Noreste. (NONPROG.PRES.+ INF.) «будет хорошо делать то – хорошее или плохое – что хочет сделать, **намеревается сделать**: ограбить, организовать забастовку или открыть путь на северо-запад»

(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1673&ID=90187616>)

д) Перфективно-имперфективные формы имеют только (де)лимитативную интерпретацию.

- (1) *Durante una época estuvo haciendo cosas minúsculas. Borraba, corregía, empezaba su trabajo una y otra vez...* (PROG.AOR.) «В течение какого-то времени [он / она] **делал(а)** незначительные вещи. Стирал(а), исправлял(а), начинял(а) свою работу снова и снова...»

(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2525&ID=95719464>)

- (2) *Se ha estado haciendo una campaña del terror en torno a mí.* (PROG. PRF.) «Вокруг меня **проводилась** кампания террора»

(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=8344&ID=107559705>)

Итак, переходный глагол *hacer (algo)* ‘делать (что-либо)’ является слабым предельным глаголом <ES, P; P>.

¹⁶ Глагол *hacer* «делать» часто используется для реализации лексической функции Орг₁ (о лексических функциях см., например [Иорданская, Мельчук 2007: 249–279]), выступая в качестве полувспомогательного глагола.

3.4. *mirar* «смотреть» (92 вхождения)

a) Имперфективы – только непредельная интерпретация:

- (1) *David Hartman, de 49 años, miraba fijamente la armazón quemada de lo que fue su hogar durante ocho años.* (NONPROG.IMPF.) «Дэвид Хартман, 49 лет, пристально смотрел на обгоревший остов того, что было его домом в течение восьми лет»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=12390&ID=110401867>)
- (2) *...leo de prisa, la [la carta] introduzco nuevamente en el sobre, miro por última vez la pared blanca...* (NONPROG.PRES.) «...быстро читаю, снова вкладываю его [письмо] в конверт, в последний раз смотрю на белую стену»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2477&ID=95621033>)

b) Перфективы реализуют следующие интерпретации: точечная (1) и (де)лимитативная – в основном в контексте обстоятельств типа ‘два часа/в течение двух часов’ (2), (3), (4). В (3) в контексте союза *hasta que*, вводящего внешнюю правую границу действия, достижения предела (кульминации) не происходит, возникает лишь интерпретация прекращения ситуации¹⁷, т.е. у *mirar* отсутствует соотнесенность с правым пределом. При этом возможна актуализация левого предела (5), что может рассматриваться и как точечная реализация этого действия, а не вхождение в процесс (в таком случае (1) и (5) аналогичны).

- (1) *Kalú miró fríamente a aquel joven deportista.* (NONPROG.AOR.) «Калу холодно по-смотрел(а) на этого молодого спортсмена»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1711&ID=91351881>)
- (2) *Me miró largamente.* (NONPROG.AOR.) «[Он/она] посмотрел(а) на меня долгим взглядом»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1724&ID=90815789>)
- (3) *Miró largamente la fotografía hasta que el papel se secó...* (NONPROG.AOR.) «[Он / она] долго смотрел(а) на фотографию, пока не высохла бумага»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1736&ID=91547396>)
- (4) *Daniel y yo lo miramos mucho tiempo, un tiempo que nos pareció muy largo...* (NONPROG.AOR.) «Даниэль и я смотрели на него/на это много времени, времени, которое показалось нам очень долгим»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1673&ID=90151250>)
- (5) *Daniel, el Mochuelo, subió al coro y desde allí miró fijamente a los ojos de la Virgen.* (NONPROG.AOR.) «Даниэль, [по прозвищу] Сыч, поднялся на хоры и оттуда пристально стал смотреть / посмотрел в глаза Богоматери»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1783&ID=92511259>)

c) Тест на агентивность. В данном случае имеем стандартную сочетаемость с глаголом *intentar* «пытаться; намереваться» в вершине глагольной группы; из адвербиков с семантикой «нарочно» были обнаружены контексты с *intencionadamente* «преднамеренно, с умыслом» (3).

- (1) *iNo la mires así! – dice la novia poniendo una mano fría en el cuello del novio al que el codo de la madre opriime por el otro lado y que intenta mirar hacia su novia e ignora por qué le molesta que le diga «no la mires»...* (NONPROG.PRES.+INF.) «Не смотри на нее так! – говорит невеста, кладя холодную руку на шею жениху, на которого с другой стороны давит локоть матери, и который пытается смотреть на свою невесту и не знает, почему его раздражает, что ему говорят “не смотри на нее”»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2033&ID=94897627>)

¹⁷ Не обнаружено ничего похожего на *miró la película «посмотрел(а) фильм», **miró el espectáculo hasta el final* «посмотрел(а) спектакль до конца», т.е. дополнения типа инкрементальной темы при этом глаголе, по всей видимости, невозможны.

- (2) ...*intenta mirar hacia el exterior a través de la cortina troquelada...* (NONPROG.PRES.+ INF.) «пытается (по)смотреть на улицу через жалюзи...»
<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2033&ID=94897627>
- (3) – *También para don Luis habrá la suya – dijo don Tadeo mirando intencionadamente a Paca, que apenas había levantado los ojos de su labor.* (GER.) «– И до Дона Луиса дойдет очередь, – сказал Дон Тадео, **умышленно глядя** на Паку, которая почти не поднимала глаз (букв.: сдва подняла глаза) от своей работы»
<http://www.cervantesvirtual.com/FichaObra.html?Ref=1200>
- d) Перфективно-имперфективные формы имеют только (де)лимитативную интерпретацию.
- (1) *Vino una mujer, estuvo mirando, tocando...* (PROG.AOR.) «Пришла женщина, **смотрела, трогала...**»
<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1793&ID=935357323>
- (2) *El tipo ese que los ha estado mirando se pone de pie y se acerca a la mesa...* (PROG. PRF.) «Этот тип, который **смотрел** на них, поднимается и подходит к столику»
<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1788&ID=93004098>

Итак, глагол *mirar* ‘смотреть’ обнаруживает свойства ингрессивно-непредельных глаголов и относится к классу <EP, P; P>.

3.5. *trabajar* «работать» (90 вхождений)

- a) Имперфективы – только непредельная интерпретация:
- (1) *Da Vinci. Él era capaz de trabajar jornadas realmente avasalladoras. ¿Cómo lo hacía? Trabajaba dos horas y dormía quince minutos...* (NONPROG.IMPF.) «Да Винчи. Он был способен работать действительно изнуряющими рабочими сменами. Как он это делал? **Работал** два часа и спал пятнадцать минут...»
<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2145&ID=95042137>
- (2) – *No no, ella no trabaja, solamente en la casa...* (NONPROG.PRES.) «Нет, нет, она не **работает, только дома...**»
<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3083&ID=97582749>
- b) Перфективы реализуют две интерпретации: ингрессивную (при поддержке контекста) (1) и – в основном в контексте обстоятельств типа ‘два часа / в течение двух часов’ – (де)лимитативную (2), (3).
- (1) *La duda trabajó desde el día de la llegada.* (NONPROG.AOR.) «Сомнение зародилось (букв.: **(за)работало**) со дня приезда»
<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1796&ID=93953437>
- (2) ...*uno quiere tener de guía a un hombre como Edwards, que ha trabajado durante 25 años como guía turístico...* (NONPROG. PRF.) «каждому хочется иметь гидом такого человека, как Эдвардс, который 25 лет **(про)работал гидом**»
<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=12413&ID=110419757>
- (3) *Durante toda su vida Moore trabajó el tema de la figura femenina yacente...* (NONPROG.AOR.) «В течении всей своей жизни Мур **разрабатывал** тему лежащей женской фигуры...»
<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=6983&ID=104857074>
- c) Тест на агентивность. В Корпусе не обнаружена сочетаемость с наречиями типа ‘нарочно’, но имеется стандартная сочетаемость с глаголом *intentar* «пытаться; намереваться» в вершине глагольной группы:
- (1) ...*el arte me emocione, y es el fundamento sobre el que intento trabajar.* (NONPROG.PRES.+ INF.) «искусство будит во мне эмоции, и это тот фундамент, на основе которого я **пытаюсь работать**»
<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2717&ID=95966318>

- d) Перфективно-имперфективные формы имеют только (де)лимитативную интерпретацию.
- (1) ...y *estuve trabajando hasta – hasta que di a luz*. (PROG.AOR.) «и я работала до... до тех пор, как родила»
(http://elvira.lllf.uam.es/docs_es/corpus/corpus.html)
  - (2) *Hicieron muy buena campaña pero son gentes que han estado trabajando mucho tiempo por la comunidad y que han respondido muy bien*. (PROG. PRF.) «Они провели очень хорошую кампанию, но это люди, которые долгое время работали на общество и очень хорошо вписались»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=4437&ID=101321777>)

Итак, *trabajar* «работать» – лексема, стандартно функционирующая как ингрессивно-непредельный глагол класса <EP, P; P> и в очень редких случаях получающая возможность иметь при себе прямое дополнение (см. (3) в b)), которое, при этом, не обнаруживает свойств инкрементальности, вследствие чего невозможной оказывается кульминация, равная достижению правого (естественного) предела.

3.6. *pensar* «думать» (67 вхождений)

- a) Имперфективы – только непредельная интерпретация:
- (1) *Lorenzo no contesta porque está pensando. Lo piensa durante toda mi visita mientras las maestras comentan las indudables bondades de la escuela...* (PROG.PRES.; NONPROG.IMPF.) «Лоренсо не отвечает, потому что думает. Он думает об этом в течение всего моего визита, пока учительницы обсуждают несомненные достоинства школы»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1785&ID=92733958>)
  - (2) *Incluso, a estas alturas del artículo me doy cuenta de que yo estoy pensando de la misma forma que pensaba cualquier judío de hace más de dos mil años...* (PROG.PRES.; NONPROG.IMPF.) «И сейчас, в этом месте статьи, я отдаю себе отчет в том, что я думаю так же, как думал любой еврей, [живший] более двух тысяч лет назад»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=8812&ID=107962768>)
- b) Перфективы – реализуются две интерпретации: точечная (1), (2) (точка, которая с большой долей вероятности может быть левым пределом) и – в контексте обстоятельств типа ‘два часа / в течение двух часов’ – (де)лимитативная (3), (4).
- (1) *Yo pensé de pronto que la habías liado otra vez, pero enseguida me dijeron que no...* (NONPROG.AOR.) «Я подумал вдруг, что ты сошелся с ней еще раз, но тут же мне сказали, что это не так»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1803&ID=94418664>)
  - (2) *Pensó, de pronto, que debió ser la mujer de Simeón Calamaris.* (NONPROG.AOR.) «[Он / она] вдруг подумал(а), что это должна была быть жена Симеона Каламариса»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1764&ID=92309823>)
  - (3) *La Liebre, la Liebre pensó durante todo ese día, cómo la cambiaron estos pocos años...* (NONPROG.AOR.) «Зайка, Зайка, – думал(а) [он / она] весь этот день, – как изменили ее эти немногие годы...»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1737&ID=91560668>)
  - (4) *Todo ese tiempo soñé y pensé durante las noches en ella...* (NONPROG.AOR.) «Все это время я мечтал и думал ночами о ней...»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1739&ID=91722128>)
- c) Тест на агентивность. В данном случае имеем затрудненную¹⁸ сочетаемость с глаголом *intentar* «намереваться» в вершине глагольной группы (1), (2); на сочетает-

¹⁸ Крайне редкую – один случай; при этом речь идет о второй позиции в сочиненной группе – (1); в (2) – с оператором отрицания.

мость с адвербиями типа ‘нарочно’ имеется лишь один контекст с *adrede* «намеренно, нарочно, обдуманно; специально» (3).

- (1) *Ella me mira con ojos de súplica. Intenta congraciarse contigo. Y pensar que la gorda nunca fue mi amiga.* (NONPROG.PRES.+ INF.) «Она смотрит на меня умоляющими глазами. Пытается подлизаться ко мне. И думать, что толстуха никогда не была моей подругой»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1683&ID=90576104>)
- (2) *Yo recuerdo cuando Andy se murió... Tuvimos que guardar sus fotos, quitarlas de encima de la tele y de los dormitorios para intentar no pensar tanto en él, y aún así no parábamos de llorar.* (INF.+ INF.) «Я вспоминаю, когда Энди умер... Нам пришлось убрать все его фотографии, снять их с телевизора и вынести из спален, чтобы пытаться не думать о нем столько, и даже при всем этом мы не прекращали плакать»
(<http://home.cc.umanitoba.ca/~fernand4/trasados.html>)
- (3) *Una nueva duda me vino a la cabeza: ¿Ese trabajo lo buscó él, o se lo ofrecieron? Porque si era lo segundo, la cosa cambiaba mucho. Rechacé aquella idea y pensé adrede que la iniciativa había partido del cura.* (NONPROG.AOR.) «Новое сомнение пришло мне в голову: эту работу он сам искал или ему ее предложили? Потому что, если верно второе, ситуация существенно менялась. Я отверг эту идею и намеренно стал думать, что инициатива исходила от священника»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1709&ID=91291537>)

d) Перфективно-имперфективные формы имеют только (де)лимитативную интерпретацию.

- (1) *Estuve pensando por un buen rato en un plan, hasta que por fin tuvo una idea ...* (PROG.AOR.) «[Он / она] думал(а) довольно долго о плане, пока, наконец, не появилась идея...»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1937&ID=94772600>)
- (2) – *He estado pensando y tengo que decirte que es una estupidez que te cases – me soltó.* (PROG.PRF.) «– Я (по)думал(а) и должен(на) сказать тебе, что это глупость – то, что ты женишься (выходишь замуж), – высказал(а) он(а) мне»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1789&ID=93169035>)

Итак, *pensar* «думать» обнаруживает свойства ингрессивно-непредельных глаголов – <EP, P; P>.

3.7. *ver* «видеть» (40 вхождений)

a) Имперфективы – только непредельная интерпретация:

- (1) *Hacía mucho tiempo que no veía fantasmas, pero ahora acabo de ver uno.* (NONPROG.IMPF.) «(Я уже) долгое время не видел(а) призраков, но вот сейчас только что одного увидел(а)»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1805&ID=94555774>)
- (2) *Así como ahora los veo a ustedes, así lo veía a él durante muchas mañanas cuando compartíamos los almuerzos en el campamento de la sierra.* (NONPROG.PRES.; NONPROG.IMPF.) «Вот так, как я сейчас вас вижу, так я видел(а) его много раз по утрам, когда мы вместе обедали в лагере в горах»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1904&ID=94728374>)

b) Перфективы – реализуются две интерпретации: точечная (возможна трактовка как ингрессивной) (1), (2), и – в контексте обстоятельств типа ‘два часа / в течение двух часов’ – (де)лимитативная (3), (4).

- (1) *Llegaron hasta la verja que rodeaba el patio y asomándose vieron a las lavanderas que golpeaban las ropas en tablones casi sobre el agua...* (NONPROG.AOR.) «[Они] дошли до ограды, окружавшей двор, и, выглянув, увидели прачек, которые колотили белье на мостках почти что над самой водой...»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1740&ID=91760361>)

- (2) *Apenas la vi, mi pecho palpó, como si me hubieran asustado...* (NONPROG.AOR.) «Едва лишь я ее **увидел**, мое сердце (букв.: грудь) затрепетало, как будто меня испугали...» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1739&ID=91711049>)
- (3) *Después supe su historia de viejo luchador social. Despues lo vi durante muchos años protagonizando múltiples eventos del gobierno cubano. Despues supe de su muerte.* (NONPROG.AOR.) «Потом я узнал его историю давнего борца на социальном фронте. Потом я **видел в течение многих лет** на первых ролях во время многочисленных мероприятий кубинского правительства. Потом я узнал о его смерти...» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=8517&ID=107768093>)
- (4) *Durante casi cuarenta años he visto desfilar por el retablo nacional a homosexuales disfrazados de varoncitos.* (NONPROG. PRF.) «**В течение почти сорока лет я видел(а), как проходили по национальной сцене гомосексуалисты в мужских костюмах**» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=8918&ID=108031850>)

c) Тест на агентивность. В Корпусе не обнаружена сочетаемость с наречиями типа ‘нарочно’, но имеется стандартная сочетаемость с глаголом *intentar* ‘пытаться; намереваться’ в вершине глагольной группы:

- (1) *Yo salgo. Ten cuidado con las cartas que – yo intento no vértelas pero en cuanto levanto la vista...* (NONPROG.PRES.+ INF.) «Я хожу. Будь осторожнее с картами – я **пытаюсь не видеть** твои, но как только я поднимаю глаза...» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3758&ID=100403196>)
- (2) *Los más pequeños saltaban por encima de la valla para intentar ver al ilustre.* (INF.+ INF.) «Самые маленькие забирались на изгородь, чтобы **попытаться увидеть** знаменитость» (<http://www.ficticia.com/indicePorTitulo.html>)
- (3) *Hice extremados esfuerzos por intentar ver lógica en lo que decía José sobre los orígenes de su familia...* (INF.+ INF.) «(Я) предпринял неимоверные усилия, чтобы **попытаться увидеть** логику в том, что говорил Хосе о происхождении своей семьи» (<http://home.cc.umanitoba.ca/~fernand4/atrásados.html>)

d) Перфективно-имперфективные формы имеют только (де)лимитативную интерпретацию.

- (1) *Sí, porque hemos estado viendo, antes, durante el descanso, las estadísticas – ...* (PROG. PRF.) «Да, потому что мы **видели**, раньше, во время перерыва, статистические данные...» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=4478&ID=101376691>)
- (2) *La gente de Jalisco estuvo viendo esto como una total y absoluta provocación...* (PROG.AOR.) «Люди в Халиско рассматривали (букв.: **видели**) это как полную и абсолютную провокацию...» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=4028&ID=100777657>)

Итак, глагол *ver* «видеть» является, по-видимому, ингрессивно-непредельным (<EP, P; P>), а не инцептивно-стативным (<ES, S; S>). К этому выводу склоняет также факт образования императива¹⁹, сп.:

- (1) – *Se fue solo – había dicho, orgulloso, el padre de Ahmed a todos sus vecinos – y ahora vuelve con una mujer, dos hijos, y regalos para toda la familia. Venid, ved a mi hijo, Ahmed... Ahmed «el triunfador».* (IMP.) «– Он ушел один, – с гордостью сказал отец Ахмеда всем своим соседям. – А сейчас он вернулся с женой, двумя детьми и подарками для всей семьи. Приходите, посмотрите на (букв.: **увидьте**) моего сына Ахмеда... Ахме-

¹⁹ Ср., впрочем, мнение Ю.Д. Апресяна: «Известно, что чем глагол ближе к состояниям (стативам), тем больше вероятность того, что у него не будет формы ПОВЕЛ (= повелительного наклонения. – Е.Г.). Ср., например, невозможность ПОВЕЛ от глаголов *ver* (*видеть) и *oír* (*слышать). К этому можно добавить, что если номинально такая форма может быть образована (ср. *contar*, *querer*, *temer*, *temer*, *oler*, *oler* и др.), она никогда не имеет прототипического для нее значения побуждения» [Апресян (ред.) 2006: 93].

- да Победителя»
[\(http://www.ficticia.com/indicePorTitulo.html\)](http://www.ficticia.com/indicePorTitulo.html)
- (2) *Y si no lo crees, veme a mí: una de esas balas inútiles fue la que me perjudicó de a tiro.*
 (IMP.) «И если ты этому не веришь, посмотри на (букв.: увидь) меня: одной из этих бесполезных пуль была та, что меня ранила»
[\(http://www.ficticia.com/indicePorTitulo.html\)](http://www.ficticia.com/indicePorTitulo.html)

3.8. *dar* «давать»²⁰ (32 вхождения)

- a) Имперфективы – только непредельная интерпретация:
- (1) *...se cree, digo, que el autor realmente está dando una visión crítica del... del mundo en el cual se vive...* (PROG.PRES.) «считается, говорю, что автор действительно **дает** некий критический взгляд на... на мир, в котором живет»
[\(http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3233&ID=988740224\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3233&ID=988740224)
- (2) *– Pues nosotros... muchos llegan totalmente desorientados y entonces les damos en primer lugar ánimo espiritual para enfrentarse con su nueva vida.* (NONPROG.PRES.) «– Ну мы... многие приходят совершенно потерянные и тогда мы **даем** им в первую очередь духовную поддержку, чтобы они могли войти в новую жизнь»
[\(http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3045&ID=97336932\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3045&ID=97336932)
- b) Перфективы – реализуются две интерпретации: с кульминацией (предельная интерпретация) (1) и – в контексте обстоятельств типа *два часа / в течение двух часов* – (де)лимитативная (2), (3), (4).
- (1) *El estilo narrativo aparentemente sencillo de Kafka dio una nueva profundidad al principio expresionista...* (NONPROG.AOR.) «Внешне простой повествовательный стиль Кафки **(при)дал** новую глубину экспрессионистическому принципу...»
[\(http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=6519&ID=103604728\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=6519&ID=103604728)
- (2) *...nuestro Pancholo tiene el corazón noble, llenito de ese amor que le dimos durante veinticuatro años y no va a despreciar a quienes le quisieron tanto...* (NONPROG.AOR.) «у нашего Панчоло благородное сердце, наполненное той любовью, которую мы **да(ва)ли** ему **в течение 24 лет**, и он не сможет пренебречь теми, кто так его любил»
[\(http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1754&ID=91927677\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1754&ID=91927677)
- (3) *...lo envolvió en frazadas calientes y le dio claras de huevos durante dos días, hasta que el cuerpo estragado recobró la temperatura...* (NONPROG.AOR.) «[он / она] завернул(а) его в теплые одеяла и **давал(а)** ему яичные белки **в течение двух дней**, пока температура этого измученного тела не пришла в норму»
[\(http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1785&ID=92668593\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1785&ID=92668593)
- (4) *...a cantidad de pintores que ha dado Italia... o que dio Italia durante dos siglos... que es realmente increíble, increíble* (NONPROG. PRF.; NONPROG.AOR.) «множеству живописцев, которое **дала** Италия... или **давала** Италия **в течение двух веков...** **которое** действительно невообразимо, невообразимо»
[\(http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3019&ID=97133718\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3019&ID=97133718)
- c) Тест на агентивность. В Корпусе не обнаружена сочетаемость с наречиями типа ‘нарочно’, но имеется стандартная сочетаемость с глаголом *intentar* ‘пытаться; намереваться’ в вершине глагольной группы:
- (1) *Las reglas de este deporte cambian frecuentemente para intentar dar más velocidad <...>* (INF.+ INF.) «Правила в этом виде спорта изменяются часто, с целью увеличения скорости (букв.: чтобы **попытаться да(ва)ть** большую скорость)»
[\(http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=7108&ID=105250853\)](http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=7108&ID=105250853)

²⁰ Глагол *dar* «давать» в подавляющем большинстве случаев используется для реализации лексической функции Орг, (о лексических функциях см., например [Иорданская, Мельчук 2007: 249–279]), выступая в качестве полувспомогательного глагола.

- (2) *Bueno – bueno, la verdad, aquí – intentamos cada vez dar más y más.* (NONPROG.PRES.+ INF.)
«Ну, по правде говоря, здесь мы пытаемся каждый раз да(ва)ть больше и больше»
([http://elvira.lllf.uam.es / docs_es / corpus/corpus.html](http://elvira.lllf.uam.es/docs_es/corpus/corpus.html))

- d) Перфективно-имперфективные формы имеют только (де)лимитативную интерпретацию.
- (1) *Tres años estuve dando vueltas por Latinoamérica.* (PROG.AOR.) «Три года [он / она] колесил(а) (букв.: давал(а) витки) по Латинской Америке»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=9157&ID=108273435>)
- (2) *Este señor siempre ha estado dando ideas y...* (PROG. PRF.) «Этот господин всегда (вы)давал идеи и...»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3205&ID=98578438>)

Итак, в испанском языке глагол *dar* «давать» является слабым предельным глаголом (<ES, P; P>).

3.9. *vivir* «жить» (29 вхождений)

- a) Имперфективы – только непредельная интерпретация:
- (1) *Algunas plantas, generalmente árboles, viven mucho más tiempo que los animales.* (NONPROG.PRES.) «Некоторые растения, в основном деревья, живут намного дольше, чем животные»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=14114&ID=112255997>)
- (2) *Sólo una casa estaba habitada: la de Dora y Julia Aldana, quienes vivían solas desde el tiempo que nadie se acuerda.* (NONPROG.IMPF.) «Только один дом был обитаемым: дом Доры и Хулии Андана, которые жили одни с незапамятных времен»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1706&ID=91194215>)
- (3) *El tiempo no existía. Estaba viviendo algo prohibido para el hombre.* (PROG.IMPF.) «Время не существовало. [Он / она] проживал(а) нечто запретное для человека»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=8072&ID=106989907>)
- b) Перфективы – реализуются две интерпретации: в контексте обстоятельств типа *два часа / в течение двух часов* – (де)лимитативная (1), (2), и – в ряду последовательных событий – ингрессивная (3), (4).
- (1) *Al principio tuve miedo y viví largo tiempo acompañado de él.* (NONPROG.AOR.) «Вначале мне было страшно, и я долгое время жил в этом страхе»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1673&ID=90208074>)
- (2) *Me adoptaron muy pequeña, luego vivimos un tiempo en Cuba y otro en los Estados Unidos.* (NONPROG.AOR.) «Меня удочерили совсем маленькой, потом одно время мы жили на Кубе, а потом в США»
(<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1752&ID=92145829>)
- (3) *Juntaron un dinerito y aparte de una televisión a color, compraron un hermoso jarrón... Y vivieron las dos muy felices para siempre.* (NONPROG.AOR.) «Скопили денег и кроме цветного телевизора купили красивый вазон... И зажили обе очень счастливо на всю жизнь»
(<http://www.ficticia.com/indicePorTitulo.html>)
- (4) *Abandonó su ciudad natal de Cienfuegos y vivió alejado de la política en la pequeña finca Managuaco, en San José de Las Lajas, en la provincia de La Habana.* (NONPROG.AOR.) «[Он] покинул свой родной город Сьенфуэгос и зажил, оставив политику, в маленьком поместье Манагуако, в Сан Хосе де Лас Лахас, в провинции Гавана»
(<http://www.elnuevoherald.com>)
- c) Тест на агентивность. В Корпусе не обнаружена сочетаемость с наречиями типа ‘нарочно’, но имеется стандартная сочетаемость с глаголом *intentar* ‘пытаться; намереваться’ в вершине глагольной группы:

- (1) *Sus ingenieros construyeron carreteras y canales comparables a los de los romanos, y una próspera sociedad urbana intentó vivir de acuerdo con los ideales morales de Confucio.* (NONPROG.AOR.+ INF.) «Их инженеры (по)строили дороги и каналы, сравнимые с римскими, и процветающее урбанистическое общество (по)пыталось жить в соответствии с этическими идеалами Конфуция» (http://es.encarta.msn.com/artcenter/_browse.html)
- (2) *...hay que evitar las disputas delante de los niños, hay que intentar vivir cada día y el cada día con una ilusión constante.* (INF.+ INF.) «нужно избегать споров в присутствии детей, нужно пытаться жить каждым днем и каждый день – с постоянным предвкушением [чего-то хорошего]» (http://elvira.lllf.uam.es/docs_es/corpus/corpus.html)
- d) Перфективно-имперфективные формы имеют только (де)лимитативную интерпретацию.
- (1) *Esa chica habla muy bien. Estuvo viviendo en Inglaterra, antes, no sé, así que...* (PROG.AOR.) «Эта девушка говорит очень хорошо. Она жила в Англии, раньше, не знаю, так что...» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2922&ID=936314583>)
- (2) *...solamente se da cuenta de lo que es la medicina, cuando ha estado viviendo en un hospital...* (PROG. PRF.) «...понимаешь, что такое медицина, только когда (по)жил в больнице» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3143&ID=98040850>)

Итак, *vivir* «жить» – ингрессивно-непредельный глагол < EP, P; P>.

3.10. *buscar* «искать» (25 вхождений)

- a) Имперфективы – только непредельная интерпретация:
- (1) *...en el África subsahariana 6 millones de personas buscan trabajo cada año en medio de una situación de recesión económica.* (NONPROG.PRES.) «...в Африке южнее Сахары 6 миллионов человек каждый год ищут работу в ситуации экономического спада» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=7529&ID=106334649>)
- (2) *...un instrumento musical que era justamente lo que estaba buscando hacían diez años...* (PROG.IMPF.) «музыкальный инструмент, который был именно тем, что [он/она/я] искал(а) десять лет тому назад» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3118&ID=97835187>)
- b) Перфективы – реализуется (де)лимитативная интерпретация (1), (2) или ингрессивная (при актуализации левого предела в ряду последовательных событий) (3).
- (1) *...le dijo: – Gilberto, buscaste sin éxito durante mucho tiempo la mariposa azul.* (NONPROG.AOR.) «[он / она] сказал ему: “Хильберто, ты долго и безуспешно искал синюю бабочку”» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1693&ID=907001162>)
- (2) *...habían perdido a cincuenta hombres en Badr, buscaron la revancha un año después en una gran batalla que tuvo lugar en la colina...* (NONPROG.AOR.) «[они] потеряли 50 человек в Бадре, [и] искали реванша год спустя в большом сражении на холме» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=7717&ID=106707335>)
- (3) *...mujer de la limpieza, la asistenta como él la llamaba, llegó y buscó su aspiradora en el lugar donde habitualmente la guardaba, no la encontró.* (NONPROG.AOR.) «уборщица, “ассистентка”, как он ее называл, пришла и стала искать свой пылесос там, где обычно его оставляла, [но] не нашла его» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=2429&ID=95524927>)
- c) Тест на агентивность. В Корпусе не обнаружена сочетаемость с наречиями типа ‘нарочно’, но имеется стандартная сочетаемость с глаголом *intentar* ‘пытаться; намереваться’ в вершине глагольной группы:

- (1) ...se estableció una colaboración para intentar buscar las causas genéticas del melanoma. (INF.+ INF.) «было налажено сотрудничество, чтобы попытаться найти генетические причины [возникновения] меланомы» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=6186&ID=103017801>)
- (2) Intentaba buscar argumentos para mi defensa y su risa, como de costumbre, me interrumpió... (NONPROG.IMPF.+ INF.) «(Я) пытался(ась) искать аргументы в свою защиту, но его / ее смех, как обычно, прервал меня» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=24446&ID=95559998>)

d) Перфективно-имперфективные формы имеют только (де)лимитативную интерпретацию.

- (1) Sí. Se llamaba Sesenta personajes en busca de autor, pero estuve buscando empresario que se lo contratará, y tuvo que rebajar el coste. (PROG.AOR.) «Да. [Он] назывался “60 персонажей в поисках автора”, но [он/она] искал(а) импресарио, с которым можно было бы заключить контракт, и вынужден(а) был(а) снизить цену» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=3778&ID=100457501>)
- (2) – Te he estado buscando todo el día. (PROG. PRF.) «– Я искал(а) тебя весь день» (<http://www.corpusdelespanol.org/x4.asp?t=1796&ID=93877491>)

Итак, *buscar* «искать» – <EP, P; P>, т.е. ингрессивно-непредельный глагол.

4. Итоги. Анализ десяти глаголов, с наибольшей частотностью употребляющихся в «гибридных» перфективно-имперфективных формах (см. ниже Таблицу 1), позволяет сделать следующие выводы.

4.1. Из выдвинутых выше (в разделе 2.2) четырех гипотез подтверждаются первые три. Повторим их здесь и приведем аргументацию.

- (1) В семантике каждого из акциональных классов, совместимых с перфективно-имперфективными граммемами, присутствует информация о срединной фазе ситуации, обозначенной глагольной лексемой.

Непредельная интерпретация, реализующаяся в имперфективе, равно как и (де)лимитативная интерпретация, стандартная для «гибридных» форм²¹, возможны именно по причине наличия информации о срединной фазе ситуации, обозначаемой соответствующими лексемами.

- (2) Соответствующие срединные фазы ситуации по преимуществу агентивны (и, следовательно, процессуальны, а не стативны).

«Облегченный» вариант теста на агентивность (сочетаемость с глаголом *intentar* «пытаться; намереваться») прошли все анализируемые глаголы кроме глагола *esperar* «ждать»; стандартный вариант теста (на сочетание с наречиями типа ‘нарочно’) прошли глаголы *mirar* «смотреть» и *pensar* «думать».

- (3) Различие между процессами и состояниями носит не дискретный, а континуальный характер.

О подтверждении данной гипотезы говорят два факта. Во-первых, различие между *mirar* «смотреть» и *ver* «видеть», против всех ожиданий, оказалось в определенном смысле количественным: первый обнаруживает сочетаемость и с наречиями типа ‘нарочно’ и с

²¹ Ср. с мнением П.М. Бертинетто относительно семантики испанских перфективно-прогрессивных форм: «In conclusion, Spanish St(ate)-PROGR (the label ‘State-PROGR’ indicates periphrases based on auxiliary verbs approximately meaning “be, stand” with perfective tenses) expresses a perfective, durative and (in most cases) atelic situation». Оговорка «in most cases» связана с тем, что, как отмечает автор, «some caution is in order concerning telicity, because (as pointed out by Squartini, p.c.) one can find examples such as *Estuvimos investigando todos los locales de Valladolid* ‘We kept searching all the bars of Valladolid’, which seems to suggest that the search was conducted till the end. However, I am inclined to think that this is simple a pragmatic implicature, rather than a true semantic effect» [Bertinetto 2000: 571].

глаголом *intentar* «пытаться; намереваться», а второй – только с *intentar*²². Во-вторых, в случае с *esperar* «ждать» – единственным глаголом, по данным Корпуса не обнаружившим сочетаемость с *intentar* «пытаться; намереваться», с учетом результата дополнительных процедур (образование императива со стандартным значением) все же можно сделать вывод о, скорее, агентивном (и, следовательно, процессуальном) характере глагола.

4.2. Последняя гипотеза –

- (4) Предельные (соотнесенные с пределом как естественным результатом действия) акциональные классы более частотны в «гибридных» формах, чем непредельные, поскольку именно для них характерно контрастное распределение прогрессива и непрогрессива не подтвердилось: из 10 глаголов только 2 (*hacer* «делать» и *dar* «давать») являются предельными, т.е. соотнесенными с правым пределом, равным достижению естественного результата. Этот результат подводит нас к следующей гипотезе, проверка которой выходит за пределы данной работы:
- (5) Противопоставление Прогрессива и Непрогрессива в испанском языке имеет не привычную аспектуальную направленность, призванную противопоставить реализацию различных возможных для данной ситуации фрагментов, а некую другую, возможно, pragматически-коммуникативную.

Таблица I

Итоговые данные по принятой схеме анализа

Глагольная лексема	Интерпретация в имперфективе	Интерпретация в (непрогрессивном) перфективе	Агентивность ²³	Интерпретация в перфективно-имперфективных формах
<i>hablar</i> «говорить»	непредельная	1. ингрессивная 2. (де)лимитативная	+	(де)лимитативная
<i>esperar</i> «ждать»	непредельная	1. ингрессивная 2. (де)лимитативная	+/-	(де)лимитативная
<i>hacer</i> «делать»	непредельная	1. предельная (с актуализацией правого предела) 2. (де)лимитативная	+	(де)лимитативная
<i>mirar</i> «смотреть»	непредельная	1. точечная или ингрессивная 2. (де)лимитативная	+!	(де)лимитативная
<i>trabajar</i> «работать»	непредельная	1. ингрессивная 2. (де)лимитативная	+	(де)лимитативная
<i>pensar</i> «думать»	непредельная	1. точечная или ингрессивная 2. (де)лимитативная	+!	(де)лимитативная
<i>ver</i> «видеть»	непредельная	1. точечная или ингрессивная 2. (де)лимитативная	+	(де)лимитативная
<i>dar</i> «дать»	непредельная	1. предельная (с актуализацией правого предела) 2. (де)лимитативная	+	(де)лимитативная
<i>vivir</i> «жить»	непредельная	1. (де)лимитативная 2. ингрессивная	+	(де)лимитативная
<i>buscar</i> «искать»	непредельная	1. (де)лимитативная 2. ингрессивная	+	(де)лимитативная

²² При этом от *ver* «видеть» (равно как и от *mirar* «смотреть») образуется императив.

²³ Знаком «!» отмечены те глаголы, которые обнаруживает сочетаемость не только с глаголом *intentar* «намереваться», но и с наречиями типа 'нарочно'.

4.3. Анализ глаголов, проведенный по методике определения акциональности С.Г. Татевосова (см. [Татевосов 2005; Лютикова и др. 2006]), не дает полностью удовлетворительных результатов, поскольку не позволяет различить два неидентичных, по моему мнению, акциональных класса глаголов: агентивный ингрессив и (двухкомпонентный) моментативно-агентивный (см. *Таблицу 2*).

Представляется, что эти два набора акциональных значений имеют существенные различия и обладающие ими глагольные лексемы могут быть разграничены на основании специального теста. Дело в том, что глаголы двухкомпонентного акционального класса (моментатив + агентив, т.е. моментативно-агентивного, и моментатив + статив, т.е. моментативно-стативного) демонстрируют отличное от ингрессивов поведение в рамках теста, призванного выявить способность/неспособность глагола обозначать однократный непрерывный процесс, лежащий в двух смежных временных планах, ср.: *ha pensado y sigue pensando* «[он/она] подумал(а) и продолжает думать» (моментатив + агентив / статив)²⁴.

В отличие от терминативов, соотнесенных с правым пределом, подобные глаголы допускают употребления такого рода (ср. невозможность: **ha construido la casa y sigue construyendola* «[он/она] построил(а) дом и продолжает его строить»). В отличие же от ингрессивов, мгновенное «проявление» действия (*ha pensado* «подумал(а)») не влчает за собой непосредственного и обязательного его развертывания в виде процесса или состояния (*sigue pensando* «продолжает думать»), т.е. здесь отсутствует неразрывная связь возникновения действия (состояния) и его последующего развития (наличия), что является типичным для ингрессивной акциональности, ср.: *de pronto calló y seguía callando* «[он/она] вдруг замолчал(а) и продолжал(а) молчать» и *de pronto pensó y seguía pensando* «[он/она] вдруг подумал(а) и продолжал(а) думать».

Таблица 2

Акциональная характеристика десяти анализируемых глаголов

	<i>Глагольная лексема</i>	<i>Акциональная характеристика (по номенклатуре С.Г. Татевосова)</i>	<i>Акциональная характеристика (по авторской номенклатуре)</i>
1	<i>hablar</i> «говорить»	<EP, P; P> ингрессивно-непредельный	агентивный ингрессив
2	<i>esperar</i> «ждать»	<EP, P; P> ингрессивно-непредельный	агентивный ингрессив
3	<i>hacer</i> «делать»	<ES, P; P> слабый предельный	терминатив
4	<i>mirar</i> «смотреть»	<EP, P; P> ингрессивно-непредельный	моментативно-агентивный
5	<i>trabajar</i> «работать»	<EP, P; P> ингрессивно-непредельный	агентивный ингрессив
6	<i>pensar</i> «думать»	<EP, P; P> ингрессивно-непредельный	моментативно-агентивный
7	<i>ver</i> «видеть»	<EP, P; P> ингрессивно-непредельный	моментативно-агентивный
8	<i>dar</i> «дать»	<ES, P; P> слабый предельный	терминатив
9	<i>vivir</i> «жить»	<EP, P; P> ингрессивно-непредельный	агентивный ингрессив
10	<i>buscar</i> «искать»	<EP, P; P> ингрессивно-непредельный	агентивный ингрессив

²⁴ Это выделенные Ю.С. Масловым в знаменитой статье 1948 г. (на русском материале) по остаточному принципу глаголы «"непосредственного, непрерывного эффекта", т.е. такие действия, которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего протекания, не могут мыслиться как оставшиеся "неэффективными", "безуспешными"» [Маслов 1948; 2004: 86]. Особый характер видового противопоставления в подобных парах отмечается и в [Гловинская 1982], причем подчеркивается периферийность этой группы глаголов. Видовое противопоставление между формами НСВ и СВ для таких глаголов описывается как «НСВ – 'действовать' или 'быть в состоянии', а СВ – 'начать действовать, действовать в течение какого-то времени и перестать действовать' или 'начать быть в каком-то состоянии, быть в нем в течении какого-то времени и перестать быть'» [Гловинская 1982: 97]. Подробнее см. в [Горбова 1996: 61–62].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян (ред.) 2006 – Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.
- Бондарко 2006 – A.B. Бондарко. Содержание и типы аспектуальных отношений // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2006.
- Брой 1997 – B. Брой. Семантика глагольного вида как отвлечение от предельных свойств лексем (иерархическая модель компонентов) // Семантика и структура славянского вида. Kraków, 1997.
- Булыгина, Шмелев 1997 – T.B. Булыгина, A.D. Шмелев. Языковая актуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Гловинская 1982 – M.Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Горбова 1996 – E.B. Горбова. Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996 (<http://www.genling.nw.ru/person/Gorbova.htm>)
- Горбова 2002 – E.B. Горбова. Оппозиция имперфект / аорист в испанском языке // Материалы XXXI Всероссийской научно-методич. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 22. Секция общего языкознания. Ч. 1. СПб., 2002.
- Горбова 2003 – E.B. Горбова. Анализ пересечения оппозиций имперфект / аорист и перфект / неперфект в испанском языке (на материале лингвистического эксперимента) // Мат-лы XXXII Междунар. филол. конф. Вып. 24. Общее языкознание. Ч. 1. СПб., 2003.
- Горбова 2004 – E.B. Горбова. Прогрессивные формы перфекта испанского глагола (на материале лингвистического эксперимента) // Мат-лы XXXIII Междунар. филол. конф. Общее языкознание. СПб., 2004.
- Иорданская, Мельчук 2007 – И.Н. Иорданская, И.А. Мельчук. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Касевич 1988 – B.Б. Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988.
- Касевич 2006 – B.Б. Касевич. Труды по языкознанию. СПб., 2006.
- Лютикова, Татевосов и др. 2006 – E.A. Лютикова, С.Г. Татевосов, М.Ю. Иванов, А.Г. Пазельская, А.Б. Шлунинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.
- Маслов 1984 – Ю.С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
- Маслов 2004 – Ю.С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. Языки славянской культуры. М., 2004.
- Недялков 1986 – B.P. Недялков. Основные типы начинательных глаголов: инхоативы, ингрессивы, инцептивы // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1986.
- Плунгян 1998 – B.A. Плунгян. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Плунгян 2000 – B.A. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.
- Правдзивый 1974 – A.A. Правдзивый. Видовая актуализация настоящего и прошедших времен глагола в испанском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Татевосов 2005 – С.Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // ВЯ. 2005. № 1.
- Фирсова 1984 – И.М. Фирсова. Грамматическая стилистика современного испанского языка. М., 1984.
- Bertinetto, Delfitto 2000 – P.M. Bertinetto, D. Delfitto. Aspect vs. actionality: Why should they be kept apart // Dahl (ed.) 2000.
- Bertinetto 2000 – P.M. Bertinetto. The progressive in Romance as compared with English // Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology / Ed. by Ö. Dahl. Berlin, 2000.
- Chung, Timberlake 1985 – S. Chung, A. Timberlake. Tense, aspect and mood // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. V. 1. Cambridge, 1985.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Delibes 1979 – M. Delibes. Cinco horas con Mario. Moscú, 1979.
- De Miguel 1999 – E. de Miguel. El aspecto léxico // I. Bosque, V. Demonte (eds.). Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 1999. V. 2.

- Dowty 1979 – D.R. Dowty. Word meaning and Montague grammar. The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht, 1979.
- García Fernández 1999 – L. García Fernández. Sobre la naturaleza de la oposición entre pretérito imperfecto y pretérito perfecto simple // LEA. XXI. № 2. 1999.
- Guzmán Tirado, Herrador del Pino 2000 – R. Guzmán Tirado, M. Herrador del Pino. Investigaciones de gramática funcional: la aspectualidad en ruso y español. Granada, 2000.
- Márquez I 1980 – G.G. Márquez. Cien años de soledad. Moscú, 1980.
- Márquez II 1982 – G.G. Márquez. La increíble y triste historia de la cándida Eréndira y de su abuela desalmada. Bogotá, 1982.
- Nowikow 2003 – W. Nowikow. Sobre las propiedades temporales y aspectuales: el pretérito en la construcción *estar* + gerundio // Studia Romanica Posnaniensia. V. 29. Poznań, 2003.
- Yllera 1999 – A. Yllera. Las perifrasis verbales de gerundio y participio // I. Bosque, V. Demonte (eds.). Gramática descriptiva de la lengua española. V. 2. Madrid, 1999.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В СТАТЬЕ

NONPROG.AOR.	Непрогрессивный Аорист
PROG.AOR.	Прогрессивный Аорист
NONPROG. PRF.	Непрогрессивный Перфект
PROG. PRF.	Прогрессивный Перфект
NONPROG.PRES.	Непрогрессивный Презенс
PROG.PRES.	Прогрессивный Презенс
NONPROG.IMPF.	Непрогрессивный Имперфект
PROG.IMPF.	Прогрессивный Имперфект
NONPROG.PLQPRF.	Непрогрессивный Плюсквамперфект
PROG.PLQPRF.	Прогрессивный Плюсквамперфект
NONPROG.FUT.	Непрогрессивный Футурум
PROG.FUT.	Прогрессивный Футурум
IMP.	Императив
INF.	Инфинитив
CB	Совершенный вид
HCB	Несовершенный вид

© 2009 г. В.А. ЛИВШИЦ

НЕСКОЛЬКО ИРАНИЗМОВ В РУССКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕКСИКЕ

В статье на основе этимологического анализа рассматриваются некоторые русские и древнерусские слова, восходящие к иранским.

1. Согдийское *čak* «платежный документ», персидское *čak*, арабское *ṣakk* – русское *чек*. Документ А-13 из раскопок крепости на горе Муг гласит:

(1) čan pančēkanθič vānkirām ati (2) čan nāf ku tarxān ati Vayē(3)farnu rti čānaku ḫan patzank
 (4)pačwazθ rti θvārēθ čan əvdami (5)šmārē awēn čaku itku parəsarðik (6)sat ati pančās ḫaxmi
 rti tēd (7) patzank patsaxw dārēθ awē (8) pančē xuvu Dēwāštīč čətfartās (9) sard āz māxē
 Xurēžanič rti (10) tavd ḫan ȳarē mižē rti (11) pərahšt ... (лакуна) par ... (лакуна) framān
 «(1) От пенджикентского советника и (2) от (пенджикентской) обчины (или «от пенджикентского народа») тархāну и Вагē(3)фарну. И когда (это) извещение (4) получите
 (букв.: «и когда с (этим) извещением встретитесь»), выдайте от седьмого (5) числа (месяца Хурёжанич?) по этому платежному документу (*čaki*, винительный падеж от *čak*)
 из (суммы) годичной (пошлины за пользование) мостом (букв. «годичная мостовая»)
 (6) 150 драхм и это (7) извещение храните (в качестве) оправдательного документа
 (букв. «ответа»). (8) [Правления] государя Панча Дēвāštīcha было четырнадцать(9)лет (=716/717 гг.), месяц Хурёжанич (второй месяц согдийского года). И (10)
 запечатано (это письмо) глиняной печатью (буллой) и (11) написал ... по приказу ...».

Мост, упоминаемый в этом документе, был, очевидно, переправой через р. Зеравшан. Опоры средневекового моста археологи нашли в 10 км к востоку от Пенджикента (сообщил В.Г. Шкода), там же находится и современный мост. Возможно, что мост здесь существовал и в первой половине VIII в. – время, к которому относится документ А-13. Менее вероятно, что речь идет о переправе через Зеравшан на бурдюках – кожаных мешках (*ēža*, ср. персидское *ēz̄ūnj*, *ēz̄ūnj*) [см. словарь Мухаммада Хусайна б. Халаф Табризий (XVII в.) «Бурхān-i қat'ī», изд. Мухаммада Са'йдī-пур. Техран (без даты), т. I: 129], упоминаемых в мугском хозяйственном документе Б-1 [СДГМ III: 43–47].

Согдийское *č'k* (*čak*) «платежный документ», впервые засвидетельствованное в цитированном тексте, подтверждает предположение английского ираниста Д.Н. МакКензи о том, что хорезмийское *čikk* (*ck*) «документ о разводе», среднеперсидское и новоперсидское *čak* «письменный акт, свидетельство, договор; хозяйственная запись, денежный документ, чек»¹, арабское *ṣakk* «акт, документ, расписка, чек», представляют собой адаптации китайского *ts'ə* (среднекитайское *tshak*) «табличка для письма, договор, список» [MacKenzie 1990: 90, 109]. Посредником между китайским и иранским языками было, несомненно, согдийское *čak* – слово, не замеченное МакКензи. Русское *чек* через посредство английского *check*, *cheque*, в свою очередь заимствованного из арабского *ṣakk* или персидского *čak*, также в конечном счете восходит к китайскому *tshak*. Такова эстафета этого слова (иначе у Фасмера [ЭСРЯ, IV: 324]).

¹ Среднеперсидское *čak*, например, в хозяйственном документе № 25 из коллекции Университета Беркли (документы VII в.): «накладная (*čak*) запечатана печатью са' юдъ остандара, свидетеля» (pad gugāy-muhr i östāndār), см. [Gignoux 2004: 41].

2. Из персидского через несколько промежуточных передач происходят русские *кúртка*, *кúрта*, украинские *кúртка*, *кúрта* «куртка, рубаха». В согдийском это слово засвидетельствовано в формах *kwrδk*, *qwrθy* (/kurgē или kurgē/) «рубаха, туника», ср. авестийское *karət* – «шить» (Awb. Sp. 452–453), *'karəta* – вид одежды (Awb. Sp. 454), ягнобские (ягнобский язык – потомок одного из согдийских диалектов) *kúrta*, *kúrsa* «мужская и женская рубаха», персидское, таджикское *kurtá* «рубаха», осетинско-иранское *kōyrät*, дигорское *kurät* «бешмет» [ИЭСОЯ, I: 609–610]. Турецкое *kurtäk* «кафтан», согласно В.В. Радлову [Радлов 1893–1911, 2: 1205, 1461], заимствовано из русского. В тюркских языках к этому гнезду относятся также *körtö* «стеганый женский халат», *kürta* «короткое платье». В пользу иранского происхождения слова свидетельствует как будто глосса у Гезихия (V в.), в которой греческое *κύρτον* объясняется как «парфянская одежда, получаемая юношами, достигшими совершеннолетия». В.И. Абаев считал, что осетинское *kurät* некогда обозначало короткий, выше колен, кафтан, который был характерен для одежды скифов [ИЭСОЯ, I: 610].

В русском языке *кúртка* заимствовано из персидского *kurtá*, с суффиксальным дополнением. Вопреки предложению Фасмера [ЭСРЯ, II: 429–430], *кúртка* не связано с латинским *cirtus* «короткий».

3. Русское *фарфóр*, украинское *фарфúр*, польское *farfura* справедливо считается фонетической и семантической адаптацией персидского *faŷfir* (заимствовано и в арабский). Это слово в средневековых толковых словарях персидского языка (фархангах) приводится со значением «титул китайского императора; титул парфянских царей из династии Ашканидов (= Аршакидов) [Мухаммад Хусайн б. Халаф Табризий (XVII в.) «Бурхān-и қat‘ī ‘ī», изд. Мухаммада Са‘īdī-pūra. Техран (без даты), т. II: 194]. В персидско-русском словаре М.А. Гаффарова [Гаффаров 1976, 2: 611] *faŷfir* переводится как «название той области в Китае, где делается лучший фарфор; фарфор, богдан, китайский император». Такое толкование повторяется в «Персидско-русском словаре» Ю.А. Рубинчика [Рубинчик 1970, II: 240]². В «Фарханги забони точикӣ», содержащем лексику персидско-таджикской литературы периода X – начала XX вв., *фагфур* объясняется как «титул китайского императора; фарфор; изделия из фарфора»³. В персидском и таджикском языках фарфор обозначается также словом *čīpī*, букв. «китайский» (также в турецком и чагатайском).

Персидское *faŷfir* – адаптация согдийского *βyr'wr*, *βyrwr* (/vaxyrūr/) с ассимиляцией *v* – *p* > *f* – *f*. Согдийское *vaxyrūr* было рано заимствовано из парфянского *bauxihr* (парфянско-манихейское *bgrwhr*) [Boyce 1977: 27; Durkin-Meisterernst 2004: 107], продолжающего древнеиранское **bagariθra-*. В парфянских манихейских текстах это слово употреблялось как обозначение Иисуса, в форме множественного числа (*bauxihrān*) – обозначение божеств и ангелов.

Согдийское *vaxyrūr* «сын бога» служило эквивалентом китайского *tien-tsi* «сын неба > император» и древнеиндийского *devaputra-*.

Собственно согдийские формы – *βyrδry*, *βyrδuu* (/vaxyrəšē/) – также в значении «сын бога». Ср. согдийское *βyrwrsny* (/Vaxyrstanēl/) «в Китае», букв. «в стране Vaxyrūg'a» в колофонах согдийско-буддийского текста P8 (строка 166).

4. Русское *стакан*, древнерусское *достакан* Фасмер объяснял как производное от *дъска «доска», но отмечал, что древнерусское слово может быть заимствованным из тюркского, ср. чагатайское *tostakan* «деревянная мисочка», казахское *tustaⱡan* «стакан, плошка, черпак» [ЭСРЯ, III: 743; Радлов 1893–1911, 3: 1211, 1501]. Можно предполо-

² Сходно у Фасмера [ЭСРЯ, т. IV: 186]: «Через турецкое *farfur*, *faŷfir* – то же из перс.-араб. *faŷfir* “титул китайского императора; название области в Китае; фарфор из этой области”».

³ Ср. в «Шахнаме» Фирдоуси: *faŷfir* «титул китайского царя; имя (или титул?) сына тюркского хакана». См. [Wolff 1965: 617].

жить, что тюркское *tostakān* заимствовано из хорезмийского *tastakan «чаша, чашка» через половецкое (кыпчакское) посредство. Хорезмийское *tašt* (*tšt*) засвидетельствовано в надписи на серебряной чаше, найденной в 1989 г. в ходе раскопок Исаковского могильника № 1 (вблизи Омска). По палеографическим данным надпись можно датировать III–II вв. до н. э. [Лившиц 2002]. Текст надписи (прописными буквами транслируются арамейские идеограммы): *tšt ZNH wtykny MN brz'wny thmkn W KN 'HRY MR'Y MLK' 'mwrzm BR MLK' wrdn mz'd'hy 'BDw QPD(?) CYN III prwrtyn* «Эта праздничная чаша – (дар) от Барзавана, сына Тахумака. И вот теперь: его величеству государю царю Амурзаму, сыну царя Вардана, (эта чаша) изготовлена в дар ..., третьего (числа) месяца Фравартин».

Парфянское *tašt* представлено в краткой надписи на серебряной чаше, найденной в 1911 г. в курганном погребении у деревни Прохоровка Оренбургской губернии: *tšty 'trwmtr [/tašt(i) Ātarmihr]* «Чаша (принадлежит) Атармихру» [Коковцов 1918: 82–83; Лившиц 2001; Лившиц, Зуев 2004]. Хорезмийское, парфянское и среднеперсидское *tašt* продолжает древнеиранское **tašta-*, авестийское *tašta-* (AwB. Sp. 646) «чашка, чаша», букв. «вырезанное», от глагола *taš* – «тесать, вырезать» (древнеиндийское *takṣ-*, *tāṣṭi*, *taṣṭāḥ*), среднеперсидское *tašidan*, ср. латинское *testa* «терракота, глиняный сосуд, чепок», русское *тесать*, греческое *téktōn*, хотанское *ttäṣ-*, персидское *taš*, *tēša* «топор, теша», русское *mēc* (DKhS: 129–130). Из среднеперсидского *tašt*, *taštak* «чаша» заимствованы армянские *tašt*, *taštak* «чаша» [H. Hübschmann 1995: 251–252], грузинское *t'ast'i* «чаша» – из армянского. В парфянских манихейских текстах имеются формы *tašt*, *taštak* «чаша, кубок» [Boyce 1977: 86], с неожиданным для парфянского *st-* из *-*št-*. В современном персидском *täšt* имеет значение «широкое блюдо, корыто», отсюда арабские *tast*, *tišt* «корыто, таз». Из арабского *tast* было заимствовано в турецкий, из турецкого – в европейские языки: итальянское *tazza*, французское *tasse*, немецкое *Tasse*, русское *таз* [ЭСРЯ, IV: 10]⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаффаров 1976 – М.А. Гаффаров. Персидско-русский словарь. I–II. М., 1976.
- Коковцов 1918 – П.К. Коковцов. О надписях на серебряных блюдах // М.И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Петроград, 1918 (МАР № 37).
- Лившиц 2001 – В.А. Лившиц. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен. Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2001.
- Лившиц 2002 – В.А. Лившиц. Три серебряные чаши из Исаковского могильника // ВДИ. № 2. 2002.
- Лившиц, Зуев 2004 – В.А. Лившиц, В.Ю. Зуев. О датировке парфянских надписей на фиалах из кургана 1 у деревни Прохоровка // ВДИ. № 2. 2004.
- Радлов 1893–1911 – В.В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 1–4. СПб., 1893–1911.
- Рубинчик 1970 – Ю.А. Рубинчик. Персидско-русский словарь. I–II. М., 1970.
- Boyce 1977 – M. Boyce. A word-list of Manichaean Middle Persian and Parthian. Téhéran; Liège, 1977.
- Durkin-Meisterernst 2004 – D. Durkin-Meisterernst. Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian (Corpus Fontum Manichaeorum. Dictionary of Manichaean texts. V. III. Texts from Central Asia and China. Pt. 1). Turnout, 2004.
- Hübschmann 1995 – H. Hübschmann. Armenische Grammatik. Leipzig, 1995.
- Gignoux 2004 – Ph. Gignoux. Aspects administratifs et sociaux en Iran du 7-ème siècle // Res Orientales. Paris, 2004.
- MacKenzie 1990 – D.N. MacKenzie. The Khwarezmian element in the *Qunyat al Munja* / Arabic text transl. by Hasan Amaral, D.N. MacKenzie. London, 1990.
- Wolff 1965 – F. Wolff. Glossar zu Firdosis Schahname. Hildesheim, 1965.

⁴ Ср. [Радлов 1893–1911, III: 1211; ЭСРЯ, III: 74].

СОКРАЩЕНИЯ

ВДИ – Вестник древней истории

ИЭСОЯ – *В.И. Абаев*. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I–V. М.; Л., 1958–1995.

МАР – Материалы по археологии России. СПб., Петроград

СДГМ III – Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. Хозяйственные документы / Чтенис, пер. и comment. М.Н. Боголюбова, О.И. Смирновой. М., 1963.

ЭСРЯ – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. I–IV. М., 1964–1973.

AWb. – *CHr. Bartholomae*. Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränderte Auflage. Berlin, 1961.

DKhS – *H.W. Bailey*. Dictionary of Khotan Saka. Cambridge, 1979.

© 2009 г. М.В. ВСЕВОЛОДОВА

ПОЛЯ, КАТЕГОРИИ И КОНЦЕПТЫ В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

В статье рассматривается вопрос о разграничении понятий и терминов «поле» и «категория» (в частности, функционально-семантическое поле – ФСП и функционально-семантическая категория – ФСК). Рассматриваются категориальные ситуации в концепции А.В. Бондарко и типовые ситуации в лингводидактической модели языка. Предлагается вариант матрицы общеязыковых концептов как основы структурирования семантического (содержательного) уровня языка и показывается наличие полей других уровней.

К постановке вопроса. Лингвистика – наука гуманитарная, но точная: язык не может быть беспорядочным скоплением единиц и множеств, иначе он не был бы столь совершенен. Вопрос о его структуре и структурах периодически возникает. Здесь мы ставим вопрос о разграничении понятий «поле» и «категория» и о возможных «рангах» полей и категорий как структурообразующих единиц языка.

Понятие функционально-семантического поля (ФСП) как национально детерминированной реализации семантических категорий (СК) [Бондарко 1967; 1969; 1971а и др.] прочно вошло в лингвистику. Говоря о СК, обычно оговаривают, что у И.И. Мещанинова (Брюно, Есперсена) здесь употребляется термин «логические» или «понятийные категории». Думается, что термин «логические» или «понятийные категории» рационально относить к категориям Языка, а их реализацию в каждом языке вслед за А.В. Бондарко именовать категориями семантическими. Далее мы эти термины используем именно так.

Мы согласны с мнением А.В. Бондарко об относительности «рангов» СК. «Инвариантность ряда семантических категорий не абсолютна, а относительна. Некоторые категории, несмотря на высокую степень их обобщенности, все же могут быть подведены под более общее понятие. Так, аспектуальность вместе с временной локализованностью и таксисом образует тот комплекс семантических категорий, которые представляют собой различные стороны более общего (максимально широкого) понятия времени» [Теория 1: 29]. Это хорошо объясняет и разрабатываемую в последнее время теорию концептов [Кубрякова и др. 1996]. Мы имеем в виду концепт не как понятие одного слова, а как категорию наиболее высокого в смысловой организации Языка ранга. Соотнесенность этих понятий в системе Языка представляется нам требующей внимания и обсуждения¹.

Понятие ФСП оказалось очень продуктивным и в прикладной, функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка [Амиантова и др. 2001], сформировавшейся как осмысление описания русского языка в целях его преподавания инофонам, теоретически подтвердив правомерность уже давно к тому времени используемой в практике преподавания подачи языкового материала «от смысла», когда в рамках одного урока даются средства разных уровней: от морфемы до сложного предложения, – выражающие однотипные смыслы.

¹ Автор признателен Е.В. Клобукову за конструктивные замечания, сделанные в ходе работы над статьей.

Примечание. Под моделью языка мы понимаем (в отличие от содержания этого термина у И.А. Мельчука [Мельчук 1995]) сформировавшееся у исследователя в ходе решения им его практических задач представление о языке как некоторой целостности. При таком подходе для Г.А. Золотовой, создающей эффективный инструмент анализа языка художественных произведений, для А.В. Бондарко как собственно теоретика, интересующегося общей структурой языка, и для преподавателей-практиков, обучающих инофонов продуцированию и восприятию русской речи адекватно условиям общения, – концепции функциональной грамматики различны. В отличие от всех других моделей, мы не можем ограничиться фиксацией языкового факта (например, конкуренции видов в общефактическом и перфектном значениях), а должны дать правила выбора конкретной грамматической единицы (словоформы, модели, порядка слов, интонации) в конкретном дискурсе с учетом всех связей и условий дополнительной дистрибуции, то есть, показать, почему в предложениях *Конференцию открывал / открыл ректор МГУ*; *Этот дворец строил / построил Растрелли* конкуренция видов возможна, а в предложениях: *Америку открыл Колумб; Периодическую систему создал Менделеев*; – обязаны СВ. Сейчас мы этого не знаем. Наша модель как модель открытого типа использует положения и коллег «функционалистов», и представителей других направлений лингвистической парадигмы, если эти положения имеют для нас объяснительную силу. «Модель не может быть неправильной, она может быть другой», – справедливо отмечалось в литературе. В силу признания единства и многофакторности Языка мы рассматриваем результаты каждой модели языка как свою «правду» на пути к истине.

Описание категорий времени, пространства, причины, состояния в прикладных целях² выявило ряд особенностей в структуре и типах ФСП, релевантных для характеристики ФСП в рамках нашей модели языка. Сопоставив их с уже имеющимися описаниями ФСП, мы предлагаем корректировки, в том числе и к нашим положениям, высказанным, например, в [Всеволодова 2000].

Интерес к типологии, структуре и принципам классификации ФСП закономерен [Клобуков 1998; 2000а; 2000б; 2001] и др. Основу для дальнейших изысканий здесь составляет фундаментальная коллективная монография под редакцией А.В. Бондарко «Теория функциональной грамматики», в частности, введение в [Теория 1: 5–39], как и введение в [Проблемы 2005]. «Разработка теоретических оснований функциональной грамматики, – пишет А.В. Бондарко, – имеет поисковый характер. Предлагаемое истолкование принципов грамматического описания и системы исходных понятий представляет собой концепцию, рассчитанную на уточнение и развитие в ходе последующих исследований функциональной ориентации» [Теория 1: 38]. С этих позиций мы обсудим вопросы: 1. Структура поля и структура категории. 2. Типовая и категориальная ситуации как составляющие ФСП и ФСК. 3. Принципы классификации ФСП. 4. Другие возможные типы функциональных полей.

1. СТРУКТУРА ПОЛЯ И СТРУКТУРА КАТЕГОРИИ

1.1. Определение ФСП как семантических категорий, рассматриваемых «вместе с комплексом разноуровневых средств их выражения в данном языке» [Теория 1: 31] принципиально: оно представляет органическое для языка единство двух, казалось бы, взаимоисключающих структур – поля и категории³. И поскольку основу формирования ФСП составляет содержательный аспект, выделение этого аспекта именно как категории, то есть, системы оппозиций важно: это, думается, обусловлено спецификой человеческого разума, который для объективации наблюдаемых явлений должен их как-то организовать, категоризовать. И понятие микрополя (МП), используемое в

² [Всеволодова 1975; Всеволодова, Владимирский 2008; Всеволодова, Ященко 2008; Всеволодова, Го Шуфень 1999; Котвицкая 1990; Лебедева 2005; Жданова 1998; Панков 2008] и др.

³ Мы встречались с двумя мнениями: 1) исследователь должен придерживаться какой-либо одной концепции: либо поле, либо категория; совмещать их нельзя, это просто разные подходы к языку; 2) термины «поле» и «категория» суть синонимы, принципиальных различий между ними нет. Очевидно, что мы не согласны ни с одной из этих теорий.

Теории функциональной грамматики (ТФГ), идеально для характеристики составляющих СК субкатегорий – противочленов оппозиций разных рангов. Поле же – общая для мироздания структура (ср. гравитационное, электрическое поле). Именно поэтому начнем с разграничения понятий поля и категории, в том числе, ФСП и ФСК, в [Всеволодова 2000: 76–77] не разграничиваемых, хотя они предполагают принципиально разные типы структур.

1.2. Поле в его традиционном представлении это континуальное сферическое образование с центром (ядром), где его характеристики представлены наиболее однозначно (сейчас это морфологическая доминанта – форманты, маркирующие значения данной категории), и ослабевающими к периферии зонами: приядерной, ближайшей периферийной, отдаленной, более отдаленной периферийной и т.д. (см. также [Проблемы 2005]).

Наличие в составе поля семантических МП – структур оппозитивных, не связано, как представляется, с наличием зон: «зональность» формируется за счет степени маркированности языковых средств – от специальных до вообще не маркированных в этом отношении единиц. Но само наличие МП разного уровня – принципиальная характеристика семантической категории. И уже в этом – органическое единство поля и категории.

Поле не имеет четко выраженных границ и пересекается с другими полями [Бондарко 1983; Гулыга, Шендельс 1969; Дешериева 1975]. Материал показал, что пересекаются не поля вообще, а формирующие их категории (см. ниже) – таков механизм пересечения. Осложненные значения (пересечение с другими категориями) традиционно считаются признаком периферийности. Но «скромность» оппозиций и осложненность, например, значения времени значениями локативности, каузальности и под., не налагаются друг на друга, что очень четко проявилось в категориях именной темпоральности и именной локативности (выражение времени и пространства формами существительных) [Всеволодова 1975; 1983; 2000; 2005а; 2005б; Всеволодова, Владимирский 2008] и др. категориях. Пересечение полей происходит в центре и не затрагивает периферию категории. Пересечения нескольких полей тоже образуют свое поле с «минусовым» центром, где все характеристики этих полей выражены минимально [Туманова 1985].

1.3. Что касается категорий, то к настоящему времени лингвистика оперирует двумя типами представления структуры категории: 1) категории, формируемые по принципу дихотомических оппозиций; их графическое представление реализуется обычно в так называемом дереве оппозиций, или дендрограмме; 2) категории, формируемые на основе двух множеств признаков, наличие и совмещение которых в каждом классе языковых единиц данной категории может быть представлено в виде матрицы (таблицы). Дихотомия реализуется как многоступенчатое разбиение на два и только на два противоположных множества на основе принятых в математической логике правил разбиения множества на подмножества с формулированием основания сравнения и дифференциальных признаков получаемых подмножеств [Трубецкой 1961; Ломтев 1973]. Дихотомия исключает ошибку непропорционального деления типа «Люди делятся на мужчин, женщин и блондинов» [Маркус 1963]. Оппозиции по степени маркированности признака бывают эквиполентными, привативными и градуальными (с последними мы в лингвистической практике, правда, не встретились), а по степени регулярности проявления – пропорциональными (есть в разных ветвях дерева оппозиций) и изолированными (не повторяющимися) [Маркус 1963]. Пропорциональные оппозиции характеризуют грамматические категории, изолированные – лексические. Опыт показал высокую релевантность этих признаков.

1.4.1. Принципиальные различия в структуре полей и категорий не означают их несовместимости. Полевую структуру имеют как логические категории в Языке [Бондарко 1971б; Плунгян 2003], с центром, имеющим доминантные граммы, например, артикли для выражения определенности / неопределенности субстантивов в артиклевых языках, и периферию – набор разных немаркированных средств для выполнения

той же функции в славянских языках, хотя сама категория неопределенности у славян, несомненно, на порядок разработаннее и сложнее артикльевой маркировки субстантивов; так и СК в каждом языке: ядро с большим количеством оппозиций и периферийная ветвь дерева с нейтрализованными оппозициями и скромным набором средств выражения. Ср. одну из характеристик центра ФСП в [Проблемы 2005: 18]: «сосредоточение связей, участие в максимальном числе оппозиций»; (пример центра и периферийных зон оппозитивной системы дан ниже).

1.4.2. Зоны пересечения есть и между категориями одного ФСП, например, между категориями именной и наречной темпоральности (ИТ и НТ) [Всеволодова 2005в; Панков 2008]. Так, значение прямого повторяющегося времени, неполностью занятого действием, представлено оппозицией: «формы, не маркированные относительно степени регулярности» *по средам*, *по праздникам* (ср. *иногда / всегда по средам*), vs. «маркированные по степени регулярности» с оппозицией следующего ранга: «время, маркированное как нерегулярное»: *порой, временами, по временам, время от времени* vs. «время, маркированное как регулярное»: *каждую среду, изо дня в день; раз в день, три раза в год*. Словоформы группы *порой* есть зона пересечения ИТ и НТ. Они, как и наречия, выступают в роли конкретизаторов к немаркованным формам: *Время от времени по средам у нас бывают семинары*.

1.4.3. Кроме того, во-первых, сам центр ФСП, как он сейчас понимается, содержит некоторую оппозицию [Бондарко 1967; 1969; 1983; Гулыга, Шендельс 1969], а во-вторых, континуальность поля формируется как раз оппозициями составляющих его категорий.

1.5.1. Рассмотрим вопрос о взаимоотношении ФСП и ФСК на материале категории Времени в широком смысле слова (см. выше [Теория 1: 29]). Сделаем три оговорки.

1) Представляется, что такая интерпретация категории Времени корректирует более раннюю концепцию А.В. Бондарко, разводившую поле темпоральности (предикативная группировка ФСП) и поле времени (обстоятельственная группировка) [Бондарко 1983] и позволяет рассматривать ФСП Времени как единую структуру (см. [Всеволодова 1983]), хотя в ТФГ ФСП темпоральности представлено как исключительно глагольная категория [Теория 2: 5–58] с одним – глагольным ядром; других ФСП времени в ТФГ нет.

2) Это позволяет рассматривать таксис, длительность, повторяемость как единые категории для всех средств выражения времени (ср. таксис и относительное время в [Теория 2: 13]). Формулировка «признак указания на определенный исходный пункт ориентации (как точку отсчета)» [Теория 2: 7] относится именно к таксису, а не к темпоральности вообще, поскольку она не учитывает такую характеристику времени как протяженность, непосредственно связанную с ФСП количественности, ср.: *работал два года, построит дом за месяц*, где собственно точка отсчета – момент речи (МР) – не участвует в количественной характеристике действия. Ниже термины «таксис», «протяженность» («длительность»), «повторяемость» («кратность») употребляются по отношению к данным смыслам независимо от средств, которыми они выражены (а это и есть характеристика ФСП), – именно эти категории являются основными в определении понятия «Время»: «Ближайшим определением времени являются его определения как длительности процессов и как порядка последовательности явлений» [Аскин 1966] (Выделение наше).

3) Под понятием «временная локализованность» в ТФГ, очевидно, скрываются именные темпоральные группы (именные синтаксемы со значением времени, далее ИТГ) и темпоральные наречия, объединенные в [Теория 2: 53] термином «лексические обстоятельственные конкретизаторы темпоральных отношений – ЛКТ», обслуживающие, в частности, и МП аспектуальности, но формирующие вкупе с другими средствами именно ФСП темпоральности, входящее вместе с ФСП аспектуальности в поле Времени.

1.5.2. Соответственно, при таком понятии времени в это ФСП и в эту СК помимо предложенного А.В. Бондарко перечня собственно глагольных категорий должны

войти и другие языковые средства выражения времени, а также временной лексикон: грамматика живет и работает в лексике и вне лексики не существует. (А.В. Бондарко говорит о «строевых словах», называя (вслед за Л.В. Щербой) *вчера, долго* [Теория 1: 6]; но это полнозначные слова, а строевая лексика – это другое.) Это функционально-семантические классы слов – существительных [Всеволодова 1975] и наречий [Панков 2008], формирующие свои категории в рамках поля; прилагательных типа *завтрашний, долгий* и проч., а также собственно строевая лексика – временные реляторы, обслуживающие и таксис, и длительность, и повторяемость, ср.: *Эти бревна – ровесники Ивана Грозного* (Устн. ТВ, 10.05.07)⁴.

1.5.3. Анализ неглагольных средств выражения времени показал:

1. А.В. Бондарко абсолютно прав в том, что поле Времени включает пересекающиеся субполя темпоральности и аспектуальности. Но это поля принципиально разного характера: отражательное (темпоральность) и интерпретационное (аспектуальность).
2. Поле темпоральности, как показывает наш материал, имеет два основных МП: таксиса и протяженности (длительности) действия, что полностью совпадает с основными характеристиками времени как категории. Несомненно, эти МП есть и в ФСП аспектуальности (в рамках которого хотелось бы иметь не просто список категорий через запятую, а структуру их отношений в данном МП и основания выделения, см. [Трубецкой 1961; Ломтев 1973]). Оппозиции основных МП, общих для ФСП темпоральности и аспектуальности, очевидно, составят собственную категорию, судя по всему, ту самую СК, которая лежит в основе ФСП. Возможно, что МП таксиса и длительности составляют первую оппозицию в рамках поля аспектуальности, а возможно и в рамках поля темпоральности тоже. Уже в каждом из МП – таксиса и длительности – есть оппозиция «единичность» vs. «кратность», привативная в пользу единичности, ср.: *В среду / по средам* у меня семинар; *после обеда гулял час / по часу*. (Ее место в системе покажем ниже.) Важно, что в рамках конкретных категорий эти оппозиции имеют свою структуру [Теория 1: 28 и сл.]. Так, в категории ИТ (где значение длительности формулируется как «время, полностью занятное действием» [Ломтев 1956]) длительность появляется уже внутри таксиса, формируя в рамках как прямого (момент действия в границах временного ориентира – *летом : все лето*), так и относительного времени (момент действия вне временного ориентира – *к лету : до лета, после лета : с лета, между летом и зимой : с лета до зимы*) привативную в пользу левого противоположную оппозицию, ср.: *летом / все лето жил в деревне; перед обедом / до самого обеда гулял; между обедом и ужином / от обеда до ужина читал*. Если ИТГ со значением времени, полностью занятого действием, образована названиями временных единиц, определенных или неопределенных отрезков времени, налицо собственно категория длительности: *два месяца / долгое время болел*; если ИТГ образована событийными именами [Арутюнова 1976] – пересечение таксиса и длительности: одновременность – *весь урок молчал*; предшествование – *до самого урока читал*; положение между событиями: *со среды по субботу болел*; следование: *с утра дождит*. Длительность есть величина измеряемая [Теория 5: 163], и, значит, здесь пересекаются ФСП темпоральности и количественности. ИТГ типа (*работал*) *два месяца* входят и в ядро поля количественности. Но пересечение этих ФСП появляется раньше: в прямом времени, неполностью занятом действием, есть оппозиция «время, не маркированное по количеству действия» *В мае я ездил в Питер* vs. «время, соотнесенное с количеством действия»

⁴ Понятие «релятора» было выдвинуто Т.П. Ломтевым [Ломтев 1979], а термин принадлежит Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1976]; см. также [Всеволодова 2000; 2005б]. Категория временных реляторов разработана в дипломной работе студентки филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.Н. Дулиной «Простые предложения с времennymi rеляторами», выполненной под руководством автора и защищенной в 2008 г.; далее [Дулина 2008].

За май / За весь май трижды ездил в Питер. (То же в именной локативности: «локум, неполностью занятый предметом или действием» *В городе есть театр* vs. «локум, соотнесенный с количеством предметов / действий» *Во всем городе / На весь город один театр*; ср. неотмеченность **Во всем городе есть театр, *На весь город есть театр.*) А это ядерная часть этих категорий.

3. В категории НТ первая оппозиция – «наличие vs. отсутствие временного ориентира», ср.: *давно, вскоре* : *долго, часто*, что объясняется различием в свойствах имен и наречий: само имя называет ориентир, а его форма – отношение к нему: *урок – на уроке / до урока / после урока*, наречие же называет отношение, а ориентир либо совпадает с МР, либо назван в предтексте. Левый противочлен первой оппозиции в НТ и есть основа таксиса, в рамках которого выявляется оппозиция по характеру временного ориентира: «МР» (субъективный, или некалендаризованный ориентир): *давно, скоро* vs. «некоторое событие» (объективный, или календаризованный): *ранее, поздно, своевременно*. См. формулировку А.В. Бондарко «Момент речи говорящего является основной исходной точкой отсчета временных отношений. Кроме того, в роли исходного пункта временной ориентации может выступать какой-то иной момент» [Теория 2: 7], который и обозначается в тексте. В противочлене «отсутствие временного ориентира» выявляется оппозиция «длительность» *долго, недолго* vs. «кратность» *часто, многократно*, со следующими оппозициями уже внутри каждого значения [Панков 2008].
4. В рамках ИТ кратность имеет «свои» формы только для прямого времени: *в среду / по средам, ночью / ночами*, а в рамках относительного времени подключаются другие категории: вид глагола: *пришел / приходил перед уроком*, лексика типа *всегда, каждый раз*, либо форма числа имени: *перед уроками*. Различия в составе и ранге оппозиций есть и в других фрагментах. Как видим, структура МП различна для ИТ и НТ. Такой категоризации для глагольного времени пока нет. В МП самого таксиса (как категории Времени) первой может быть оппозиция по характеру ориентира – «субъективный» vs. «объективный ориентир». МР может быть показан имплицитно: *Я работаю над докладом*, или дискретно (в терминах [Теория 1: 26]), то есть, наречиями и ИТГ: *Сейчас / В данное время я работаю над докладом*. Это ядерные средства выражения дискретности в категории временной локализованности / нелокализованности действия ФСП аспектуальности.

Примечание. Напомним, что кроме морфологического времени (формы времени глагола в их прямом употреблении), есть еще и синтаксическое время предложения [Ломтев 1973; Дешериева 1975; Всеволодова 2000]. Синтаксическое время предложения может не совпадать с морфологическим временем глагольной словоформы. Оно определяется или лексическими показателями времени либо в самом предложении – в микротексте: *Иду я вчера по улице и вижу.... Через год сын кончает школу, пора думать об университете*; либо в ближайших предшествующих предложениях – в макротексте: *В прошлое воскресенье ездили мы на рыбалку. Подходим к озеру, а там...*; или контекстом: *Ведь тех же носорогов (шерстистых, вымерших вместе с мамонтами. – Авт.) кормила тундровая степь, которая скоро исчезнет* (Знанис-Сила 4/08). При такой маркировке времени действия форма времени глагола не релевантна. Так, после предложений *Прошлым летом я жил в деревне, у меня был свой распорядок*. Возможны все три формы времени и оба вида (кроме форм с будущим): *Я вставал / встал на заре, шел / сходил на озеро, купался / искупался, делал / сделал пробежку и шел / пришел домой; – Встаю / встану на заре, иду / схожу на озеро, купаюсь / искупнусь, делаю / сделаю пробежку и возвращаюсь / вернусь домой*. То же для будущего времени: *Я представляю себе, как это будет: вот я приехал / приезжаю / приеду в Питер, вышел / выхожу / выйду на Невский и пошел / иду / пойду пешком к Исаакию*. Синтаксическое время предложения – понятие более сложное и многофакторное, нежели глагольное время. Оно позволяет различать собственно значение формы времени глагола (прямое употребление) и ее употребление в контексте другого времени (переносное).

5. Основное средство выражения таксиса относительно МР – прямое употребление форм времени глагола, что исключает из этой категории повествование, репродук-

тивный регистр [Золотова 1982] и нарративный режим [Падучева 1996; Формановская 1998]. Материал показывает, что понятия режимов речи, типологии текстов и их регистров очень релевантны для выведения правил употребления форм глагольного времени [Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008], что свидетельствует о многофакторности языка.

Примечание. Так, в нарративном режиме в информативном регистре наличие в предложении наречия *вчера* не позволяет употребить историческое настоящее, ср. в теленовостях: *Вчера Путин встретился с представителями разных российских конфессий* при неотмеченности **Вчера Путин встречается с представителями разных конфессий*; но в коммуникативном (речевом в терминах Е.В. Падучевой) режиме такое употребление абсолютно правомерно: *Встречается вчера Путин с представителями разных конфессий и говорит им...* (Подробнее [Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008]). Эти факторы актуальны и для категории вида, но, судя по всему, пока при анализе этой категории не учитываются, ср. пример узуально-квалитативного значения СВ (в терминах А.В. Бондарко) типа: *Отчего это няня всегда угадает, а вы не умеете* (О. Форш) [Теория 1: 35], возможное только в коммуникативном режиме речи.

В случае соотношения во времени двух самостоятельных действий: *сижу и пишу, встал и вышел* – налицо совмещение таксиса субъективного (форма времени глагола) и объективного (соотношение видовых форм). Эксплицируют отношение к ориентиру в первую очередь наречия типа *вчера*, либо ИТГ типа *в прошлом году, на будущей неделе*.

6. Но если попытаться представить категорию (т. е. дихотомию) самого таксиса, то в рамках объективного (календаризованного) таксиса первой, по всей вероятности, является оппозиция независимого и зависимого таксиса (термины А.В. Бондарко), что связано со способом представления событий, временное соотношение которых устанавливается. При независимом таксисе ориентир формально не маркирован, и два события выступают как равноправные, паритетные компоненты ситуации: *сидел и писал vs. написал и вышел*, но, наверное, и *Мороз и солнце!* (*День чудесный!*) (Пушкин). В зависимом таксисе одно из событий маркировано как ориентир, относительно которого определяется время другого действия. Маркировка события-ориентира переводит его в grammatically подчиненную позицию, например: *писал сидя – написав, вышел*. Так, независимый таксис типа *Допили чай и заговорили о делах* коррелирует с зависимым: деепричастие – *Допив чай, заговорили о делах*; придаточное времени: *Когда допили чай, заговорили о делах* (примеры из [Теория 1: 17]). Впрочем, компоненты таксиса могут меняться местами: *Прежде чем заговорить о делах, допили чай*; или *После того, как допили чай, заговорили о делах*. Думается, этот список дополняют случаи: *После чая заговорили о делах; Перед разговором о делах допили чай*; и: *Разговору о делах предшествовал чаепитие; За чаепитием последовал разговор о делах*, – где таксис выражен глагольными реляторами [Всеволодова 2000: 41]. Содержательный инвариант во всех предложениях один. Значит, ИТГ здесь столь же системы, как и деепричастия и придаточные предложения (см. [Храковский 2005: 69]). Различия между деепричастиям, придаточным времени и ИТГ (обстоятельство времени), связаны с grammaticalической семантикой, различной для этих единиц [Теория 1: 241]. Но grammaticalическая семантика этих средств пока не сформулирована.
7. Таким образом, дискретный ориентир в зависимом календаризованном таксисе системно выражается и категориями ИТ и НТ [Всеволодова 2005б; Панков 2008]. Для этих фрагментов таксиса глагольное время (в отсутствие маркировки типа *в прошлом году, завтра*) не релевантно: *пришел / приходит / придет во время урока / до урока / после урока; сказал / говорит / скажет заранее*. Темпоральные наречия, ИТГ и глагольное время, где-то пересекаясь, системно обслуживают разные участки МП таксиса и длительности.

8. В категории же ИТ первой является оппозиция именно в таксисе – «прямое время» (момент действия и событие-ориентир, названный существительным безотносительно МР, совпадают): *летом отдыхал, в этом году пишу книгу, на той неделе уеду* vs. «относительное время» (не совпадают): *спал до семи, после урока пойду в читальную, между часом и двумя позвоню*; – представленные каждое своей системой оппозиций.

Прямое время (левый ствол дендрограммы), несомненно, центр категории, представлен оппозицией немаркированности / маркированности действия как протяженного. Именно в этом фрагменте «прямое время, неполностью занятное действием», выражаемым такими ИТГ, как *в среду, в мае, летом, на Рождество, по осени* и др., наблюдается разнообразие форм [Всеволодова 1975; 1983]. Во всех других фрагментах системы разнообразия форм и их зависимости от лексики нет.

9. В субполе темпоральности длительность – маркированный компонент оппозиции «действие, не маркированное относительно краткости / длительности» (время, неполностью занятное действием): *в среду / вчера позвонил / гулял в парке* vs. «действие, маркированное как длительное» (время, полностью занятное действием): *два часа / долго звонил / гулял в парке*. Для аспектуальности этот аспект разработан в категории лимитативности [Теория 1: 46–134], и было бы интересно его оппозитивное представление. Длительность в рамках ИТ далее дает оппозицию: «протяженность, оцененная объективно»: *работал два дня, читал весь вечер*; vs. «оцененная субъективно»: 1) «краткая»: *отдохнул неделю, в три года построили город*; vs. 2) «длительная»: *отдыхал целый час, годами работал*.

10. Категория лимитативности субполя аспектуальности очень глубоко пересекается с категорией ИТ именно в рамках значения времени, полностью занятого действием, где выявляется оппозиция «время, не маркированное относительно незавершенности / завершенности»: *Решал задачу два часа; Работал всего неделю* vs. «время, маркированное относительно незавершенности / завершенности действия» со своей оппозицией: «время, маркированное относительно незавершенности действия»: *Решал задачу уже второй час, когда нашел неожиданное решение*; vs. «время, маркированное относительно завершенности действия»: *Решил задачу за два часа*. МП протяженности тоже обслуживается как ИТГ: *работал годами, гулял с трех до пяти*, так и наречиями: *занимался долго / недолго*. Как видим, в ИТ и НТ есть специфические средства, обслуживающие аспектуальность. Именно они трудны для инопрономенов. (Русист-испанец жаловался: он не понимает, что значит *Построил дом за лето*.) Уже в рамках таксиса и протяженности, напомним, появляется привативная в пользу единичности пропорциональная оппозиция единичность vs. повторяемость: *в среду / по средам у меня семинар; перед обедом гулял час / по часу*.

11. И, наконец, на самом конкретном уровне в центре категории ИТ, появляется оппозиция: «неосложненное значение», например: *Во время обеда пришел почтальон; – Во время обеда говорили о делах; Во время урока Петя сидел в саду; – Во время урока Петя отвечал у доски*; vs. «осложненные значения», то есть зоны пересечения с полями локативности, как, например: *За обедом говорили о делах*; но не: **За обедом пришел почтальон; На уроке Петя отвечал у доски*; но не: **На уроке Петя сидел в саду*; каузальности: *По воскресенью народ отдыхает; По осеннему времени легко дышалось*; ситуативности: *В сумерках белело ее платье* (ср.: *Он вернулся уже в сумерки*); *В ночи ярко светились окна домов*. На крайней периферии категории ИТ – в рамках значения «действие / событие, ориентированные относительно двух временных ориентиров» (крайняя правая ветвь дерева) – налицо всего одна оппозиция: «время, неполностью занятное действием» *позвонил между третья и пятью часами* vs. «время, полностью занятное действием» *звонил с трех до пяти*; все остальные значения реализуются контекстуально: *с трех до пяти решал задачу / решил одну задачу*. Эта «тупиковость» и отсутствие осложнений говорят о глубокой периферийности этой «веточки» оппозиций в рамках ИТ. Таким образом, можно сделать три вывода:

Вывод первый: ФСП темпоральности есть СК, сформированная МП, использующими для своего выражения структурно организованные языковые средства разных уровней. Этот вывод включает следующие положения.

1. Семантическая категория темпоральности – это оппозитивная структура, включающая на разных уровнях категории: 1) таксиса, 2) длительности с оппозицией немаркированной / маркированной незавершенности / завершенности действия и 3) повторяемости.

2. Обслуживающие те или иные МП этого ФСП разные языковые средства четко организованы по грамматическим категориям, каждая из которых выполняет свои функции и имеет свою дихотомию. Этот факт подтверждает значимость частичных категорий [Кубрякова 1997], но и не только их. В ФСП темпоральности выступают:

1) **Категория глагольной темпоральности**, обслуживающая – при прямом употреблении форм – субъективный и независимый таксис. Последний глубоко пересекается с аспектуальностью, где тоже действует «единичность» vs. «повторяемость», оказывающаяся «сильнее» видовых «предпочтений» таксиса, ср.: *встал и вышел* и: *вставал и выходил*. Возможен ориентир-деепричастие: *читал, подчеркивая ошибки / читая, подчеркивал ошибки; упал с лестницы, разбил коленку / упал с лестницы, разбив коленку*.

Примечание. Думается, что оппозиция «прямое» vs. «переносное употребление форм времени глагола» – первая в диахотомии каждой из форм времени глагола в категории глагольного времени. Прямое употребление – лингвистическая универсалия, и в самом общем виде в зависимости от степени сложности структуры этой категории в языке употребление этих форм в разных языках совпадает. Переносное употребление всегда национально детерминировано, и поэтому, будучи системным в одном языке, может не иметь соответствующего эквивалента в другом [Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008].

2) **Категория именной темпоральности**, обслуживающая таксис, длительность и кратность. Значение длительности выводит непосредственно на категорию аспектуальности в оппозиции по маркированности незавершенности / завершенности действия. Пересечение ФСП темпоральности и аспектуальности проходит в ядре категории ИТ.

3) **Категория наречной темпоральности**, обслуживающая названные МП и МП темповых характеристик: *быстро / медленно читает – быстро / медленно прочел* [Панков 2005; 2008].

Примечание. Мы до сих пор относимся к наречиям, в частности, темпоральным, как к некоторому набору лексических единиц, не представляющих особого интереса для грамматики. Вместе с тем, отрицательный материал показывает, что для корректного описания правил употребления видо-временных форм глагола релевантными оказываются факторы, в поле нашего внимания не попадавшие. На одном из конгрессов француз-руссист в докладе сказал: *Я как лингвист не раз встречаюсь с этой проблемой*, – где словоформа *не раз* (как и слова *неоднократно, многократно*) для русского языка некорректна, при возможности *часто / регулярно / иногда* встречаюсь. Заметим, что в прош. и буд. времени эти ограничения снимаются: *Я не раз встречался / еще не раз буду встречаться с этой проблемой*. В аспектологии наречия типа *неоднократно* и *часто* даются в одной группе. Очевидно, что рационально разделить наречия со значениями «кратность» (*однократность* vs. *многократность*) vs. «степень регулярности». Не вдаваясь в объяснения, отметим, что для наречий со значением многократности релевантны в этом случае такие факторы, как 1) прямое / переносное употребление формы настоящего времени, ср.: *Уже в 60-е годы прошлого века ученыe не раз встречаются с этой проблемой*; 2) первичность / вторичность текста: в пересказе, изложении содержания, рецензии и под. выражения типа *В монографии мы не раз встречаемся с этой проблемой*; – абсолютно корректны [Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008]. Налицо такие фундаментальные характеристики языка как его многофакторность и взаимодействие средств разных уровней, что и нужно описать в грамматике.

ИТ и НТ локализуют действие во времени, но не как бессистемные лексические группировки, а строгие категории – компоненты поля Времени. ИТГ дает двойную таксисную ориентацию (при прямом употреблении времен глагола): *В следующую среду* [объективный таксис, одновременность] *он будет сдавать экзамен* [субъективный таксис, следование за МР]. Эти «двойные» ориентиры и позволяют выйти на: *В следующую среду он сдает экзамен*.

4) **Категория сложного предложения времени** (СПв), еще не проработанная в плане дихотомической, категориальной устроенности. Систему смыслов СПв нужно соотнести со структурами систем других категорий поля темпоральности. См. [Храковский 2005: 36 и сл.]. В категории СПв есть смысл выделять два класса: 1) временное соотношение двух событий: *Когда начался дождь, мы вернулись домой*; ср. изменение смысла при изменении «придаточности»: *Когда мы вернулись домой, начался дождь*; 2) синтаксически сложные, но семантически простые, «однособытийные» предложения, где компонента времени выведена в логическую пропозицию: *Мы вернулись домой в 9 часов вечера*; – где при изменении придаточности смысл не меняется: *Мы вернулись домой, когда было 9 часов вечера / Когда мы вернулись домой, было 9 часов вечера* [Ю Хе Кён 1996].

5) **Простые предложения с темпоральными реляторами** – глаголами, прилагательными и именами типа: *Конференцию предваряла длительная подготовка; В этом году Рождество приходится на среду; Эта церковь современна Ивану Грозному; Эти постройки, <...>, разновременны; Ломоносов и Лаувазье – современники*. Эта группировка формирует самостоятельную дихотомическую структуру, где первая оппозиция «таксис» *За маев следует июнь*; vs. «длительность»: *Лето там длится всего месяц*. В МП таксиса временной ориентир маркирован зависимой формой имени, пересекаясь с МП повторяемости: *Проливные дожди перемежались / чередовались с необычайно жаркими неделями*. Глаголы типа *длиться, продолжаться, занять, отнять, провести* [где? или как?] (сколько времени) обслуживают МП длительности [Дулина 2008]. Такие средства Г.Д. Фигуровская называет «метаконструкции», включая сюда еще некоторые случаи [Фигуровская 2007], пока как перечисление «через запятую». Возможно, это своя категория, где должны быть и модели, обслуживающие само время *Стояла зима; День клонился к вечеру; Настала весна; Лето прошло*.

3. Соответственно, субполе темпоральности формируют, по крайней мере, пять грамматических категорий. Именно эти категории в рамках ФСП мы предлагаем считать функционально-семантическими категориями (ФСК). Такое терминоупотребление позволяет исключить ненужную синонимию ФСП и ФСК (см., в частности [Бондарко 1976: 52–53; Всеволодова 2000: 76]: каждый из терминов обретает свое содержание.

Примечание. Кстати, именно на такой основе – принадлежности средств к определенным грамматическим разрядам – в [Теория 5] структурируется ФСП количественности [Теория 5: 161].

Выявлены: 1) ФСК именной и наречной локативности, но и СП типа *Деревня, где скучал Онегин, была прелестный уголок* (Пушкин); – тоже ФСК; 2) ФСК именной, наречной и предложенческой каузальности, ср.: *По глупости согласился – С глупу согласился – Согласился, потому что сглутил*. О ФСК русской именной каузальности и ее пересечении с другими ФСК, в частности, состояния / отношения см. [Всеволодова, Котвицкая 1999; Всеволодова 2005в; Лебедева 2005; Крючкова 1979; Ван Янчжен 1999; Всеволодова, Го Шуфень 1999]. В ФСП каузальности тоже есть категория, формируемая реляторами: *Дожди привели к наводнению, Наводнение – следствие дождей* [Беленькая 1994; Всеволодова 2000: 41]. Поскольку ФСК базируется на системе значений, а выражается средствами одного грамматического класса, то, в отличие от ФСП как двуединства СК и средств разных языковых уровней, ФСК есть

двуединство системы значений и одного категориального языкового средства, формирующего эту систему.

Вывод второй. Структура ФСП представлена не только зонами от ядра к периферии, но и секторами, грамматически или лексически (например, НТ, где нет пропорциональных оппозиций) организованными. Это характеризует Язык как систему. В секторе есть центр и периферия. МП тоже имеет доминанту и слабо маркированные периферийные средства. Соотношение МП и его ФСК нужно осмыслить. Но если каждая ФСК имеет свой центр, а в каждом ФСП есть несколько типов языковых средств, каждое из которых образует свою ФСК, очевидно, любое ФСП по определению должно быть полицентрично.

Вывод третий. Пересечение ФСК с другими ФСП и ФСК происходит в ядерной части ФСК как на достаточно высоких рангах разбиения, как например, пересечение ФСК ИТ с количественностью и аспектуальностью; так и на более низких рангах разбиения, как например, пересечение ФСК ИТ с ФСК локативности, каузальности, ситуативности и пр.

Но предварительный вывод таков: в [Теория I: 34–35] утверждается, что грамматические и лексико-грамматические основания ФСП «не сводятся к системам противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями, т. е. не сводятся к грамматическим категориям». На деле грамматические и лексические категории в рамках любого ФСП строго организованы и представлены своими категориальными лексическими, лексико-грамматическими, морфосинтаксическими и синтаксическими системами. Каждая такая ФСК по-своему обслуживает МП внутри ФСП, пересекаясь с другими ФСК. Таким образом, можно говорить:

1) О категориальной структуре и СК, и языковых средств разных уровней, не изоморфных друг другу (это отмечается в [Теория I]), что и оптимизирует решение потребностей говорящего. Отрицание внутренней организации смыслов в рамках ФСК, сформированных единицами одного уровня, означало бы отрицание смысла самой грамматики. Грамматика семантична.

2) О том, что наличие в каждой ФСК центра и периферии обуславливает полицентричность ФСП, в данном случае, ФСП темпоральности. И соответственно, предложенная в качестве центра ФСП темпоральности оппозиция глагольных времен – это лишь один из центров ФСП темпоральности. То же верно для ФСП аспектуальности: сам по себе наш глагольный вид (ГВ), в отличие от глаголов в невидовых языках, не имеет никаких формантов ни для однозначного маркирования самого вида (ср.: *тушить – решить, мокнуть – крикнуть, помалкивать – повышалкивать*), ни для однозначной интерпретации конкретного видового значения вне контекста. А средства контекста не случайны и формируются определенными категориями – ФСК, например: длительности, кратности и под. Как в этом ФСП работают ФСК ИТ и НТ, следует выяснить. Без этого нельзя сформулировать алгоритмы употребления ГВ для инофонов, и, значит, без этого у нас не будет (и пока нет) грамматики ГВ.

Но помимо ФСК – единиц собственно языковых, должны быть и единицы уровня речи. А.В. Бондарко выделяет единицу речевого уровня – категориальную ситуацию (КС). В нашей концепции есть термин «типовая ситуация» (ТС; «типовизированное событие» в [Арутюнова 1976]), соотносимый с содержанием любого предложения, и впервые употребленный в работе 1982 г. [Всеволодова, Владимирский 2008]. Судя по всему, КС и ТС суть принципиально разные вещи. Постараемся разобраться в этих понятиях.

2. ТИПОВАЯ И КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИТУАЦИИ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ФСП И ФСК

2.1. Понятие типовой ситуации.

2.1.1. Мы «вышли» на ТС при описании именно ФСК. В ФСК именной локативности оказалось нужным выделить ТС как спектр случаев употребления ИГ в рамках од-

ного значения. Так, в рамках значения «действие субъекта из пространства с задней стороны локума (пространственный ориентир)» выделяются две группы ТС: 1) динамическое (движение) и 2) статическое действие субъекта. В группе (1) три ТС, когда движется: а) наблюдаемый объект: *Из-за дома выехал пикап*; б) локум-ориентир: *Из-за тучи появилось солнце*; в) наблюдатель: *Из-за леса показалась деревня*. В группе (2) две ТС: а) наблюдения: *Из-за кустов им хорошо была видна площадка*; б) преграды: *Из-за двери доносились голоса*. В русском языке в (2б) локум мешает восприятию изображения или звука. В польском здесь локум – только разделительная граница, и возможны выражения типа *i już zza progu powiedział* (дословно *из-за порога сказал*; ср. русск.: *и уже за порогом сказал*); *uśmiechał się zza okna* (дословно *улыбался из-за окна*; ср. русск.: *улыбался за окном* или *улыбался из окна / в окне*) [Lachur 1999]. Именную каузальность без ТС описать вообще невозможно: каждое значение в оппозиции реализуется здесь как некоторое множество ТС. ТС есть и в других категориях⁵.

2.1.2. Каждое предложение, отображая свою ТС, включает элементы разных ФСП и ФСК: *У Маши мы вчера весь вечер говорили о музыке*; 1) НТ *вчера* и ИТ *весь вечер* (temporальность и аспектуальность), 2) локативность (*у Маши*), 3) делиберативность (*о музыке*). См. также разбор ФСП в предложении *Я хочу домой* в [Теория 1: 30].

2.1.3. ТС – это содержательный инвариант любого предложения независимо от его формального выражения, реализуемый в его денотативной структуре (ДС) [Всеволодова 2000: 199–202]. ТС и ДС формируются предикатом, входящим в один из классов семантических типов предикатов, и актантами и сирконстантами (очень рациональную концепцию классификации которых предложила Т.В. Шмелева [Шмелева 1994])⁶, то есть фактически используется ролевая грамматика. Так предложения: *Весь вечер мы говорили / проговорили о музыке – Весь вечер разговор шел о музыке – Весь вечер мы вели разговоры о музыке – Весь вечер у нас прошел в разговорах о музыке – Весь вечер мы провели в разговорах о музыке – Музыка в течение всего вечера была объектом нашего разговора – Единственной темой наших вечерних разговоров была музыка – Весь вечер – это разговоры о музыке*, – суть реализации одной ТС и имеют одну ДС, но различные семантические структуры, представлены разными пропозициями. ДС конкретного предложения может включать не входящие в ТС, но необходимые для ее конкретной реализации факультативные компоненты: место, время, нужные для конкретной реализации атрибуты. И ТС, и ДС, по нашим наблюдениям, суть лингвистические универсалии. Прототипическим, иконическим вариантом ТС, как правило, является в каждом языке изосемическая изоморфная конструкция, то есть конструкция, составленная изосемическими словами [Золотова 1982], где, к тому же, все словоформы занимают членопредложенческие позиции, соответствующие называемым ими ролям в ситуации (предложение *Я решаю задачу* – изосемическое изоморфное, а предложение *Мне еще решать задачу* – изосемическое неизоморфное). Мы принимаем положение Г.А. Золотовой о ядерном, или базовом предложении всего множества возможных реализаций, представленное формами настоящего времени, реальной модальности и – для предложений с субъектом-лицом – я-предложениями. Соответственно, для всех данных выше предложений базовая модель – это *Я говорю о музыке*. Иконическая реализация с изоморфной ДС моделью имеет свое типовое значение (ТЗ). ТЗ нашего предложения «субъект и его речемыслительная деятельность». ТЗ предложений типа *Маша красивая; Дом высокий*; – «субъект и его качественная

⁵ См.: [Котвицкая 1990; Всеволодова, Ященко 2008; Лебедева 1992; Жданова 1998; Всеволодова 2005а; 2005б; 2005в; Всеволодова, Дементьева 1997; Lachur 1999].

⁶ Эта концепция была предложена Т.В. Шмелевой еще в 70-е гг. в докладе на семинаре Е.В. Клобукова по падежной семантике. Е.В. Клобуков, записавший выступление Т.В. Шмелевой, опубликовал матрицу в [Клобуков 1986]. В [Шмелева 1994] автор несколько модифицировала эту матрицу, но в практику лингвистического анализа она вошла в своем первоначальном виде как «матрица Шмелевой-Клобукова». На исключении своего имени из названия матрицы настаивает Е.В. Клобуков. См. также [Всеволодова 2000: 139].

характеристика»; а ТЗ предложений *В Москве находится Большой театр и Третьяковская галерея; На столе лежит книга*; – «место и его характеристика по находящемуся там предмету»; ТЗ узуальных изосемических неизоморфных предложений с обязательным определением типа *У Маши голубые глаза; У отца плохой характер*; – «субъект и его неотторжимый соматический / эмоционально-психический признак» [Всеволодова 2000: гл. 11]. Любое исходное предложение имеет в других языках независимо от их типологии свой коррелят, пусть формально и отличный от русского, но это системные отличия. Таким образом, ТС – это содержательный инвариант всех возможных реализаций базовой модели. Вопрос о формальных вариантах и механизмах трансформации базовой модели мы здесь опускаем.

2.1.4. Аспектуальность же, т. е. выбор ГВ с ТС не пересекается: ТС отображает событие, а не его интерпретацию, а ГВ – это национально детерминированная интерпретация протекания действия во времени, отсутствующая в невидовых языках, что определяет интерпретационный характер этого ФСП [Бондарко 1983]. Аспектуальные характеристики имеют место на другом уровне представления предложения – на уровне категориальной ситуации.

2.2. Понятие категориальной ситуации

2.2.1. Понятие КС [Теория 1: 12] связано, в первую очередь, с определенными характеристиками предиката и некоторых других аспектов содержания, ср. замечание А.В. Бондарко: «Наряду с понятием КС могут быть использованы близкие к нему понятия типа “категориальная (модальная, количественная, качественная и т.п.) характеристика высказывания”» [Теория 1: 13]. Как видим, для КС важен не содержательный инвариант, а его определенные реализации. Предложения *Он прыгнул в воду* и *Все попрыгали в воду* представляют собой разные КС одной и той же ТС: *Я прыгаю в воду*. То же верно для примера аспектуальной КС [Проблемы 2005: 19]: *Догонял, да не догнал*, – речевой реализации базовой модели *Я догоняю кого-либо*. Предложения *Он решал / будет решать задачу*, *Мы бы решили задачу*, *Ты не решила задачу*, *Вы хотите / должны / можете решать задачу*, *Петру еще решать задачу*, *Коля начал решать задачу*, *Задачу, вижу, решает Зоя*; – суть грамматические (объективная модальность, время, лицо), структурно-семантические (отрицательная, внутрисинтаксическая модальная, фазисная, авторизационная) модификации и их контаминации базовой модели *Я решаю задачу* в синтаксическом поле предложения [Золотова 1982], или в синтаксической парадигме предложения [Всеволодова 2000: 212, 216]. Залоговые варианты *Задача решалась / Задача решена (Петром)*, обобщенно / неопределенно личные *Задачу решили* (категория персональности в [Теория 3]), *Эту задачу не решишь / (ему) не решить*, – синтаксическое выражение внутрисинтаксической модальности – тоже отдельные КС – суть реализаций базовой модели *Я решаю задачу со своими ТЗ*. Так предложения *Задачу не решили; В дом не входили; Мне об этом сказали* имеют ТЗ «другой (помимо субъекта) участник ситуации и направленное на него действие не названного субъекта» [Всеволодова 2000: 121–153, 234–268]. Понятие КС, судя по ТФГ, хорошо «работает». Вместе с тем, думается, здесь не все еще однозначно.

2.2.2. ТС формируется денотативными ролями, способ идентификации которых достаточно строго определен. Какими единицами формируется КС? Это может быть и ГВ, и тип модальности (категории разного уровня), и способ выражения персональности, но и «качественные и количественные характеристики предложения». КС могут быть разных уровней.

Примечание. Так, в [Изотов 2007] в рамках императивности (побудительности; а это, очевидно, КС) выделяются 4 «более конкретных» КС: 1) Прескриптор (автор) побуждения равен говорящему, агенс равен слушающему (адресату) типа: *Уходи!* 2) Прескриптор одновременно входит в состав адресата типа *Уйдем / Уйдемте отсюда!*, 3) Адресат не является агентом действия («побуждение третьего лица») типа *Пусть он уйдет!* и 4) Прескриптор не является говорящим – «опосредованная перформативность» *Петр Иванович просит вас уй-*

ти. Возможны, думается, и такие КС, как 5) «Прескриптор помимо говорящего включает и другие лица, не участвующие в факте сообщения»: *Мы с Петром Ивановичем просим вас уйти* (пример А.И. Изотова); и 6) Адресат помимо слушающего включает и другое лицо / другие лица, не участвующие в факте сообщения: *Ты / Вы и Иван уходите!* Эти КС дают интересную диахотомическую СЗ императивности (побудительности), что говорит о категориальном статусе данной единицы. В основу оппозиций здесь прекрасно ложится концепция Р. Якобсона [Якобсон 1972] о разделении высказывания на сообщаемый факт и факт сообщения. Соответственно налицо два подмножества, противопоставленные по признаку совпадения / несовпадения участников обоих фактов: (1.1) участники сообщаемого факта идентичны участникам факта сообщения; (1.2) один из участников / оба участника сообщаемого факта не участвуют в факте сообщения. Следующий ранг разбиения для подмножества (1.1) выделяет значения на основе оппозиции эксклюзивности (исключения) / инклузивности (включения) неучастников факта сообщения в сообщаемый факт, соответственно (1.1.1) участники факта сообщения и сообщаемого факта полностью идентичны, эксклюзивное значение типа: *Уходи!*, *Уходите!*; (1.1.2) Сообщаемый факт включает дополнительных участников действия, адресованного агенсу, что представлено оппозицией по характеру включаемого в состав аганса участника ситуации, это может быть: (1.1.2.1) сам говорящий – *Уйдем / Уйдемте отсюда!* vs. (1.1.2.2) третье лицо – *Ты и Иван уходите!*; *Вы с Иваном уходите!* Для (1.2) оппозиция строится на эксклюзивности / инклузивности неучастников сообщаемого факта в факте сообщения: (1.2.1) не включен один участник vs. (1.2.2) – не включены оба участника: *Передайте Ивану, что Петр Иванович просит его уйти*; Для (1.2.1) реализуется оппозиция (1.2.1.1) неучастник-агенс *Пусть он уйдет!* И (1.2.1.2) – неучастник-прескриптор, что может реализоваться в двух значениях: (1.2.1.2.1) Один из прескрипторов не участвует в факте сообщения: *Мы с Петром Ивановичем просим вас уйти* (1.2.1.2.2) Прескриптор вообще не участвует в факте сообщения (прескриптор и говорящий – разные лица): *Петр Иванович просит вас уйти*. Кстати, именно в этих двух случаях «жанр» побудительности, (семантико-прагматические интерпретации – в терминах автора), вербализуется, и, как представляется, есть следующий ранг разбиения: *Петр Иванович просит вас подождать* vs. *Директор велит вам ждать* и пр. И эта диахотомия может быть усложнена: *Петр Иванович просит вас и Олега уйти*; *Мы с Петром Ивановичем просим вас и Олега уйти*; – но и эти оппозиции не нарушают приведенную выше диахотомию. Исследование А.И. Изотова, проведенное на материале чешского языка «в зеркале русского», показывает, что понятие КС – лингвистическая универсалия. Но критерии выделения КС здесь пересекаются с ролевой грамматикой, и это некое новое для нас пересечение уровней. С другой стороны, побуждение всегда исходит от лица – прескриптора (думается, что это одна из ролей авторизатора) и, следовательно, здесь категория внутрисинтаксической модальности контаминирует с категорией авторизации. И та, и другая суть структурно-семантические модификации Г.А. Золотовой, но категория авторизации в теории ФСП пока не выделяется.

Нужно четкое и формализованное представление критерии выделения самой КС и ее единиц. Это проблема создания грамматического аппарата, которого пока нет.

2.3. Вывод. Понятия ТС и КС отражают разные уровни высказывания и разные его аспекты: содержательный инвариант (ТС) и различные его реализации (КС), с содержанием жестко не связанные. КС и ее «многоступенчатую содержательную вариативность, сопряженную с вариативностью средств формального выражения» [Теория 1: 13], нужно представить как явление грамматическое. Может быть, это элементы синтаксического поля предложения Г.А. Золотовой? К КС мы еще вернемся. Но важен вопрос о классификации и самих ФСП.

3. ТИПЫ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ПОЛЕЙ И ОСНОВАНИЯ ИХ ГРУППИРОВКИ

3.1. Разумеется, категория ФСП не может являть собой неструктурированное множество, члены которого перечисляются в произвольном порядке. Напомним дефиницию ФСП, которую мы в основных ее положениях принимаем: «ФСП – это базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и “строевых” лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств языка, взаимодействующих на основе общности их семан-

тических функций. Каждое поле включает систему (а не набор через запятую! – M.B.) типов, разновидностей и вариантов определенной семантической категории, соотнесенную с разнообразными формальными средствами их выражения. ФСП – единства билатеральные, они имеют не только план содержания, но и план выражения» [Теория 1: 11.] (Реплику о лексике в ФСП см. выше.) Наши замечания сводятся к пока лишь начально намеченным положениям, требующим и большей систематизации, и, возможно, более глубокой аргументации.

1) Представляется незаслуженно «забытым» в [Теория 1] предложенное ранее [Бондарко 1983] разделение ФСП на поля отражательные (возможно, точнее, исходя из концепции В.Н. Мигирина [Мигирин 1973] «отображательные»), или онтологические, и интерпретационные, или семасиологические. Так, ФСП темпоральности и локативности, бытийности и посессивности, качественности и количественности несомненно суть отражательные, а ФСП аспектуальности, определенности / неопределенности – интерпретационные. И хотя интерпретационные категории тоже строятся на базе осмыслиения явлений действительности, а отражательные тоже несут элементы национальной интерпретации, но, тем не менее, «что-то» здесь есть. Разделение в [Теория 1: 34] на моно- и полицентрические, во-первых, носит собственно структурный характер и относится к обоим типам полей, а во-вторых, – если принять наше положение о ФСК, все ФСП изначально полицентричны (в отличие, например, от грамматических полей, см. ниже). И возможно, первой должна быть оппозиция отражательных vs. интерпретационных полей (без обращения к понятиям «онтологический» – «семасиологический»).

2) Но уже в классе отражательных полей есть оппозиция онтологические vs. семасиологические поля. Так, ФСП каузальности больше, нежели локативность, темпоральность и другие отношения, связано с семасиологическим уровнем, поскольку включает, кроме основных двух (порождающего и порождаемого) событий (собственно денотативный уровень), дополнительную – логическую – пропозицию, заключение говорящего об их связи, например, дождей и наводнения, гепатита С и смерти эксперриенцера – носителя состояния, что позволяет объединить в следственной компоненте разные ТС. Так, разные ТС: 1) Я дал книгу Маше – ТС передачи субъектом (донатором) материального объекта (донатива) получателю; 2) Я стал учителем – ТС (фазисная модификация) с ТЗ «субъект и его квалификативный признак (ср.: Я – учитель), 3) Я пошел в музей – ТС с ТЗ «субъект и его перемещение в конечный пункт», объединяются в одной общей ТС «осознанное действие субъекта, каузированное активным / пассивным волеизъявлением другого лица»: *По совету / С согласия отца я дал книгу Маше / стал учителем / пошел в музей* [Всеволодова, Ященко 2008]. То есть, в отличие от ФСП времени это семасиологическое ФСП. Очевидно, те же ранги есть и в интерпретационных полях.

3) Нужна более четкая и операционально аргументированная языковыми фактами категоризация всех находящихся к настоящему времени «в работе» ФСП. Нельзя, повторим, не согласиться с мыслью А.В. Бондарко о разной степени обобщенности СК, а значит, и ФСП. Эта мысль убедительно иллюстрирована в [Теория 1: 29–31]. Конструктивно положение об иерархии в разрядах СК и ФСП, обусловленной различной степенью обобщенности СК. Названные как наиболее общие категории времени, залоговости (?) и обусловленности, думается, не исчерпывают всех СК «высшего уровня». Но составляющие их более частные категории, например, аспектуальность, как одна из компонент СК времени, включает в себя еще более частные категории лимитативности, длительности, кратности, фазовости. Налицо минимум три уровня обобщенности. Но и каждая из этих категорий имеет свои оппозиции и, значит, структурирована.

Залоговость же, с нашей точки зрения, трудно поставить «на одну полку» и с модальностью, и с временем и с обусловленностью. Внутрисинтаксическая модальность: *хотеть, мочь, быть должным, возможность, обязанность* – это дополнительная пропозиция, это часть более общей СК состояния в рамках ФСП состояния (см. опять

же адекватный анализ предложения *Я хочу домой* в [Теория 1: 30]). Залог же – одна из коммуникативных реализаций основной ТС и часть грамматической категории конвертируемости в ряду собственно синтаксических категорий. Это изменение направления отношений между участниками одной ситуации [Ломтев 1973]. Категория конвертируемости может выражаться лексически (лексические конверсивы [Апресян 1974]), ср.: *Земля больше Луны – Луна меньше Земли; Иван продал мне машину – Я купил у Ивана машину* (но не: *Я покупаю и продаю машины*, где это просто антонимы), *Иван – брат Анны и Анна – сестра Ивана*; синтаксически ср.: *В реке кишит рыба и Река кишит рыбой; Я восхищаюсь стихами Пушкина и Меня восхищают стихи Пушкина; В Таганроге родился Чехов и Таганрог – родина Чехова; Она в тоске и У нее тоска*. Синтаксический смысл конвертирования в том, что имя участника ситуации, занимающее в базовом предложении любую позицию кроме подлежащего, повышается до подлежащего, а «базовое» подлежащее снижает свой ранг. Действительный и страдательный обороты – центр этой категории. Нашим моделям *Задачу решили* и *Мне об этом сказали* (с ТЗ «другой участник ситуации и направленное на него действие неназванного субъекта») и *Задача решена* (с нуль-формой имени агенса и с ТЗ «объект и его состояние как результат действий субъекта» [Золотова 1982], – реализация, невозможная в русском языке для второго предложения) во многих языках с грамматикализованным порядком слов (английском, китайском) соответствует один страдательный оборот типа *Задача решена*, ср. англ. *I am told about it*, досл. ‘*Я сказан об этом*’. В монгольском и венгерском страдательных оборотов нет вообще. Но ТС с соответствующим «базовым» денотативным содержанием есть. Категорию залога следует определить как центр категории конвертируемости [Ломтев 1973; Всеволодова 2000: 452]. Категорию залога реализуют не участники ситуации, не субъект и объект, а подлежащее и дополнение, ср.: *Археологи раскапывают курган – Археологами раскапывается курган*; и структуру типа *Археологи ведут раскопку кургана – Археологами ведется раскопка кургана*, где объектом остался курган. Или: *Эти семьи связывала многолетняя дружба – Эти семьи были связаны многолетней дружбой; ← Эти семьи много лет дружили*. Категории залоговости и ей подобным нужно найти свое место, определить их статус в категории поля. Конвертируемость – не ФСП, а другой тип полей. Важно, что страдательное причастие или -ся-форма глагола не обуславливает принадлежности структуры к страдательному залогу или к конверсивам вообще, ср.: *Глаза широко расставлены, уши прижаты; Он влюблен; Он женат; Я умыт, одет и причесан / Я умылся, оделся, причесался ≠ Меня умыли, одели и причесали*; но модели типа *Она одевается у хорошего мастера (← Ее одевает хороший мастер); Роднина тренировалась у Жука (← Родину тренировал Жук)*; – варианты пассивных конструкций, где творительный субъект заменен у-локализатором [Арутюнова 1976].

Но тонкий и очень разносторонний анализ залоговости, данный в [Теория 3], показывает:

1) Категория залога связана не только с заменой имени в позиции подлежащего, но и с «деподлежащностью» имени субъекта вообще, ср.: *Я думаю, что... и Мне думается, что...* [Теория 3: 177], где имя субъекта переведено из подлежащего в дополнение.

2) Смысл этой категории принципиально иной, нежели у категорий времени и качества: это всегда *ракурс подачи ситуации*, связанный с решением коммуникативных задач говорящего. И значит, это принципиально иной тип поля, нежели названные ФСП.

Примечание. Категория залога может выступать в конъюнкции с другими категориями, в частности, с категорией внутрисинтаксической модальности. В русском языке для выражения этой комбинации смыслов есть специальные конструкции с дательным субъектом и возвратной формой $V_{3s/n}$ глагола типа *Мне не спится, Ему хорошо работает*. Восприятие этих структур инофонами часто бывает неадекватным. На уроке русского языка американец, прочитав текст, в котором был такой диалог мужа и жены: – *Ты не спишь? – Не сплю.* –

Почему? – Мне не спится; – возмутился: – Но ведь он ничего не объяснил, он просто сказал то же самое в другой форме. Вместе с тем, для каждого русского «Мне не спится» – это ‘Я не могу заснуть’.

3.2. Можно ли говорить о ФСП того или иного падежа [Лутин 2007: 103–105] или о ФСП грамматического рода? Коллега из Афганистана рассказывал, что когда он в свое время на уроке русского языка в афганской школе говорил, что слово «стол» муж. рода, а слово «книга» жен. рода, ученики спрашивали его, откуда он это знает. По словам итальянской коллеги, ее ученики спрашивают, почему для нас гендерные характеристики так важны, что мы согласуем глагол и прилагательное даже с неодушевленными существительными. Судя по этим вопросам, категория пола – если она в языке есть – категория отображательная, а категория грамматического рода, возможно, носит уже другой характер, хотя ее связь с категорией пола прозрачна [Клобуков и др. 1997: 235; Клобуков 2000а: 31–32], (ср. другую точку зрения в [Савельева 2006]) в том числе и для средн. рода, маркировавшего социально «неполноценные» особи, ср. наличие форм мн. числа типа *девчата, котята, телята* (*Ласковое теля двух маток сосет*; средн. род в польском *dziewczę, kocie, cielę*; *das Mädchen* в немецком).

Использование рода в художественном тексте как средства выражения отношений между полами: *но нельзя рябине к дубу перебраться; тетя лужа – дядя лед, голубок и горлица никогда не ссорятся*⁷ и др., – возможно именно благодаря наличию этой грамматической категории. Эти тексты непонятны носителю «бездорового» языка. Но англичанин при прономинализации слова *корабль* использует местоимение жен. рода *she*, хотя категории рода в английском нет. А в китайском *он* и *она* – одно слово, хотя есть категории «инь» и «ян».

Примечание. Категория пола связана с категорией одушевленности / неодушевленности, которая в разных славянских языках реализуется по-своему; напомним о ее более узкой трактовке как категории лица (но не одушевленности) в чешском языке, где имена животных склоняются во мн. числе как имена неодушевленные, и о еще более узкой лично-мужской категории и более широкой женско-вещной категории (в формах мн. числа) в польском языке, где эта категория распространяется и на глагольные формы прош. вр., и на определения, ср.: *nasi studenci czytali – nasze studentki czytały* (ср. русск. *наши студенты / наши студентки читали*); ср. также: *widziały studentów* (мн.число вин. = род.) – *widziały studentki* (мн. число, вин. = им.); и даже на количественно-именные группы при выражении субъекта, ср.: *Dwie studentki czytały – Dwóch studentów czytało / Dwaj studenci czytali* (букв.: *две студентки ‘читали’ – двух студентов читало / ‘Двой студенты’ читали*). Но все это собственно морфологические маркеры. Вместе с тем, в русском и польском языках на синтаксическом уровне выявляются оппозиции, не отмеченные в грамматиках. Как известно, лицо в русском языке как морфологическая категория не выделяется. Вместе с тем, модель с V_{3pl} возможна только для субъекта-лица (в нулевой форме): *В дверь постучали; Его ударили; Дорогу завалили*; ср. неотмеченность: **Во дворе залаяли; За стеной мяукали*. То же верно для польских моделей типа *Drogę zawałono, Rzekę zagrodzono* (реку запрудили)⁸. Модель с V_{3sn} «обслуживает» неодушевленные субъекты: предмет и стихию: *Дорогу завалило / Дорогу завалило снегом; Его ударило током / дверью; Во время грозы сорвало крышу*. Субъект-зооним всегда должен быть назван, даже если глагол однозначно передает его характер: *Во дворе залаяли собаки; В хлеву мычали коровы*. То же в польском. Ср. ошибку русиста-неславянина в докладе на международном конгрессе: **Его придавило упавшим с дерева медведем; при правильном Его придавило упавшей с дерева тушей медведя / Его придавил упавший медведь* (А откуда ему знать? В грамматиках об этом не пишут). Как видим, на уровне синтаксиса тоже есть оппозиция одушевленности / неодушевленности, а в рамках одушевленно-

⁷ Такие явления как системные были отмечены и скрупулезно описаны в дипломе С.Г. Мамчкова (филологический факультет МГУ) «Функционально-семантическое поле биологического пола в современном русском языке» (2007 г., руководитель Е.В. Клобуков).

⁸ Я благодарю коллегу доктора филологических наук Чеслава Ляхура (Университет в г. Ополе, Польша) за совместную работу над этими категориями.

сти выявляется оппозиция «антропоним» vs. «зооним». Таким образом, категория грамматического рода выводит нас на ряд закономерностей, требующих дополнительного осмысливания.

3.3. В основу классификации ФСП [Бондарко 1983] положена фактически частечная принадлежность ядерных слов, что позволяет выделить группировки: 1) с акциональным (предикативным), а фактически – с глагольным ядром; 2) с предметным (субъектно-объектным), т.е. именным ядром, 3) с квалитативно-квантивативным ядром (прилагательные и числительные); 4) с обстоятельственным (наречия и словоформы существительных).

Мы разделяем несогласие с этим принципом в [Клобуков 1993; Кубрякова, Клобуков 1998]. Если в основе ФСП лежит СК, причем здесь части речи? В одном поле системно сотрудничают разные уровни языка, разные части речи. См. слова А.В. Бондарко: «Второй "сильный" системный признак ФСП – отсутствие ограничений в отношении характера и типа охватываемых данным полем формальных средств, т.е., формальная неограниченность» [Теория I: 38]. Выскажем несколько замечаний, обращаясь в первую очередь к [Бондарко 1983], где группировки даны конкретнее, чем в [Теория I]. Для краткости рассмотрим только первую группировку – поля с глагольным, или предикативным ядром.

Не очень ясен термин «предикативное» ядро. И предикативность (категория предложения), и предикат (признак субъекта) свойственны и безглагольным предложениям. Предикат – не всегда глагол, а глагол – это не всегда акциональность. ФСП этой группы, с одной стороны, не охватывают все типы предикатов, с другой – аспектуальность (ГВ) формально и обязательно охватывает все глаголы и только глаголы, независимо от их значения, что говорит о принципиально ином характере этого ФСП, нежели, например, темпоральность или локативность, при том, что аспектуальные различия передаются с помощью контекстуальных «добавок» к одной форме глагола: *сейчас / в данный момент спит – обычно / ночами спит; вчера / в среду приходил – часто / по средам приходил*; и пр.; разные видо-временные формы могут выражать одно денотативное содержание: *В июне 1941 года Германия нападает / напала на Советский союз; Я уже сказал / говорил о них*; тогда как время передается разными ФСК. В этой группировке выделены комплексы:

1. Аспектуально-темпоральные отношения с ФСП аспектуальности, темпоральности (глагольной) и таксиса. Этот комплекс охватывает все и только глагольные предикаты. Думается, перечислять в одном ряду с ним все другие комплексы этой группировки некорректно. Он является средством реализации глагольных предложений.

2. ФСП модально-бытийных отношений. Объединение мало понятное. Это модификации синтаксического поля предложения Г.А. Золотовой, 1) модальные: а) объективная модальность: *читал – читал бы* (грамматическая модификация), но и: *был бы здоров, был бы хороший, было бы тепло, был бы врачом* и пр. и б) внутрисинтаксическая модальность: *должен / хочет / может читать, но и: может быть красивым, хочет быть врачом, возможен дождь* и пр. (структурно-семантическая модификация); 2) утвердительность / отрицательность (структурно-семантическая модификация): *читал / не читал; но и: есть книга – нет книги, он красив / некрасив, Это он / не он* и пр.; 3) повествовательность / вопросительность (структурно-семантическая модификация в синтаксической парадигме [Всеволодова 2000]): *Куда ты сядешь? Пришел ли он?, но и: Красива ли она? Здоров ли он? Это дом?* Короче, это системные реализации любых типов предложений независимо от содержания. Не КС ли это? Если КС А.В. Бондарко и модификации Г.А. Золотовой – это что-то близкое, то, может, подумаем об «общем знаменателе»? 4) бытийность: *Хлеб есть. Змей в лесу нет. Снежный человек существует.* Но это денотативный уровень, это ТС, реализации которых имеют все названные выше

модификации [Всеволодова 2000: 234–239]. И в чем отличие от модально-бытийного ФСП?

3. ФСП акционально-субъектных и акционально-объектных отношений с категориями залоговости: *школу строят / школа строится*; переходности / непереходности: *дети рисуют цветы / дети бегают*, рефлексивности: *мыться, чувствовать себя*; взаимности: *ссориться, помогать друг другу*. О категории залога см. выше.

Примечание. Переходность / непереходность – грамматическое свойство глагола, определяемое характером его лексемы независимо от значения и выражаемых отношений. Это не только акциональность, но и состояние: *чувствовать боль – болеть*; признак, свойство: *пропускать свет – линять*; реляционные отношения: *поддержать друга – помочь другу*; бытийность: *населять тундру – обитать в тундре*. Глаголы, близкие по значению, могут различаться по этому признаку: *сообщать кому – информировать кого; заботиться о ком – опекать кого* и пр. См. также, системность вин. п. названий лиц при возвратных глаголах, ср. слова 1-го склонения, где вин. п. отличен от р. п.: *слушаться маму, бояться тетю*. Продуктивны дескрипции с глагольным компонентом, соотносимые с одним производящим словом; это могут быть как переходные глаголы *вести работу* ← *работать, совершить пробежку* ← *пробежаться*, так и не переходные: *заниматься покраской* (забора) ← *красить* (забор) [Всеволодова, Кузьменкова 2003]. Один глагол в разных языках может различаться по этому признаку, ср. русск. *ждать сестру* и польск. *czekać na siostrę*. Возможно, это поле, но вряд ли ФСП. В беспадежных языках трудно говорить о переходности / непереходности, когда пассив может иметь вид *I am told about it*. Категория переходности, возможно, свойство падежных языков, имеющих возвратные глаголы. В немецком, как и в русском нет модели типа *Я сказал об этом*, а используется близкая к нашему неопределенно-личная *man sagt*.

Рефлексивность и взаимность – категории, не проработанные в грамматике. Форманты *-ся, себя* – не всегда рефлексивность: *гордиться, любоваться* – кем-чем; *стараться, стремиться, трудиться, бороться* (ср. польск. *walczyć*), *смеяться, но плакать и плакаться кому в жилетку* и мн. др. Где рефлексивность? По этому признаку различаются и видовые пары: *становиться и стать* (и куда, и кем), и способы глагольного действия: *заплакать, зашуметь – расплакаться, расшуметься; доиграться, дозвониться*. Ср. выше: *мне не спится, не сидится, хорошо работает*. Во многих языках возвратных глаголов нет вообще.

4. Замыкает эти комплексы поле состояния: *мне плохо, страна на подъеме*. Это, как и бытийность, самостоятельное поле с комплексом ТС. И наличие этих комплексов ТС – бытийности и состояния – в одном ряду с перечисленными выше, скорее вариантами грамматических реализаций, тоже не очень понятно. Основания такого включения нужно было бы сформулировать и операционально аргументировать.

То же можно сказать и о субъектно-объектных и обстоятельственных группировках. Обстоятельственная группировка объединяет наречные и именные словоформы. Это комплекс полей с общим значением обусловленности, локативности и времени (отсутствующий в этой группировке в ТФГ) и поле сравнения. Но для полей обусловленности прототипическим является СП, а обстоятельственный компонент – это трансформ, возможный не всегда, ср.: *Я взял журнал, так как мне стало скучно / от скуки и: Я взял журнал, так как мне надоело сидеть без дела*; – где ИПГ не образуется. Ср. также предложения с реляторами типа *Штурм помешал кораблям выйти в море*. То есть, это не собственно обстоятельственное ФСП. Сравнение же – компонент качественно-количественной группировки. Куда деть обстоятельства образа действия типа *Мальчик бегло читает; Он с трудом ходит*, – характеризующие действие и коррелирующие с прилагательными, ср.: *У мальчика беглое чтение?* В группировках их нет. Корректна, по-моему, качественно-количественная группировка.

3.4. А.В. Бондарко очень уместно, как нам кажется, обращается и к понятию психологических концептов акциональности (действия, деятельности), процессности (состо-

яния), реляционности (отношений) и характеристизации (атрибутивности, признаковости). Эти концепты (как категориальные, а не понятийные) используются в когнитивистике, психологии, психолингвистике и в конкретных лингвистических исследованиях [Воробьева 2005].

Теорию эту независимо друг от друга и в разных формах предложили Т.В. Шмелева (см. выше) и Е.С. Кубрякова. В матрице предикатов [Клобуков 1986; Шмелева 1994] по горизонтали выделялись четыре типа: акциональные (действие), статальные (состояние), реляционные (отношение) и характеристизации (признак); а по вертикали – сферы их проявления: физическая, физиологическая, эмоционально-психическая, интеллектуально-творческая и социальная. Позднее Е.С. Кубрякова предложила идею концептов – основных понятийных категорий, с теми же четырьмя концептами: действие, процесс (так названо состояние, с нашей точки зрения, не совсем удачно,ср.: *быть в состоянии шока* и **быть в процессе шока*; *дом в аварийном состоянии* и **дом в аварийном процессе*), отношения, характеристизация [Кубрякова и др. 1996; Кубрякова 2004]. Ясно: типы предикатов и концептов совпадают, поскольку предикаты однозначно структурируются в рамках концептов.

Практическое использование матрицы Т.В. Шмелевой и концепция Н.Д. Арутюновой о бытийных предложениях (логический тип) [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1981] показали необходимость выделить в отдельный тип (из класса отношений) бытийные предикаты (вкупе с предикатами местонахождения: концепт еще не связан с движением мысли, это денотативный уровень). В такой модификации эта матрица представлена в [Всеволодова 2000: 139]. Но ни в одном из этих вариантов нет места для категории времени. Нет места для нее и в группировках А.В. Бондарко. Думается, что понятийная категория времени имеет право быть самостоятельным концептом. И тогда набор основных концептов (понятийных для Языка и СК для конкретных языков) таков: бытийность – время – действие / событие – состояние – отношения – характеристизация. «Сфера проявления» предикатов соотносимы и с концептами. Структуру концептов представим в матрице.

Матрица концептов – основных логических (понятийных) категорий

Сфера проявления концептов	Концепты					
	Бытийность	Время	Действие	Состояние	Отношения	Характеризация
Физическая						
Физиологическая (Биологическая)						
Эмоционально-психическая						
Интеллектуально-творческая						
Социальная						
Духовная						

Анализ языковых единиц разных уровней подтвердил корректность этой матрицы и ее фундаментальный характер. Нельзя ли на ее основе организовать ФСП? Это универсальные общечеловеческие мыслительные концепты, где и образуются семантические категории и ФСП. Так, количественно-качественная группировка ФСП А.В. Бондарко – это как раз концепт характеристизации (туда же входит и ряд других отношений [Всеволодова 2000:261]).

Примечание. Точно охарактеризована в [Теория 5: 163] зона пересечения ФСП количественности и качественности: «Категория количественности соотносима также с категорией компаративности. Это вытекает из общенаучного определения количества как отражения сравнения и из понимания интенсивности как выражения количества (степени) признака». Это МП градуальности с ядром – компаративами, называющими количественное расхождение одного признака у компараторов: *Маша на 5 см выше Оли*, (пересечение с концептом отношений). Но и глаголы: *Он мчится* и *Он едва пleteется* (ср. темповое значение в НТ), вместе с моделями типа *Мальчик бегло читает*; *Маша хорошо поет* образующие зону пересечения акционального и характеризационного концептов. Это МП, как полагают [Березницкая 2004], включает ряд ФСП.

Обусловленность, сравнение – это группировка реляционных предикатов. Вероятно, пора дать более строго организованную и более формализованную систему наших единиц.

4. ВОЗМОЖНЫЕ ТИПЫ ПОЛЕЙ

В сфере нашего внимания последнее время закономерно находятся именно ФСП. Но в свое время Трир говорил о **лексических полях**. В [Всеволодова 2000: 269–288] представлено поле ТЗ биноминативных предложений, где переход от центра к периферии обусловлен типом соотнесенности инварианта содержания и его синтаксической «упаковки» от *Маша – студентка* до *Дожди – это наводнение*. Это поле иного, нежели ФСП, типа. Сейчас на филологическом факультете МГУ вместе с коллегами из Белоруссии, Украины, Болгарии, Польши и Сербии осуществляется проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис»⁹. Объект – предлоги и их эквиваленты. Предлоги выявили ярко выраженную полевую структуру, обусловленную дихотомической системой их морфосинтаксических типов. Оба поля – **функционально-грамматические**. Вероятно, и категория падежности [Бондарко 1976; Клобуков 1998; Лутин 2005; 2007], как и члены предложения, и залоговость должны войти в этот тип полей. КС обращения, приветствия, просьбы и под. – это разряд функционально-прагматических полей, см., например [Сучкова 2005; Изотов 2007] и др. Категория актуального членения, как и предложенческие модусы (о текстовых и предложенческих модусах [Всеволодова 2000: 312 и сл.]), думается, формируют функционально-коммуникативные поля (о коммуникативном уровне [Безяева 2002]).

Поля разных типов пересекаются между собой. Так, побудительность, (компонент ФСП модальности), входит и в разряд функционально-прагматических полей: на определенном уровне в дихотомию значений побудительности включаются интерпретации типа «приказ», «разрешение», «совет» и под. [Изотов 2007]. Можно предполагать, что в силу единства Языка и другие языковые категории выявляют свою полевую устроенность, что поле – это одна, возможно, главная, строевая единица языка; и что полевая устроенность Языка есть проявление единства устроенности мироздания. Язык – составляющая ноосферы и на этих правах наряду с физическими сферами и биосферой входит в систему мироздания. Но с полем в нем неразрывно связаны категории – способ объективации результатов познания мира человеческим сознанием.

⁹ В 2002–2003 гг. проект «Восточнославянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» поддерживал РФФИ грант 02-06-80435-а; В 2004–2005 гг. работа поддержана совместным российско-белорусским грантом. С российской стороны это грант РГНФ № 04-04-78403а/Б. В 2007–2009 гг. этап проекта «Грамматика русского предлога: выявление состава предложных единиц, их категоризация и системное описание их функционально-коммуникативных свойств» поддерживает РФФИ, грант 07-06-00343.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амиантова и др. 2001 – Э.И. Амиантова, Г.А. Битехтина, М.В. Всеволодова, Л.П. Клобукова. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6.
- Апресян 1974 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова, Ширяев 1981 – Н.Д. Арутюнова, Е.Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1981.
- Аскин 1966 – Я.Ф. Аскин. Проблема времени. Ее философское осмысление. М., 1966.
- Безяева 2002 – М.Г. Безяева. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
- Беленькая 1994 – О.В. Беленькая. Модели простых предложений с глагольными причинными реляторами: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994.
- Березницкая 2004 – П.П. Березницкая. Типология и структура градуальных полей в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
- Бондарко 1967 – А.В. Бондарко. К проблеме функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке) // ВЯ. 1967. № 2.
- Бондарко 1969 – А.В. Бондарко. К функциональному анализу элементов разных языковых уровней // Единицы разных уровней грамматической системы языка и их взаимодействие. М., 1969.
- Бондарко 1971а – А.В. Бондарко. Вид и время русского глагола. Л., 1971.
- Бондарко 1971б – А.В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко 1972 – А.В. Бондарко. К теории поля в грамматике. Залог и залоговость // ВЯ. 1972. № 3.
- Бондарко 1976 – А.В. Бондарко. Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко 1983 – А.В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Ван Янчжен 1996 – Ван Янчжен. Предложение: содержание, форма и парадигмы (на материале предложений с глаголами эмоционального состояния и отношения). Пекин, 1996.
- Воробьева 2005 – Г.К. Воробьева. Онтологическая теория несвободной глагольно-именной сочетаемости слов русского языка. Лингвокогнитивные и культурологические аспекты. М., 2005.
- Всеволодова 1975 – М.В. Всеволодова. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
- Всеволодова 1983 – М.В. Всеволодова. Категория именной темпоральности и закономерности ее речевых реализаций: Дис. ... докт. филол. наук. М., 1983.
- Всеволодова 2000 – М.В. Всеволодова. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М., 2000.
- Всеволодова 2005а – М.В. Всеволодова. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 1. Статья 1.
- Всеволодова 2005б – М.В. Всеволодова. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 2. Статья 2.
- Всеволодова 2005в – М.В. Всеволодова. К вопросу о методологиях и методиках лингвистического анализа (на примере категорий пространственных, временных и причинных отношений) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 3. Статья 3.
- Всеволодова, Владимирский 2008 – М.В. Всеволодова, Е.Ю. Владимирский. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 2008.
- Всеволодова, Го Шуфень 1999 – М.В. Всеволодова, Го Шуфень. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999.
- Всеволодова, Дементьева 1997 – М.В. Всеволодова, О.Ю. Дементьева. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997.
- Всеволодова, Ким Тэ Чжин 2008 – М.В. Всеволодова, Ким Тэ Чжин. Система значений и употреблений форм настоящего времени русского глагола (в зеркале корейского языка). М., 2008.

- Всеволодова, Котвицкая 1999 – *М.В. Всеволодова, Э.С. Котвицкая*. О подлежащем и категории причинности в русском языке (К вопросу о русском языковом сознании в концепции А. Вежбицкой) // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 5.
- Всеволодова, Кузьменкова 2003 – *М.В. Всеволодова, В.А. Кузьменкова*. Описательные предикаты как фрагмент русской синтаксической системы // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2003. № 5.
- Всеволодова, Ященко 2008 – *М.В. Всеволодова, Т.А. Ященко*. Причинно-следственные конструкции в современном русском языке. М., 2008.
- Гулыга, Шендельс 1969 – *Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс*. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969.
- Дешериева 1975 – *Т.Н. Дешериева*. Лингвистический аспект категории времени и его отношение к физическому и философскому аспектам // ВЯ. 1975. № 2.
- Дулина 2008 – *А.Н. Дулина*. Простые предложения с временными реляторами (Дип. работа. МГУ. 2008).
- Жданова 1998 – *В.В. Жданова*. Простые предложения с именной причинной группой, выражающие причинно-следственные отношения в мире неживой природы: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Золотова 1982 – *Г.А. Золотова*. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Изотов 2007 – *А.И. Изотов*. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагматингвистический феномен: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2007.
- Клобуков 1986 – *Е.В. Клобуков*. Семантика падежных форм в современном русском литературном языке. М., 1986.
- Клобуков 1993 – *Е.В. Клобуков*. Система семантических противопоставлений в морфологии (семасиологический и ономасиологический аспекты) // Семантика языковых единиц. Материалы 3-й межвузовской научно-исслед. конф. Ч. II. М., 1993.
- Клобуков 1998 – *Е.В. Клобуков*. Морфологическая категория падежа в контексте коммуникативной грамматики // Семантика языковых единиц. Докл. VI Междунар. конф. Т. I. М., 1998.
- Клобуков 2000а – *Е.В. Клобуков*. К установлению уровней языковой категоризации // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова / Вопросы русского языкознания. Вып. VIII. М., 2000.
- Клобуков 2000б – *Е.В. Клобуков*. Семантическая категория падежности в системе функциональной грамматики русского языка* // Глава в коллективной монографии «Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании» / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 2000.
- Клобуков 2001 – *Е.В. Клобуков*. Уровни категоризации и строение системы семантических категорий (из наблюдений над концептуальной базой функциональной грамматики) // Теоретические проблемы функциональной грамматики. Материалы Всероссийской науч. конф. СПб., 2001.
- Клобуков и др. 1997 – *Е.В. Клобуков, Г.И. Рожкова, Г.А. Битехтина, Л.С. Муравьева, М.В. Всеволодова*. Функциональная морфология // Русский язык и его история. Программы кафедры русского языка для студентов филол. фак-тов гос. университетов. М., 1997.
- Котвицкая 1990 – *Э.С. Котвицкая*. Типовая ситуация, отражающая причинно-следственные отношения как содержательная единица языка (и ее речевые реализации): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Крючкова 1979 – *М.Л. Крючкова*. Особенности немотивированного глагольного управления в современном русском языке. М., 1979.
- Кубрякова 1997 – *Е.С. Кубрякова*. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова 2004 – *Е.С. Кубрякова*. Язык и знание. М., 2004.
- Кубрякова и др. 1996 – *Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина*. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кубрякова, Клобуков 1998 – *Е.С. Кубрякова, Е.В. Клобуков*. Рец. на кн. «Теория функциональной грамматики». Л.; СПб., 1987–1996 // ИАН СЛЯ. 1998. № 5.
- Ломтев 1956 – *Т.П. Ломтев*. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
- Ломтев 1973 – *Т.П. Ломтев*. Предложение и его грамматические категории. М., 1973.
- Ломтев 1979 – *Т.П. Ломтев*. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.
- Лебедева 1992 – *Е.К. Лебедева*. Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния человека и их речевые реализации: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

- Лебедева 2005 – *Е.К. Лебедева*. Принципы функционально-коммуникативной грамматики и проблемы категории причинных отношений в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2005. № 3.
- Лутин 2005 – *С.А. Лутин*. Именительный и творительный падежи на шкале потенциальной активности // Теория и практика преподавания русского языка иностранным учащимся в вузах. М., 2005.
- Лутин 2007 – *С.А. Лутин*. Русский генитив в функционально-семантическом аспекте. М., 2007.
- Маркус 1963 – *С. Маркус*. Логический аспект лингвистических оппозиций // Проблемы структурной лингвистики. М., 1963.
- Мельчук 1995 – *И.А. Мельчук*. Русский язык в модели «Смысл – Текст». М., 1995.
- Мигирин 1973 – *В.Н. Мигирин*. Язык как система отображения. Кишинев, 1973.
- Панков 2008 – *Ф.И. Панков*. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия. М., 2008.
- Плунгян 2003 – *В.А. Плунгян*. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2003.
- Проблемы 2005 – Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / Отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб., 2005.
- Савельева 2006 – *О.С. Савельева*. Формальные и содержательные свойства грамматической категории рода существительных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006.
- Сучкова 2005 – *Г.М. Сучкова*. Прагматика межличностных взаимодействий. СПб., 2005.
- Теория-1 – Теория функциональной грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. Т. 1. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Изд. 2-е. М., 2001.
- Теория-2 – Теория функциональной грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. Т. 2. Темпоральность. Модальность. СПб., 1990.
- Теория-3 – Теория функциональной грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. Т. 3. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Теория-5 – Теория функциональной грамматики / Отв. ред. А.В. Бондарко. Т. 5. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Трубецкой 1961 – *Н.С. Трубецкой*. Основы фонологии. М., 1961.
- Туманова 1985 – *Ю.А. Туманова*. Простые предложения, описывающие наличие объекта в объемном пространстве: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1985.
- Фигуровская 2007 – *Г.Д. Фигуровская*. Метаконструкции, выражающие временные отношения в тексте // III Междунар. конгресс исследователей русского языка. Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы. М., 20–23 марта 2007 г.
- Формановская 1998 – *Н.И. Формановская*. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
- Храковский 2005 – *В.С. Храковский*. Таксис следования в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005.
- Шмелева 1994 – *Т.В. Шмелева*. Семантический синтаксис. Текст лекций. Красноярск, 1994.
- Ю Хе Кён 1996 – *Ю Хе Кён*. Однособытийные временные сложноподчиненные предложения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
- Якобсон 1972 – *Р. Якобсон*. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / Сост. О.Г. Ревзина. М., 1972.
- Lachur 1999 – *Cz. Lachur*. Semantyka przestrzenna polskich przyimków prefigowanych na tle rosyjskim. Opole, 1999.

© 2009 г. Н.В. ПЕРЦОВ

О ТОЧНОСТИ В ФИЛОЛОГИИ*

Работа написана в связи со статьями М.И. Шапира и А.В. Гладкого, посвященными возможностям применения точных методов в гуманитарных науках; обе статьи были опубликованы в «Вопросах языкоznания» – первая в 2005 г., вторая, резко полемичная по отношению к первой, в 2007-м. Анализируется понятие «точность» в применении к наукам гуманитарной сферы. На ряде примеров демонстрируются сложности по-настоящему точных, строгих, формальных построений в лингвистике в частности и в филологии вообще. Обсуждаются основные методологические тезисы, изложенные в статье Шапира, в связи с реакцией на них Гладкого; в большинстве случаев автор настоящей работы солидарен с Шапиром, хотя по некоторым пунктам с ним принципиально расходится. Делается вывод о плодотворности сдержанной оценки М.И. Шапиром перспектив математики в области построения общей теории в гуманитарных областях и сомнительности «естественно-научного» оптимизма А.В. Гладкого по этому поводу.

Импульсом к написанию настоящей работы послужила статья А.В. Гладкого [Гладкий 2007], резко полемичная по отношению к статье М.И. Шапира [Шапир 2005]¹. Обе статьи, опубликованные в «Вопросах языкоznания», посвящены возможностям и границам точных методов в гуманитарных науках. В статье Шапира высказывается тезис об ограниченности таких методов и о невозможности построения общей «математизированной теории текста как такового» [Шапир: 59/895], в обоснование чего кладется утверждение о принципиальном различии законов в гуманитарной и естественной областях; в статье же Гладкого отрицается существенное различие «законов природы и законов, действующих в гуманитарной сфере» [Гладкий 2007: 35], вследствие чего автор призывает лингвистов более активно использовать математику в их исследованиях, «искать в богатейшем арсенале математики» новые средства, отличные от аппарата математической логики [Там же: 37]. Автор настоящей работы намерен высказать свою точку зрения на поднятые в упомянутых статьях проблемы и отметить пункты согласия и несогласия с авторами этих статей. Сразу скажу, что трезвый пафос М.И. Шапира мне гораздо ближе, чем безоглядный естественно-научный оптимизм А.В. Гладкого. В непосредственно следующих разделах я рассматриваю точность как фундаментальный принцип всякой науки, будь то гуманитарной или естественной, и пытаюсь продемонстрировать – в основном на примерах, взятых из лингвистики, – те колоссальные сложности, которые встают в гуманитарной сфере при проведении этого принципа – в гораздо большей степени, чем в сфере естественно-научной; в завершающих статью разделах достаточно подробно обсуждаются позиции обоих упомянутых ученых.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 07-06-00082-а, «Разработка баз данных по неологии Хлебникова») и РГНФ (проект № 08-04-12127в, «Создание информационной системы “Корпус русской поэзии”»).

Статья Шапира с рядом локальных изменений (порой весьма заметных) была перепечатана в качестве послесловия к сборнику трудов Б.И. Ярхо [2006], подготовленному М.И. Шапиром совместно с М.В. Акимовой и И.А. Пильщиковым. Ниже цитаты из Шапира, совпадающие в обеих публикациях [Шапир 2005] и [Шапир 2006], даются в виде [Шапир: *m/n*], где *m* относится к страницам в первой публикации, а *n* – к страницам во второй.

Одно предварительное замечание. В настоящей работе я позволю себе понятие «филология» трактовать весьма широко: под нее ниже подводится как обширная область гуманитарного знания, охватывающая многоаспектное изучение текстов на естественном языке, так и лингвистика – изучение естественного языка как такового. Это сделает изложение несколько более компактным: при обозначении указанной области знания не нужно будет всякий раз прибегать к сочинительному словосочетанию «филология и/или лингвистика».

1. ТОЧНОСТЬ КАК ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Прилагательное *точный* и его субстантивный дериват *точность* неоднозначны. В толковых словарях выделяются следующие значения слова *точный*: 1) полностью соответствующий действительности; подлинный, правильный (*точный вес, точное время*); 1а) связанный с измерениями, вычислениями; основанный на математических расчетах (*точные методы, точные приемы исследования*); 1б) показывающий что-л. в полном соответствии с действительностью (*точные весы, точные часы*); 2) полностью соответствующий какому-л. образцу или чему-л. заданному, установленному, требуемому (*точная копия, точное исполнение приказа*); 3) конкретный и определенный, предельно полный и верный, не приблизительный, не общий (*точное место, точный адрес, точные инструкции*); 4) аккуратный, пунктуальный (*точный исполнитель, точный до мелочей*). Как видно, во всех перечисленных значениях присутствует идея соответствия чему-либо – действительности вообще, некоему образцу или некоторому требованию; очевидно, что слово *точность* «наследует» все приведенные значения прилагательного.

Если задаться вопросом, в каком смысле понятие «точность» применимо к научному знанию, следует, по-видимому, признать, что идеалом последнего является точность во всех перечисленных значениях. Из них наиболее актуальны для науки значения пункта 1, относящиеся к максимально близкому соответствию научного описания той сфере действительности, которая составляет его объект; второй по приоритету представляется пункт 3, относящийся к способу представления научного знания, который должен быть ясен, однозначен, конкретен и четок. Можно сказать, что именно точность в указанных смыслах отличает науку от других сфер человеческого знания (скажем, от искусства или религии): научное знание нацелено на точность онтологически, по своей природе, хотя реально идеал точности и в науке соблюдается не всегда². Установку на точность филология разделяет со всеми гуманитарными и естественными науками.

2. О ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ ГУМАНИТАРНОЙ И ЕСТЕСТВЕННОЙ ОБЛАСТЕЙ В НАУЧНОМ ЗНАНИИ³

Для прояснения проявления точности в науках гуманитарных и естественных уместно очертировать предмет тех и других. Говорят, что гуманитарные науки есть науки

² Онтологическим принципам науки и научного поведения посвящена глубокая общеметодологическая статья Шапира, в которой говорится о прямой связи «специфики науки» с ее языком [Шапир 2001: 257] и указываются следующие «нормы научного языкового поведения», или «требования к языку науки»: «Научные высказывания должны отличаться четкостью, ясностью, логической непротиворечивостью и поддаваться проверке, то есть быть в принципе доказуемыми либо опровергими: претендовать на научность может только такое знание, которое способно оказаться как истинным, так и ложным, – “вечные истины” к науке не имеют никакого отношения <...>» [Там же: 259].

³ Настоящий раздел расширен и переработан с учетом серьезных критических замечаний в отзыве рецензента редакции журнала «Вопросы языкоznания», относящихся к общей проблеме онтологии гуманитарного и естественного знания; здесь я отвечаю на эти критические замечания, используя при этом фрагменты из отзыва. Пользуюсь случаем принести упомянутому рецензенту свою благодарность за критику.

о человеке, а естественные – о природе; такая общая формулировка очевидным образом недостаточна. В гуманитарную область не входят, скажем, анатомия и физиология человеческого организма, которые представляется возможным назвать науками о человеке⁴. Гуманитарная научная область имеет своим предметом духовный внутренний мир человека, его интеллект, психику (то, что в философии квалифицируется как идеальное – в противопоставлении материальному), а также продукты этого внутреннего мира с точки зрения их отражения в нем. В материальных продуктах человеческого внутреннего мира (текстах, произведениях искусства, сооружениях, машинах и др.) гуманитарные науки интересует именно их связь с внутренним миром человека и духовной культурой общества, а не их природные свойства (размер, вес и проч.), которые находятся в ведении естественных наук. Тем самым ясно, что один и тот же объект может быть предметом и гуманитарной и естественной науки.

Таков, например, естественный язык. С одной стороны, язык закодирован в сознании человека, предназначен для передачи смысла, представляющего собой идеальный феномен; языковые единицы в большинстве своем неоднозначны; носитель языка интерпретирует их конкретные употребления в нужном смысле (или смыслах), опираясь на соответствующий контекст, причем такая интерпретация носит отнюдь не механический, строго детерминированный характер; человек может становиться подлинным «хозяином» языка в случаях его употребления в поэтической функции, модифицируя узульные значения языковых единиц, сознательно нарушая некоторые грамматические правила или сочетаемостные ограничения (т.е. человек одновременно и подчиняется языку, и владеет им). С другой стороны, как сказано в отзыве о настоящей работе, упомянутом в сноска 3, язык «является естественным материальным объектом», обладающим «материальной акустической формой»; добавлю, что язык проявляется в речи, устной и письменной, а речь – явление материальное – обладает определенными «естественными» характеристиками, онтологически близкими характеристикам чисто природных явлений. Относительно свойств первого рода язык есть явление гуманитарное, относительно свойств второго рода – явление естественное. К какой же тогда области знания – гуманитарной или естественной – следует относить науку о языке – лингвистику? Я полагаю, что здесь разумно исходить из наличия/отсутствия в объекте науки существенного «гуманитарного компонента», т.е. компонента, связанного с сознанием, с внутренним миром человека: к гуманитарной области можно отнести науки, объект которых содержит такой компонент, к естественной области – науки, в объекте которых такой компонент отсутствует. Если с этим согласиться, лингвистику следует без колебаний отнести к гуманитарным дисциплинам, равно как социологию, философию, историю, литературоведение (включая историю национальных литератур), юриспруденцию, экономику и прочие дисциплины, в которых имеется существенный гуманитарный компонент (при том что гуманитарное в них может совмещаться с естественным). Что касается математики, ее роль в научном знании совершенно особая: она выступает относительно всех других дисциплин в роли метанауки.

Возникает вопрос о специфике предметов гуманитарной и естественной области. Специфику той и другой определяет само онтологическое противопоставление идеального и материального. Существуют философские и логические законы, общие для обеих областей человеческого знания. Однако мне представляется несомненным, что

⁴ Здесь уместно сослаться на указание М.И. Шапиром недоразумения, связанного с внутренней формой термина «гуманитарные науки»: «<...> если ей <этой внутренней форме. – Н.П.> следовать буквально, к гуманитарным придется отнести все науки о человеке. Это явный абсурд: при таком подходе гуманитарный статус получит изучение костно-мышечной системы человека или, скажем, его физиологических отправлений. Ученых-гуманитариев интересует в человеке не природное, а культурное, не естественное, а искусственное <...>» [Шапир: 45/877] – и непосредственно далее Шапир высказывает утверждение, обозначенное в разделе 9 ниже как тезис (Т3).

объекты внутреннего мира человека обладают такой спецификой, которая кардинально отличает их от объектов материального мира. Это я и постараюсь показать на примерах, взятых из филологической сферы.

3. НЕСТАБИЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЧУТЬЯ

Объекты, выделяемые при исследовании естественного языка, различаются с точки зрения их наблюдаемости: одни даны нам в непосредственном чувственном восприятии (посредством слуха для устного языка и зрения для письменного), другие – более опосредованно, причем степень такой непосредственности / опосредованности представляет собой шкалу, а не двоичный признак. В дальнейшем примеры будут браться из письменной манифестации языка. В этой последней нам непосредственно даны, скажем, буквы (аналоги звуков и фонем), знаки препинания (аналоги пауз, интонаций), отрезки текста между пробелами и эквивалентными им разделителями, в большинстве случаев представляющие собой словоформы языка. Уже менее непосредственно даны нам морфы (значащие элементы словоформ) и синтагмы: для их идентификации требуется определенная аналитическая работа. Еще менее непосредственно даны нам смыслы языковых выражений, не имеющие в самом тексте никаких эксплицитных аналогов (следует различать языковое выражение и его смысл, показатель некоторого значения и само это значение).

Для задания языковых единиц в лингвистике используются определенные конструкты, записываемые с помощью определенных обозначений (последние могут образовывать систему, а могут употребляться вне таковой). Степень соотносимости таких обозначений с реальными языковыми объектами зависит от наблюдаемости этих последних. Скажем, для букв, морфов и словоформ такая соотносимость максимальна – можно непосредственно указать на букву, морф или словоформу в тексте; для смыслов же о соотносимости с конкретными языковыми объектами говорить затруднительно, поскольку сами смыслы нам в тексте непосредственно не даны – они суть объекты нашего сознания. (Собственно, с помощью языка передается не сама действительность, а ее отражение в нашем сознании.)

В этом и состоит специфика единиц плана содержания в естественном языке. На концептуальной шкале «определенность – неопределенность» смыслы находятся на крайнем полюсе неопределенности – в сопоставлении с другими лингвистическими объектами. Это проявляется в том, что по поводу смыслов одних и тех же языковых выражений или смыслового соотношения разных противопоставляемых выражений разные носители языка (и разные лингвисты, что еще более парадоксально) высказывают подчас существенно разные, порой полярно противоположные, суждения.

Языковое чье-либочество нестабильно, у разных людей оно разное; даже у одного и того же человека в разные периоды жизни относительно сходных феноменов могут быть различные суждения. По поводу приемлемости / неприемлемости одних и тех же выражений, их синонимичности / несинонимичности или смысловой близости высказываются подчас взаимно противоречивые суждения. Речь идет, разумеется, не об очевидных случаях, когда колебаний и расхождения мнений у носителей языка нет, но такие случаи для исследования обычно не интересны. Здесь имеются в виду случаи колебаний и неуверенных суждений.

Примеры подобных колебаний и неточных суждений о семантике родного языка встречаются в изобилии в лингвистической литературе; многочисленные примеры такого рода можно найти в моих работах [Перцов 2006а; 2006б], где соотносятся суждения лингвистов о фактах русского языка и данные об этих фактах, взятые из сайта Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Я воспроизведу несколько таких соотнесений, взятых из второй работы (и отсутствующих в первой), а также приведу новый материал.

В книге [ЯКМСЛ: 426] считается неприемлемым (дается под звездочкой) выражение *унижать свое достоинство*; в НКРЯ обнаружилось 7 примеров фраз с этим вы-

ражением: <...> причина, заставляющая женщин унизить свое достоинство, кроется в социальной неустроенности общества (Столица, 1997.05.27). В той же книге отвергаются как неприемлемые выражения совсем <совершенно> неразумный <неблагородный> [ЯКМСЛ: 502]; поиск по НКРЯ дал 5 фраз с такими выражениями: Через много лет вы поймете, что это была совсем неразумная идея <...> (А. Солженицын); Экономически идея использования трех или четырех моторов за уик-энд совершенно неразумна (Формула, 2002.06.15).

В статье [Труб 2006: 71] в следующих парах выражений первое – слева от тильды – отвергается, а второе считается приемлемым: *длинные глаза* ~ *продолговатые глаза*, *длинное лицо* ~ *продолговое лицо*, *толстая грудь* ~ *пышная грудь*, *маленькие зубы* ~ *мелкие зубы*, *тонкие колени* ~ *острые колени*; в НКРЯ же все первые члены этих пар представлены реальными фразами, причем в случае первых двух пар первые члены представлены большим количеством контекстов, нежели вторые: *Глеб вздрогнул: его длинные глаза какое-то время словно проверяли что-то во мне, ранее подвергавшееся сомнению* (Е. Маркова); *У нее длинное лицо с хорошо выраженным подбородком* <...> (Н. Крыщук); *Прораб погладил себя по толстой груди с просалеными орденскими ленточками* <...> (В. Гроссман); *Вон у тебя какие клыки, а у меня маленькие зубы* (К. Сергиенко); <...> *тонкими коленями обхватила бочонок с натянутой на него пергаментно сухой кожей* <...> (Д. Рубина).

В [Апресян 2001: 16] об употреблении союза *когда* в условном значении говорится, что «предложения с условным *когда* требуют постановки *сказуемого* и в главном, и в придаточном предложении в форму непрошедшего времени» – со ссылкой на Академическую грамматику 1960 г., из чего делается вывод о том, что допускаемая некоторыми филологами (в том числе автором этих строк) возможность трактовать в условном смысле союз *когда* в начале «Евгения Онегина» – «Когда не вшутку занемогъ» (цитирую по последнему прижизненному изданию «Онегина») – неправомерна. Надо сказать, в современном языке союз *когда* в условном значении без сопровождающей частицы *бы* в стилистически неотмеченных контекстах практически не употребляется, поэтому опираться на наше языковое чутье относительно условного значения этого союза и на данные из Академической грамматики следует с предельной осторожностью. Для меня семантическая подсказка указанного ограничения непонятна: ведь вполне допустимо употребление *если* в контексте прошедшего времени (*Если он пришел поздно, они не выполнили нашего задания*). И на самом деле это ограничение не соблюдается в «Птичке» Пушкина: «<...> За что на Бога мне роптать, / Когда хоть одному творенью / Я мог свободу даровать!» (причем в «Словаре языка Пушкина» в перечне употреблений *когда*, завершающем данную словарную статью, этот пример как раз и значится под «условным» значением [СЯП: 343]).

«Хрупкость» языкового чутья человека можно демонстрировать на многочисленных примерах неточных суждений лингвистов относительно семантики языковых выражений. В статье [Добровольский 2007: 47] глаголами с «агентивно-переходной семантикой» считаются такие, которые интерпретируются «как обозначающие действия, каузируемые активной сущностью⁵ (не обязательно Агенсом в точном смысле) и направленные на объект (как правило, Пациент или Тема)». Далес затрудненность образования пассива для идиом *намылить голову* (кому-л.) и *накрутить хвост* (кому-л.) объясняется тем, что «соответствующие идиомы, взятые в их буквальном значении, не могут быть естественным образом прочитаны как словосочетания с агентивно-переходной семантикой» [Там же: 48]. Здесь не вполне ясно, как определяется агентивная переходность словосочетаний (ведь выше говорилось об агентивной переходности глагольных лексем, а не словосочетаний), но можно домыслить, что глагол в таком словосочетании должен быть агентивно-переходным и что обозначаемое им

⁵ В подлиннике опечатка: «<...> обозначающие действия, каузируемого активной сущностью».

действие должно быть направлено на его прямое дополнение. Но это же как раз и выполняется для обоих указанных словосочетаний, понимаемых буквально, а не как идиомы!

Выразительным примером расхождения оценок приемлемости / неприемлемости языковых выражений может служить разнообразие мнений разных информантов относительно фраз с возвратными глагольными формами совершенного вида, интерпретируемыми в пассивном смысле – типа *Тираж книги быстро раскупится публикой* [Перцов 2003]. Верно, что такие глагольные формы в речи (особенно в письменной) малоупотребительны и маргинальны: в большинстве случаев фразы, конструируемые с такими формами (типа **Книга написалась Иваном*), выглядят плохо. Однако в реальных текстах и в звучащей речи такие формы встречаются, и категорично изгонять их из языка (как случается в отечественных грамматиках и исследованиях) неправомерно. Природа маргинальности возвратного перфективного пассива (ВПП) в русском языке не выявлена, выглядит загадочно (ВПП для определенных коммуникативных целей весьма удобен: он компактнее аналитического пассива, подчеркивает акциональность предиката, тогда как аналитический пассив скорее результивен). Для нашей темы существенно то, что относительно реальных фраз с ВПП разброс оценок степени их приемлемости среди информантов весьма велик; на положительную / отрицательную оценку влияют разные факторы: непрошедшее / прошедшее время глагола, отсутствие / наличие агента в творительном падеже, наличие / отсутствие обстоятельства при глаголе. Сошлись на данные предпринятое мной опроса информантов, приведенные в [Перцов 2003: 45]: 13-ти информантам были предложены фразы: (1) *Мы хотим знать, раскупаются ли имеющиеся печатные экземпляры теми, у кого есть рукописи*; (2) *Мы передали подсчеты компьютерной программе – и смета составилась за какие-нибудь четверть часа*; (3) *Смета составилась программой всего лишь за четверть часа*; фразу (1) признали приемлемой 11 респондентов, неприемлемой – 2; для фразы (2) соответствующая пара чисел – 7 и 6, для фразы (3) – 3 и 10. Все это говорит о неустойчивости данного грамматического явления в русском языке, но неустойчивость не означает отсутствия.

Приведенный материал показывает, что языковая интроспекция исследователя как носителя языка не является абсолютно надежным инструментом, и ее необходимо верифицировать посредством обращения к корпусам и к опросу информантов. Здесь мы наблюдаем нечто парадоксальное: исследователь, нацеленный на языковое поведение той или иной языковой единицы, мысленным взором охватывающий ее возможные употребления, нередко оказывается в плена собственного языкового чутья и за деревьями частных употреблений не видит всего леса. Иногда суждения разных информантов по поводу тех или иных фраз расходятся существенным образом. В таких случаях исследователю нужно по возможности отрешаться от собственных языковых представлений и обращаться к речевой реальности, которую в изобилии предоставляет корпус. Опора только на интроспекцию аналогична опоре только на наши органы чувств при установлении числовых данных в случае измерения расстояния, силы звука и т. п. без привлечения аппаратуры, дающей точные данные. Полагаю, что в естественно-научной области столь существенной зависимости утверждений исследователя от его интроспекции нет.

4. НЕДООПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПОНЯТИЙ ЛИНГВИСТИКИ

В лингвистике второй половины XX века значительные усилия были сосредоточены на уточнении традиционных понятий, т. е. на металингвистической проблематике. Рассмотрим вопрос о том, как соотносятся лингвистические понятия с языковой реальностью.

В разных лингвистических концепциях и сочинениях одни и те же понятия могут пониматься по-разному; в этом отношении лингвистическая теория существенно отличается от теорий естественных наук, в которых степень разнобоя в трактовке ос-

новных понятий значительно меньше. Традиционные грамматические представления, с которыми оперирует лингвистическая теория, допускают «некоторый элемент неопределенности» [Зализняк 1973: 54], чем затрудняется «построение формализованных аналогов этих понятий, т.е. их моделирование» [Там же]. Кроме того, весьма распространены случаи, когда «традиционное грамматическое представление в действительности не едино, а допускает несколько вариантов понимания» [Там же]. Подобное разнообразие пониманий обиходных терминов в лингвистике встречается гораздо чаще, нежели в естественных науках, и так же гораздо более значителен в лингвистике теоретический «зазор» между формализованными аналогами понятий и реальной совокупностью подводимых под них объектов. Подобный «зазор» обычно проявляется тогда, когда строится такой формализованный аналог понятия, который ориентирован на языковой универсум или на достаточно представительную его часть, а не на какой-либо один конкретный язык.

Это хорошо демонстрирует опыт И.А. Мельчука, создавшего в пяти объемных томах наиболее значительную из известных мне в лингвистике формализованных концептуальных систем – в данном случае для понятий общей морфологии⁶. По словам самого Мельчука, он опирался в своем построении четкой формализованной системы понятий на математический трактат Н. Бурбаки; его система построена строго иерархично – от совокупности неопределяемых исходных понятий к более сложным, которые последовательно определяются через исходные или уже определенные ранее. Соблюдаются обязательные логические условия построения дедуктивно-аксиоматической системы – в том духе, как такие системы строятся в математике. При всех несомненных выдающихся достоинствах системы Мельчука между трактовкой в ней тех или иных традиционных понятий и их трактовкой в разного рода грамматических описаниях обнаруживаются подчас существенные расхождения. Подобные расхождения, думается, неизбежны для любой строгой аксиоматической системы лингвистических понятий, ориентированной на языковой универсум.

Рассмотрим один частный случай. Центральным в морфологии является понятие словоформы (морфология, собственно, имеет своим предметом словоформы, взятые под грамматическим углом зрения). В определении словоформы по Мельчуку [1997: 176] существенно свойство достаточно высокой степени автономности, которым словоформа должна обладать; критерии автономности определяются у Мельчука до определения словоформы. Так вот, такая единица русского языка, как фамильярно-побудительная частица *-ка* (*Поди-ка ты сюда, побудь-ка ты со мной!* – Пушкин), трактуемая в большинстве словарей и грамматик как слово, с точки зрения критериев автономности Мельчука предстает как аффикс [Перцов 1996а: 377–378]. Должен сказать, что, знакомясь летом 1996 г. в машинописи с моей только что упомянутой статьей о частице *-ка*, И.А. Мельчук сначала согласился с предложенной мной трактовкой этой частицы как аффикса, а затем, по некотором размышлении, ее отверг, сказав, что нужно либо внести коррективы в его определение словоформы (к тому времени уже обнародованное во французском варианте книги), либо заняться поиском некорректностей в моем обосновании неавтономности *-ка*; ни того ни другого Мельчук с тех пор, насколько мне известно, не сделал. В данном случае интуитивные представления самого исследователя, относящиеся к конкретной языковой единице, отличаются от того статуса последней, которым ее наделяет формальное определение, сконструированное самим же исследователем.

Существенные расхождения между формальным аналогом понятия и его трактовкой у разных исследователей в лингвистике весьма обычны. Полагаю, что в области естественных наук такое имеет место значительно реже. Это обусловлено принципи-

⁶ Перевод монографии Мельчука, написанной по-французски, на русский язык выходил в течение десяти лет между 1997 и 2006 годами; для настоящего изложения существенен первый том [Мельчук 1997].

альным различием между предметами лингвистики и предметами естественных наук. Первые существенно связаны с (лингвистическим) сознанием человека, порождены им; осмысливая их, человек вынужден прибегать к интроспекции, помимо наблюдения за поведением объектов в речевых последовательностях; вторые внеположны человеческому сознанию и подлежат преимущественно независимому от него наблюдению. При осмыслении первых человек привносит гораздо большую степень субъективности, чем при осмыслении вторых.

Разумеется, из большей субъективности лингвистических понятий вовсе не следует, что их формальные аналоги не нужны. Нет, такие аналоги бывают весьма полезны: сопоставляя данные, вытекающие из формального аналога, с языковой реальностью, со случаями несовпадения первых со второй и с трактовкой понятия в других концепциях, исследователь может достигать более глубокого понимания сути явления. Лингвисту, формализующему традиционное понятие, следует лишь отдавать себе отчет в том общем онтологическом «зазоре» между моделью и реальностью, который для гуманитарных наук гораздо более значителен, чем для естественных. Повторяю: это объясняется кардинальной «гуманитарной» спецификой объектов первых в сопоставлении с объектами вторых.

5. РАСХОЖДЕНИЕ МЕЖДУ ДИСКРЕТНОСТЬЮ ИНСТРУМЕНТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ И КОНТИНУАЛЬНОСТЬЮ СМЫСЛА

Большинство языковых значимых единиц неоднозначны. Мы наблюдаем, что в разных случаях употребления языковая единица может означать разное, при этом между ее разными значениями мы интуитивным образом нередко усматриваем некую общность. Такова эмпирическая реальность. Чтобы дать научное отображение этой реальности, для неоднозначной языковой единицы постулируется некое множество отдельных подзначений, указываются связи между последними; подзначения объединяются в подмножества, формулируются толкования подзначений, часто ограничиваемые некоторыми особыми соглашениями. Иногда при этом заявляется, что для толкований используется особый метаязык, причем явное строгое задание такого метаязыка (словаря и правил образования), как правило, отсутствует.

План содержания большинства слов естественного языка представляет собой континuum, лингвистика же вынуждена описывать его дискретными средствами, иных у нее нет (в отличие от естественных наук). В составе содержательного континуума лингвистика выделяет для языковой единицы определенные «точки», соответствующие ее отдельным значениям; однако бывают случаи, когда в реальном контексте у единицы реализуется более одного из выделенных значений, или некое «промежуточное» значение, или некое новое значение, не совпадающее ни с одним из выделенных. (Особенно характерно такое нестандартное поведение языковых единиц в поэтическом языке – я разумею не только язык поэзии, но вообще употребление языка в поэтической функции по Якобсону.) Такие случаи не часты, но они есть. Было бы ошибкой просто списывать слабый учет таких феноменов в лингвистических описаниях на дефекты этих последних – дело коренится в самой континуальной природе естественноязыкового смысла, и наши дискретные описания представляют собой не что иное, как весьма несовершенный способ его моделирования.

Соотнося содержание реального употребления слова с содержанием, отраженным в каком-либо научном описании или словаре, мы опираемся на собственное языковое чутье, разное у разных носителей языка. Мы обращаемся к нему и спрашиваем себя, адекватно ли описание значения слова нашему представлению о нем, все ли компоненты значения в описании мы принимаем, нет ли в описании лишних компонентов, т.е. мы соотносим разбиение слова на отдельные значения и эти отдельные значения, данные нам в дискретном описании содержания слова, с недискретным представлением смысла слова в нашем лингвистическом сознании. При этом мы производим определенную аналитическую работу: расчленяем это недискретное представление в со-

знания на области, соответствующие значениям, проверяем себя с помощью текстовой реальности, опрашиваем других носителей языка – однако во всех случаях наша аналитическая работа приводит к дискретному объекту, призванному моделировать недискретное представление о слове, наличествующее в сознании носителя языка, который интуитивно владеет смыслом языковых выражений и непринужденно их употребляет.

Мне представляется, что указанная глубина расхождения между характером инструментов описания и неопределенностью, «идеальностью» объекта описания, свойственная лингвистической семантике (и филологии в широком смысле, а стало быть – вообще гуманитарной области человеческого знания), области естественных наук не свойственна.

6. СКРОМНЫЙ УРОВЕНЬ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ЛИНГВИСТИКЕ

В этом разделе речь пойдет о моделировании интеллектуальной деятельности человека, конкретно – о компьютерном моделировании его языковой способности. Опыт такого моделирования уже насчитывает более полувека, однако успехи в этой области весьма скромны. Далее речь пойдет лишь об отечественной компьютерной лингвистике. К настоящему времени можно говорить о достаточно весомых ее достижениях только в области моделирования словоизменения, т.е. в области построения компьютерных процессоров, успешно анализирующих и синтезирующих словоформы и оперирующих только с лексемами и их словоизменительными характеристиками. Продвинутым положением в этой области отечественная компьютерная лингвистика в значительной мере обязана «Грамматическому словарю» А.А. Зализняка [1977]. Более глубинные ярусы языка – словообразование, синтаксис и семантика – моделируются с гораздо меньшим успехом. В этих областях мы не располагаем ничем аналогичным упомянутому словарю. Для словообразования в качестве аналога к словарю Зализняка можно мыслить такой, в котором для каждой входной единицы сообщалась бы информация, позволяющая автоматически построить совокупность словообразовательных дериватов от этой единицы, а в случае словообразовательной неэлементарности единицы – исходную для нее единицу (или единицы в случае сложного слова). Что касается синтаксиса и семантики, для них функциональная нагрузка соответствующих словарей ясна не столь четко.

Отечественная компьютерная лингвистика не располагает пока достаточно интеллектуальными словообразовательными, синтаксическими и семантическими процессорами, анализирующими или синтезирующими естественно-языковые тексты, т.е. такими процессорами, результаты работы которых достаточно хорошо моделировали бы языковую компетенцию человека, приближались бы по своему качеству к продуктам его языковой деятельности. Таково положение дел – несмотря на те значительные интеллектуальные усилия со стороны лингвистов и программистов, которые за протекшие несколько десятилетий были вложены в область компьютерной лингвистики и автоматической обработки текстов. Парадоксальным образом системы автоматической обработки текстов, пользующиеся весьма скромными лингвистическими средствами и делающие упор на чисто инженерных решениях, нередко достигают гораздо более значительных коммерческих успехов и находят гораздо большее применение у конечных пользователей, чем системы, оснащенные сложным лингвистическим аппаратом.

В этом отношении показательна судьба системы автоматического перевода ЭТАП, начало разработки которой под руководством Ю.Д. Апресяна относится к 1970-м годам в институте «Информэлектро», а продолжение – к осени 1985 г. и последующему времени в Институте проблем передачи информации РАН⁷. Лингвистическое обеспе-

⁷ В течение 10 лет в разработке этой системы участвовал автор этих строк.

чение системы разрабатывалось группой лингвистов, вооруженных достаточно основательной математической подготовкой (в основном это были выпускники отделений вузов, сочетающих лингвистическое и математическое образование); оно отличалось (и отличается) необычайным богатством и изощренностью; оно было основано на теории моделей «Смысл – Текст» И.А. Мельчука и мыслилось как практическая реализация этой теории. Тем не менее, несмотря на сильную группу разработчиков, система ЭТАП не добилась сколько-нибудь крупных успехов в деле моделирования перевода, сопоставимого по качеству с человеческим, и не получила распространения среди конечных пользователей; в коммерческом отношении ее превзошла, скажем, петербургская система многоязычного автоматического перевода ПРОМТ, опирающаяся в основном на чисто инженерные решения, а не на глубокую лингвистику (при том что качество переводов ПРОМТ'а тоже оставляет желать лучшего, т. е. нельзя сказать, что ПРОМТ по-настоящему моделирует переводческую компетенцию человека).

Таким образом, в отношении моделирования исследуемых объектов лингвистика остается далеко позади естественных наук, в которых искусственно воспроизводятся не только процессы неживой природы, но и биологические процессы (достаточно вспомнить об опытах клонирования живых организмов). Тем более это относится к моделированию гуманитарной компетенции человека более глубокого уровня: компьютеры не умеют создавать высококачественные произведения искусства, роботы – ваять выдающиеся скульптуры, и т.п., и вряд ли когда-либо они научатся делать это столь же хорошо, как человек – превосходство человека в этом отношении над создаваемыми им «гуманитарными» конструктами, может быть, большое благо. Результаты моделирования отличаются от моделируемых объектов в гуманитарной области гораздо больше, чем в области естественных наук.

Выше примеры неточности научного описания были ограничены сферой лингвистики (общей или компьютерной). В следующих двух разделах обратимся к другим областям филологии⁸ – стиховедению и текстологии.

7. ТРУДНОСТИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕТРА В СТИХОВЕДЕНИИ

Трудности, встающие перед филологией при определении внешне ясного явления текста, ярко проявляются при попытке уточнения такого понятия поэтики, как ямб. М.И. Шапир, опираясь на определение 4-стопного ямба, предложенное в начале 1960-х гг. А.Н. Колмогоровым, и давая равнозначную этому определению формулировку – «<...> строка называется ямбической, если ударения неодносложных фонетических слов в ней падают на четные слоги» [Шапир: 48/881], – далее демонстрирует ее неадекватность, приводя, во-первых, примеры поэтических строк, удовлетворяющих данной формулировке, но реально взятых из 3-стопных амфибрахиев Пастернака (*Уюта и авторитета*; *Воспользовавшись темнотой*; *Озябнувшие москвичи* и др.), и, во-вторых, примеры таких строк с переакцентуацией, которые хотя и не удовлетворяют данной формулировке, но, окруженные ямбическими строками, на их фоне воспринимаются тоже как таковые: *Исполни сердце твоим жаром* (Радищев); *Почто, почто в битве кровавой, / Летая гордо на коне, / Не встретил смерти под Полтавой?* (Рылеев); *Дымно-легко, мглисто-лилейно* (Тютчев); *Плещется море мерно, глухо* (Г. Иванов); *За ужином сидят, – похороны, не ужин!* (Цветаева). В связи с указанными трудностями Шапир отказывается от попыток дать ямбу «по-настоящему строгое и универсальное» определение [Шапир: 52/885] и полагает, что любые попытки

⁸ Напоминаю, что в рамках этой работы я позволяю себе филологию трактовать как всю область гуманитарного знания, изучающую выражение смыслов на естественном языке.

такого рода не могут быть успешными. Мне представляется, что в данном случае не следует быть столь категоричным.

Исправить недостатки приведенной Шапиром формулировки относительно строк, укладывающихся и в ямб, и в амфибрахий, можно довольно легко – для этого входную часть дефиниции – «Строка называется ямбической» – можно заменить на другую: «Строка укладывается в ямб». Так же можно поступить в случае определения любого метра, и тогда относительно конкретного отрезка текста, даже взятого вне контекста, мы можем делать осторожное утверждение о его метрической стиховой характеристики, каковой могут обладать и отрезки прозы. Например, относительно знаменитого Пушкинского афоризма из «Путешествия в Арзрум» *Мы ленивы и нелюбопытны* можно сказать, что он укладывается в 5-стопный хорей, с одной стороны, и в 3-стопный анапест, с другой (это одно из свойств, объясняющих необычайную притягательность и поэтическое обаяние этого афоризма) – при том что эта фраза входит в состав прозы и является прозой.

Сложнее обстоит дело с переакцентуированными строками (далее сокращенно буду именовать их п-строками, а нарушающие ритм метра фонетические слова – п-словами). Дело в том, что здесь нет единства мнений относительно их метрической характеристики: одни исследователи (как М.И. Шапир, к которому я присоединяюсь) многие такие строки считают представителями того же метра, что и стихотворное окружение, а другие считают их отклоняющимися от этого метра; тем самым для сторонников второй точки зрения 8 п-строк в оде Радищева «Вольность» (их там около 2%), приведенные в статье Шапира, не являются 4-стопно-ямбическими, как другие строки в этой оде [Шапир: 50/883]⁹. Сторонники второй точки зрения говорят просто: среди стереотипных строк некоторого метра могут встречаться отклонения от него, не подрывающие общего строгого определения этого метра. По-видимому, именно это имеет в виду А.В. Гладкий, когда, сказав о том, что «продемонстрировать выполнение закона “в чистом виде” чаще всего невозможно» и сочувственно процитировав Иннокентия Анненского, упрекавшего учебники его времени за неспособность выбраться «из путаницы ямбов и хореев», он заявляет: «Нечто подобное, несмотря на то, что за сто лет в русском стиховедении было сделано очень много, мы видим и в статье М.И. Шапира с тем различием, что он приводит в подтверждение результаты подсчетов. Но подсчеты <...> не имеют смысла, если не определено точно, что нужно считать» [Гладкий 2007: 35–36].

Отступление. Следует сказать с полной определенностью о явной несправедливости этого жесткого упрека. Во-первых, в отношении ямба числовые данные, приводимые Шапиром, касаются ровно трех произведений – оды «Вольность» Радищева, раннего стихотворения Георгия Иванова и пьесы Цветаевой «Приключение» [Шапир: 50–51/883–884, 898 примеч. 21], и во всех трех случаях подсчитываемые объекты определены абсолютно точно – это п-строки среди строк ямба (4- или 5-стопного). Во-вторых, как ясно из предшествующего изложения в настоящем разделе, анализируя определение 4-стопного ямба, Шапир отнюдь не ограничивается приведением подсчетов, а в высшей степени содержательно демонстрирует случаи таких строк в ямбическом окружении, которые не укладываются в строгое определение ямба, но при этом не воспринимаются как диссонанс; затем Шапир излагает свое понимание ямба [Шапир: 51–52/885], не претендуя при этом на математическую строгость. Так что никакой «путаницы» в научных построениях Шапира нет: они предельно ясны и четки.

Займемся все же строками с переакцентуацией, нарушающими «закон» 4-стопного ямба – как следует их трактовать? Вывести их из разряда ямбических нетрудно, однако это не решит проблемы их соотношения с ямбическим окружением и квалифика-

⁹ Надо сказать, подобный разнобой оценок и характеристик по поводу ясно наблюдаемых объектов весьма характерен вообще для филологии; в естественно-научных областях такое имеет место значительно реже.

ции восприятия таких «дефектных» строк на фоне этого окружения. Дело в том, что строки, нарушающие стереотип ямба, по-разному воспринимаются с точки зрения степени отклонения от этого стереотипа (по крайней мере, так неодинаково воспринимает их – вслед за Шапиром – автор этих строк). Одни не создают впечатления резкого отклонения, сохраняют некое метрическое единство с их окружением – как приведенные выше примеры п-строк; такие строки воспринимаются как достаточно близкие к нормальному ямбу, и их можно назвать в рабочем порядке «квазиямбическими». Другие же строки в нашем восприятии отклоняются от окружения самым кардинальным образом. Два примера явления этого последнего рода даются в статье Шапира – это строки 4-я и 17-я из «Silentium!» Тютчева – *Встают и заходят оне и Дневные разгонят лучи*: они «могут осмысляться как 3-стопный амфибрахий, а все стихотворение – как переходная форма от 4-стопного ямба к микрополиметрии <...>» [Шапир: 49 примеч. 18/897 примеч. 18].

Можно ли формально эксплицировать неодинаковый «психопоэтический» статус строк, нарушающих ямбический стереотип, т.е. строго выделить среди последних квазиямбические, а для произвольного метра вообще – среди «нестереотипных» строк «квазиметрические»? Дело осложняется тем, что, подобно случаям неопределенности, неуверенности, колебаний суждений о языковых выражениях, рассмотренным в разделе 3, мы сталкиваемся здесь с аналогичным феноменом: квалификация той или иной строки в некотором метрическом окружении как квазиметрической или чужеродной данному метру может быть разной у разных информантов – или же информант может испытывать неуверенность в своем восприятии данной строки при ее квалификации. В данном случае мы вступаем в область психологии восприятия стиха, очень мало разработанной в стиховедении, которую можно было бы – по аналогии с психолингвистикой – назвать «психопоэтикой»¹⁰. Ввиду слабой разработанности «психопоэтики» высказывать сколько-нибудь уверенные суждения в этой области было бы рискованно; нужно проверять такие суждения с помощью опроса информантов, возможно, с помощью некоторых специально разработанных «психопоэтических» экспериментов. Можно лишь высказывать гипотезы.

Рискну предложить эскиз для формальной экспликации пяти силлабо-тонических метров¹¹. Для них стереотип можно попытаться задать – в духе формулировки Шапира для ямба [Шапир: 48/881] – с помощью следующих двух рабочих дефиниций – одна для двух 2-сложных метров, вторая для трех 3-сложных:

- отрезок текста (или отдельный короткий текст) укладывается в хорей / в ямб, если ударения неодносложных фонетических слов в нем падают на нечетные / четные слоги, соответственно (при этом, если этот отрезок состоит только из односложных фонетических слов, число слогов в нем нечетно / четно, соответственно);
- отрезок текста (или отдельный короткий текст) укладывается в дактиль / в амфибрахий / в анапест, если для любого неодносложного фонетического слова в его составе (a) ударение в нем падает на слог с номером вида $3n + 1/3n + 2/3m$, $n \geq 0$, $m \geq 1$, соответственно, или (b) никакой его неударный слог не находится на слог с номером указанного вида (при этом, если все фонетические слова в таком отрезке, кроме, возможно, последнего, являются односложными или двусложными, то номер последнего ударного слога в нем имеет для соответствующего метра указанный выше вид).

¹⁰ Возможно, иные стиховеды считут, что это вообще выходит за пределы стиховедения как такового.

¹¹ При этом для трехсложных размеров я опираюсь на общую формулировку «ритма русской силлаботоники», предложенную М.Л. Гаспаровым [1984: 176].

Необходимо прокомментировать дополнительные условия в этих определениях, данные в круглых скобках. Эти условия, носящие чисто технический характер, предусматривают случаи редких, но теоретически допустимых речевых отрезков с короткими ударными фонетическими словами: для таких отрезков технические условия запрещают интуитивно неадекватное (по крайне мере для автора этих строк) «укладывание» в два метра одной и той же «слоговости». Так, без такого условия в первой формулировке все последовательности односложных ударных фонетических слов – например *Внук спал, сын пил, брат ел, дед шил* – укладывались бы и в хорей и в ямб, тогда как в случае приведенного отрезка – с четным последним ударным слогом, дающим полноценную ямбическую стопу, – естественно причислить его к 4-стопному ямбу. Если присоединить к нему ударный моносиллаб – например *Внук спал, сын пил, брат ел, дед шил там* – с четным последним ударным слогом, дающим усеченную хореическую стопу, полученный отрезок уложится в пятистопный хорей (правда, весьма громоздкий и неуклюжий). Что касается трехсложных размеров, отрезки с короткими ударными фонетическими словами, удовлетворяющие одновременно для двух таких метров условиям (а) и (б), еще более редки, однако не исключены. Например, такова фраза *Внук плакал, сын прыгал, дед резал*: будучи на слух 3-стопно-амфибрахической, она удовлетворяет условиям (а) и (б) еще и для дактиля, и ее можно превратить в дактиль (хотя и несколько вымученный), «нарастив» стопу с ударным первым слогом: *Внук плакал, сын прыгал, дед резал тщательно <быстро>*. Дополнительное же условие во второй формулировке безоговорочно относит первую фразу к амфибрахию, а вторую – к дактилю.

В силу предложенных формулировок строка может укладываться в 2-сложный и в 3-сложный размер одновременно; скажем, стих *И кланялся непринужденно* укладывается и в 4-стопный ямб, и в 3-стопный амфибрахий, а прозаический фрагмент *Мы ленивы и нелюбопытны* – и в 5-стопный хорей, и в 3-стопный анапест, как уже было указано. Стока не может укладываться одновременно в два метра одной и той же «слоговости» (что ясно из данного выше комментария к дополнительным условиям): ямб и хорей, с одной стороны, и дактиль, амфибрахий и анапест, с другой, взаимно исключают друг друга. Для любой же из шести пар «2-сложный метр, 3-сложный метр» можно подобрать текстовые фрагменты, укладывающиеся в каждый из компонентов пары¹².

Эти дефиниции, задавая для каждого метра его стереотип, исключают из соответствующего метра п-строки. Для 2-сложных размеров примеры п-строк были приведены выше – из статьи Шапира; п-строки для 3-сложного размера дает вторая «Молитва», Лермонтова, в которой из 16-ти строк 4 являются п-строками¹³: «Пред твоим образом, ярким сиянием»; «За душу странника в свете безродного; «Но я вручить хочу деву невинную»; «Окружи счастием душу достойную». Всматриваясь и вслушиваясь в свой «поэтический идиолект», все п-строки для 4-стопного ямба, приведенные в статье Шапира, и все п-строки из «Молитвы» для 4-стопного дактиля я отношу к квазиметрическим: для меня они резко не отклоняются от их метрического окружения; при этом я отдаю себе отчет в том, что кто-то другой может воспринимать п-строки по-другому.

Теперь можно попробовать частично объяснить различие в восприятии п-строк: те из них, которые укладываются в какой-либо другой метр, отличный от метра окружения, воспринимаются как резко отклоняющиеся от этого метра. Поэтому, скажем, строка Тютчева *Встают и заходят оне* выглядит инородно на фоне 4-стопно-ямбического окружения, а строка Рылеева *Почто, почто в битве кровавой* так не выгля-

¹² Можно предложить достаточное условие для такого «двойного» укладывания. С каждым метром соотносится определенное «иктовое множество» номеров, т.е. множество номеров слогов-иктов: для ямба – четные числа, для хорея нечетные, для дактиля – {1, 4, 7, ...}, для амфибрахия – {2, 5, 8, ...}, для анапеста – {3, 6, 9, ...}. Для того чтобы некий текстовый фрагмент укладывался в одновременно в два метра, достаточно, чтобы множество номеров ударных слогов в нем вкладывалось в пересечение иктовых множеств этих метров.

¹³ В приводимых п-строках из «Молитвы» п-слова выделены.

дит – или же не столь явно инородна: первая строка укладывается в 3-стопный амфибрахий, а вторая не укладывается ни в какой 3-сложный размер.

Итак, выше было предложено формальное определение классических силлабо-тонических метров, которое позволяет изъять из общей совокупности мыслимых п-строк те строки, которые явным образом воспринимаются как инородные в их метрическом окружении. Тогда возникает естественный вопрос: все ли оставшиеся после такого изъятия строки воспринимаются как «гомогенные» их окружению, т.е. как квазиметрические? – Ответ, с точки зрения моего стихового чутья, отрицателен. Чтобы продемонстрировать это чутье, мне достаточно преобразовать те приведенные Шапиром примеры, в которых п-слова стоят не в начале строки, заменив их на словоформы с большим числом слогов. Так, п-строка Радищева *Исполни сердце твоим жаром* мной воспринимается как квазиямбическая на фоне 4-стопного ямба, а вот в искусственно видоизмененном виде – *Исполни дух молодым жаром* или *Исполнись немолодым жаром* – как чужеродная этому размеру. Аналогично для п-строки из «Молитвы» – «**Окружи** счастием душу достойную»: при перемещении в ней первой словоформы вправо – «Счастием **окружи** душу достойную» и «Счастием душу **окружи** достойную» – квазиметричность ослабляется – последняя же строка уже полностью «выбивается» из 4-стопно-дактилического стереотипа. Разумеется, противопоставление гомогенности и чужеродности в этом смысле не бинарно, а представляет собой шкалу; именно такого рода шкалы и должна изучать «психопоэтика».

Покамест я не могу предложить четкую формальную экспликацию для выделения среди п-строк гомогенных квазиметрических¹⁴. Как убедительно показал Шапир относительно ямба, спектр подобных возможных отклонений от стереотипа весьма разнообразен. То нестрогое понимание ямба, которое Шапиром было предложено, пока не поддается формализации, о чем говорит он сам [Шапир: 51–52/885]. Плодотворность проведенного им анализа этого внешне ясного и простого понятия состоит в демонстрации необычайных трудностей его формальной экспликации, охватывающей как стереотипные ямбические строки, так и квазиямбические; покамест стиховедение таким формальным определением ямба (и силлабо-тонических метров вообще) не располагает. Предложенная выше формальная экспликация метров, возможно, несколько продвигает нас в понимании природы метрического стереотипа и степени отклонения от него, но не решает проблему полностью и окончательно – отчасти в силу необходимости проведения «психопоэтических» экспериментов. Идти же столь далеко, как М.И. Шапир, и утверждать принципиальную невозможность построения определения метров, полностью адекватного стиховой реальности, все же, по-видимому, не следует.

8. НАРУШЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНОГО ПРИНЦИПА ТОЧНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕКСТОЛОГИИ

Отмечавшаяся в предшествующих разделах неточность гуманитарно-научного описания и моделирования была связана с самой сложнейшей природой изучаемых объектов, либо явно осознаваемой исследователями, либо вскрываемой в результате более скрупулезного исследования. Полагаю очевидным, что степень сложности объектов гуманитарных наук в общем и целом неизмеримо выше таковой в области естественно-научной.

В настоящем же разделе речь пойдет о научной неточности другого рода – об одном нарушении фундаментального принципа точности научного знания, которое касается положения дел в современной отечественной текстологии.

¹⁴ Возможно, шагом на пути к такой формализации было бы ограничение количества слов в п-слове, стоящем не в начале строки и не сразу после цезуры.

Как было сказано в разделе 1, существенным компонентом содержания прилагательного *точный*, проявляющимся во всех его словарных значениях, является идея соответствия. В этом смысле приходится признать явной «неточностью» воспроизведение текстов, созданных и публиковавшихся ранее в одном режиме правописания, посредством другого, современного, режима.

Такая неточность иногда оправдывается тем, что язык воспроизведенного текста сильно отличается от языка, которым владеют читатели – адресаты воспроизведения; в таких случаях текст представляет собой не воспроизведение, а перевод исходного текста. Например, «Слово о полку Игореве» для массового читателя дается в переводе, а для филолога воспроизводится аутентично. Сложнее обстоит дело в том случае, когда язык текста настолько близок современному языку, что воспринимается нами без труда, как в случае произведений русской классической литературы XIX века.

Со времени второй реформы русской орфографии 1917–1918 г. такие произведения преимущественно издавались и издаются в новом режиме правописания. Следует признать правомерность такого режима для изданий, ориентированных на массового читателя, во всяком случае – на читателя, не озабоченного стремлением познать язык произведения во всех тонкостях. Однако в научном издании изменение режима правописания, т. е. переход на другую семиотическую систему воспроизведения текста, следует признать вопиющей филологической неточностью, вот уже 90 лет по-настоящему не осознаваемой в нашем филологическом сообществе и вообще в нашей культуре. И эта неточность совершенно не связана с тем, что текстологи пренебрегают какими-либо математическими знаниями или методами: думаю, причина здесь состоит просто в инерции, привычке и стремлении к удобству.

Подробная лингвистическая аргументация данного тезиса дана в моих работах [Перцов 2007; 2008]¹⁵, и здесь невозможно воспроизвести ее сколько-нибудь подробно. Отмечу лишь гораздо большую дифференциирующую силу старой русской орфографии, вследствие чего в ней различалась громадная совокупность написаний, ставших в современной орфографии омонимичными: 1) основы лексем, различавшиеся только буквами *e* и *ě* (*лечу* ~ *лѣчу*, *пено* ~ *пѣно*, *сведеніе* ~ *свѣдѣніе*); 2) существительные среднего рода ед. ч. в им./вин. с -*e* vs. в предл. пад. с *ѣ* (*вижу поле* ~ *гулялъ въ полѣ*); 3) прилагательные ед. ч. им./вин. пад. средн. р. с -*ee* vs. сравн. степени с -*ѣe* (*искреннее признание* ~ *его признаніе искреннѣе* ['более искренно'], *чемъ твое*); 4) омофоны *миръ* 'покой' vs. *міръ* 'вселенная' (и их производные); 5) прилагательные мн. ч. женск. vs. мужск. / средн. рода (*двойные фонари* ~ *двойныя рамы* / *окна*); 6) родовые различия местоименных форм мн. ч. *они* ~ *онѣ*, *одни* ~ *однѣ*¹⁶; 7) различие между формами род. и вин. падежа местоимения 3-го лица жен. рода: *ея* ~ *ее* (*её*), *нея* ~ *не* (*неё*); перечень функционально нагруженных особенностей старой орфографии может быть продолжен. При этом в большинстве перечисленных рубрик мы имеем дело не с чистой омофонией, а с орфоэпическими различиями (пусть слабыми и неявными) – по крайней мере, для части идиолектов или для декламационно-ораторского стиля произношения, как свидетельствуют некоторые русские грамматики конца XVIII – первой половины XIX в. Аналогичная функциональная нагруженность наблюдается и в старинной пунктуации, которая была гораздо чувствительнее к интонационно-мелодической стороне речи, нежели современная. Сфера тогдашнего употребления для запятой, точки с запятой, двоеточия, тире лишь пересекается с современной: были ведь

¹⁵ В них я самым существенным образом опирался на текстологические исследования М.И. Шапира второй половины 1990-х–2000-х годов, в которых он ярко и убедительно обосновал тезис о функциональной нагруженности старого русского правописания – в основном на примерах из поэзии Пушкина – и изложил свою текстологическую программу (наиболее полная работа из этой серии – [Шапир 2002а]).

¹⁶ Первые формы были закреплены за мужским родом, вторые за женским; в отношении среднего рода примерно до 1830-х гг. были колебания, но затем за средним родом закрепилось «мужское» *они*.

ма необычные для нас, но функционально нагруженные применения этих знаков препинания, при этом отнюдь не хаотичные, как это силились представить иные текстологи и историки правописания.

Чем же кроме нарушения фундаментального принципа точности в науке можно назвать столь явное пренебрежение функциональной нагруженностью старого правописания при передаче классических литературных текстов в современных академических и прочих научных изданиях, которые по своему изначальному замыслу должны быть ориентированы на читателя-специалиста?

9. РАЗБОР МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ТЕЗИСОВ М.И. ШАПИРА

Теперь мне хотелось бы более подробно рассмотреть критику, которой А.В. Гладкий подверг статью М.И. Шапира. Увы, статья Гладкого продолжает несправедливую тенденцию недооценки и даже принижения, которым ученый подвергался при жизни. В одном месте статьи Гладкий говорит, что попытки Шапира обосновать один из его тезисов¹⁷ «производят тяжелое впечатление» [Гладкий 2007: 29 примеч. 16]. Я же должен сказать, что неточности относительно позиции и отдельных высказываний Шапира в статье Гладкого – при наличии в ней известной доли справедливой критики и нескольких сугубо уважительных высказываний по отношению к покойному ученому – производят на меня впечатление самое грустное.

У меня нет сомнения, что Шапир вполне адекватно воспринял бы критику и согласился бы с рядом замечаний оппонента, если бы статья Гладкого была опубликована при жизни Максима Ильича. Распространенное представление о Шапире как о человеке, нетерпимом ко всякой критике, глубоко ошибочно. Я сужу об этом и по собственным впечатлениям от 11-летнего дружеского общения с Шапиром, и по его ответам на многочисленные критические замечания в печати и публичных дискуссиях; так, отвечая своим критикам, он пишет о своей уверенности в том, что его теория стиха «окажется уязвимой и даже ошибочной, но ошибки в ней надо найти, а не просто от нее отмахнуться» [Шапир 2000: 89]. Несправедливым же нападкам ученый дал бы отпор гораздо успешнее, чем это сделаю я: известно блестящее полемическое мастерство Шапира, от которого его оппонентам зачастую приходилось совсем не сладко. Но это стало невозможным – из-за ранней трагической скоропостижной кончины выдающегося филолога¹⁸ и поздней публикации статьи Гладкого, первый вариант которой был закончен в мае 2006 г. [Гладкий 2007: 29 примеч. 14], еще при жизни Шапира. Теперь «отстаивать его правоту и защищать его идеи от критики» [Там же] предстоит мне, одному из последователей его филологических концепций. При этом отнюдь не во всем я с Шапиром соглашаюсь, о чем ему самому неоднократно говорил.

Я рассмотрю основные тезисы, выдвигаемые в первом разделе статьи Шапира (снабдив их номерами), и по каждому из них высажу свое мнение, обсуждая при этом и реакцию на них Гладкого.

(T1) «<...> “точные методы”, как правило, синоним математических» [Шапир: 44/876].

В таком облике этот тезис, разумеется, неточен: существуют точные методы, лишенные какого бы то ни было математического аппарата; «математичность» предпо-

¹⁷ Тезис (T2) ниже, который я оцениваю как ошибочный.

¹⁸ Это случилось 3 августа 2006 г. на отдыхе в Словении во время вечернего купания в альпийском озере вследствие сердечного приступа. М.И. Шапиру было всего 43 года (три недели оставалось до 44-х) – возраст, который для филолога часто означает время расцвета. О крупных достижениях Шапира на филологической ниве, о колоссальной прижизненной недооценке его вклада в науку и незаурядной личности ученого, о стремлении ее принизить, о несомненном будущем признании Шапира как классика филологии (видимо, еще очень нескором) здесь подробно говорить неуместно – все это отдельные научные и культурологические темы.

лагает «точность», но обратное не обязательно (как это демонстрируется выше в разделе 8). Однако все же трудно не признать того, что математика – это царица наук в отношении точности и строгости рассуждений. Странным образом ни Шапир, ни Гладкий, говоря о точных методах, не прибегают к словам «формализация», «формализованный», «формальный», а между тем соответствующее понятие было бы как нельзя более уместно в данном случае. В самом деле, относительно значения 3 слова «точный» из раздела 1 («конкретный и определенный, предельно полный и верный, не приблизительный, не общий») идеалом точности описания является его формализованность¹⁹. Вспомним, как трактуется понятие «формальный» в книге [Гладкий, Мельчук 1969: 9–10]: формальный – значит «логически последовательный + однозначный + абсолютно явный»; говорится о том, что описание, достигшее достаточно высокой степени формализованности, есть по существу математическое описание. Иными словами, формализованность (почти) приравнивается здесь к математичности. Точность (в значении 3) предполагает возможность формализации, а в большом числе случаев – построение строгой математической модели. Следует также учитывать, что в строгом смысле точные формальные доказательства возможны только тогда, когда утверждению придана математическая форма; поэтому понятие «доказательство» имеет разный статус в математике и в гуманитарных науках – см. [Зализняк 2000: 21]: «У гуманистов же вообще нет возможности что-либо доказать в абсолютном смысле этого слова. Если слово «доказать» и применяется иногда в гуманитарных науках, то лишь в несколько ином, более слабом смысле, чем в математике. Строгого определения для этого “доказательства в слабом смысле”, по-видимому, дать невозможно»²⁰.

Поэтому мне представляется, что слишком серьезного криминала в утверждении Шапира о преимущественно математическом характере точных методов усматривать не приходится. Ведь сорок лет назад сам Гладкий был близок к такому пониманию точного, как показывает обрисованная выше трактовка понятия «формальный» в его совместной с Мельчуком монографии.

(Т2) Для избранной темы «гораздо важнее такое понимание, которое базируется не на “периферийных” областях математики, освоенных в последнее время, а на ее исключительном предмете, каковым, без сомнения, является число» [Шапир: 44/877].

Шапир говорит, что для обсуждения темы точности в гуманитарных науках для него наиболее важны кванитативные области математики. Здесь, разумеется, ему можно вполне резонно возразить, как делает Гладкий, что не следует сбрасывать со счетов и другие ее области, особенно активно развивавшиеся в последние десятилетия и обнаружившие некоторую эффективность в применении к гуманитарной области. Однако позиция Шапира не столь уж безнадежно слаба и в этом аспекте: она может быть поддержана указанием на то, что сам он в своей филологической деятельности в основном опирался на кванитативные методы, а поэтому для суждений об эффективности точных методов в гуманитарных науках он и привлекает кванитативные данные.

¹⁹ Не так обстоит дело относительно значения 1 этого слова ('соответствие действительности'): наука располагает примерами строго формальных, но при этом далеких от реальности построений (как это было в отечественной лингвистике в период «бури и натиска» 1960–1970-х гг.).

²⁰ Тем самым «доказать» в гуманитарных науках примерно синонимично выражению «убедительно обосновать». Вследствие такой неоднозначности слова «доказать» мне представляется нежелательным его употребление (а также производного слова «доказательство») при обсуждении филологических проблем – лучше использовать другие слова: «обосновать», «аргументировать», «подтвердить» или другие близкие по смыслу. Поэтому мне странно читать в статье математика Гладкого следующие слова относительно «ошибочности» «итогового тезиса» Шапира (о неосуществимости «математизированной теории текста как такового» – тезис (Т6) ниже): «<...> я попытаюсь это доказать» [Гладкий 2007: 32].

Существенно в данной связи принять во внимание то обстоятельство, что в самой обсуждаемой статье Шапир – вопреки заявлению в первом разделе о его самоограничении квантитативными методами – далее расширяет диапазон методов и проводит четкий анализ филологического понятия на примере строгого формального определения ямба, демонстрируя затем его неадекватность (это было показано выше, в разделе 7). Удивительно, что Гладкий не обратил внимания на эту противоречивость в построениях Шапира – на мой взгляд, весьма плодотворную в данном конкретном случае, ибо, как показывают последующие разделы статьи Шапира, в своей реальной работе филолога-практика он оказывается отнюдь не замкнут оковами квантитативных методов, а пытается выяснить возможности строгого формального определения понятий филологии в духе построения аксиоматических систем, как это принято в математике.

Грустно читать замечание Гладкого относительно попыток Шапира обосновать тезис (T2): говоря о том, что при этом Шапир опирается на энциклопедические статьи [Колмогоров 1954; Александров 1964], Гладкий упрекает его едва ли не в научных махинациях: «Чтобы извлечь из них, хотя бы с натяжкой, подтверждение своего тезиса, он тщательно подбирает, комбинирует и препарирует цитаты, оставляя без внимания многочисленные и обширные (особенно в статье А.Д. Александрова) разъяснения, которые любого непредубежденного читателя привели бы к выводу о его несостоятельности» [Гладкий 2007: 29 примеч. 16]. В тщательном подборе и комбинировании цитат я не вижу ничего плохого – это обычный способ действий пишущего учесного; а вот их «препарирование», если под ним понимать урезание фраз оригинала с опущением существенных деталей, и «оставление без внимания» существенных разъяснений действительно подлежат осуждению. Но ни того ни другого у Шапира нет: в том абзаце [Шапир: 44–45/876–877], где он дважды ссылается на статью А.Н. Колмогорова – в виде цитаты и в виде лаконичного пересказа – и дважды цитирует А.Д. Александрова, все соответствующие пассажи, хотя и не представляют собой полных фраз, взятых из оригиналов, отнюдь не упускают для обсуждаемой темы ничего существенного, что становится ясным при внимательном сопоставлении их с оригиналами; скатая же формулировка утверждения о главенствующей роли математической статистики в гуманитарном знании четко передает соответствующий фрагмент из статьи Колмогорова и никак его не «препарирует»²¹. В обоих энциклопедических статьях разъяснения относительно неполной сводимости математики к «количественным отношениями и пространственным формам» никоим образом нельзя квалифицировать как «многочисленные и обширные»; но и этот аспект Шапиром отнюдь не упущен: он адекватно, с присущей ему пунктуальностью, с расшифровкой сокращений, цитирует часть фразы из начала статьи Александрова, четко указывающую именно на это.

(T3) «<...> гуманитарные науки – это науки о культуре, прежде всего о культуре духовной и ее субSTITУЦИЯХ в быту» [Шапир: 45/877].

(T4) «<...> основной предмет филологии, текст (который, по сути, есть ставшая и застывшая речь), служит не только главным источником гуманитарного знания, но также и главным его объектом – остальные мыслятся по аналогии» [Шапир: 45/878].

²¹ «Существенным остается значение М.<математики> для социальных дисциплин (как и для биологич. наук) в форме подсобной науки – математич. статистики. В окончательном же анализе социальных явлений моменты качественного своеобразия каждого историч. этапа приобретают столь доминирующее положение, что математич. метод отступает на задний план» [Колмогоров 1954: 465]. Разумеется, это положение Колмогорова для современной науки неверно; однако говорить о «препарировании» Шапиром его текста невозможно.

Гладкий, усматривая в тезисе (Т4) «фундаментальную методологическую ошибку», оспаривает его весьма странным образом: «<...> при всем уважении к текстологии невозможно отрицать, что главный объект гуманитарных наук – жизнь человеческого духа, а не застывшие продукты его работы» [Гладкий 2007: 31]. Во-первых, текстология привлечена здесь совсем не по делу; видимо, Гладкий просто отождествляет текстологию с широким понятием «изучение текста», что является собой пример явной терминологической неточности: текстология как отрасль филологии, занимающаяся установлением аутентичных текстов произведений письменности и вариантов этих текстов, представляет собой видовое понятие по отношению к изучению текста. Во-вторых, утверждение, содержащееся в только что приведенной цитате из Гладкого, очевидным образом перекликается с тезисом (Т3), даваемым Шапиром в абзаце, предшествующем абзацу с оспариваемым тезисом (Т4): Шапир говорит о «духовной культуре», а Гладкий – о «жизни человеческого духа», что, по моему разумению, практически одно и то же. Совершенно непостижимым образом Гладкий этого не замечает – еще один пример из серии неточностей в статье Гладкого.

Итак, в отношении тезиса (Т3) у обоих ученых нет расхождений; обратимся к (Т4). Здесь для разъяснения позиции Шапира уместно привести обширную цитату из начала статьи [Шапир 2002б: 56]:

В гуманитарных науках, или науках о культуре (что, вообще говоря, одно и то же), филология занимает особое, только ей присущее место. По мысли Г. Узенера, ее роль в системе гуманитарного знания во многом сравнима с той ролью, какую математика выполняет по отношению наукам естественным <...>.

Объясняется это даже не тем, что «слово есть архетип культуры» <...>: как писал, развивая эту идею, Г.О. Винокур, «язык <...> понимается не только как один из знаков наряду с другими, но также как знак вообще, как некоторый принцип всякого смыслового выражения <...>. Все другие формы культурного выражения представляют собой известную аналогию словесному знаку» (из неопубликованной статьи «Основные вопросы стилистики», конец 1930 – начало 1940-х годов; <...>). Если оставить в стороне терминологическую уязвимость формулировок, с самой идеей можно согласиться или хотя бы принять ее в качестве рабочей гипотезы. Но чтобы обосновать фундаментальное значение филологии для наук о культуре, не обязательно к этой гипотезе прибегать, а тем более ее всесторонне аргументировать. Для наших целей достаточно сослаться на то, что словесные тексты суть предмет изучения и источник знания в любой гуманитарной науке, а в большинстве из них это источник основной либо единственный <...>. Кроме того, в своем составе текст может иметь несловесные компоненты, например рисунки, нотные знаки или математические формулы; с другой стороны, словесный текст легко становится неотъемлемой частью несловесных (или не чисто словесных) произведений культуры: живописных, скульптурных, архитектурных, театральных и т.д. А так как навыкам критики и интерпретации текстов учит нас именно филология, ее методологическая роль в системе наук о культуре оказывается очевидной.

К этой исчерпывающей цитате добавлю немногое. Выдвижение исследования естественно-языковых текстов (как в письменной, так и в устной манифестации) на главное место в гуманитарном знании мне представляется совершенно справедливым. В самом деле, именно такое положение занимает естественный язык среди всех остальных семиотических систем: он способен интерпретировать и развернуто излагать любую из них, как и любой смысл, выражаемый в произвольной семиотической системе; обратное же очевидным образом неверно. Точно так же среди всех продуктов духовной культуры и знакового поведения человека естественно-языковые тексты занимают явно привилегированное положение: они способны к гораздо более полной интерпретации по отношению к продуктам других систем – музыки, скульптуры, живописи и др., чем эти последние по отношению к текстам на естественном языке. Универсальная роль естественного языка в семиотике очевидна и бесспорна; полагаю, что столь же универсален статус естественно-языковых текстов среди других продуктов духовной семиотической деятельности человека.

(Т5) «<...> внедрение точных методов в поэтику плодотворно исключительно тогда, когда математизация – не самоцель, а только средство решения ясно сформулированной филологической задачи <...>» [Шапир: 46/879].

Относительную необходимость постановки точной филологической задачи для применения строгих математических методов у Гладкого нет расхождений с Шапиром. Тем страннее выглядит уже упоминавшийся выше в разделе 7 пассаж из статьи Гладкого [2007: 36] – с упреком Шапиру за неумение «выбраться из путаницы ямбов и хореев», подобно учебникам времен Иннокентия Анненского, и с назиданием по поводу подсчетов, которые «<...> не имеют смысла, если не определено точно, что нужно считать».

Несправедливость упрека Гладкого относительно «путаницы» была продемонстрирована выше в разделе 7, в «Отступлении». Что же касается его назидания, он выглядит просто следствием тезиса (Т5), и это становится особенно явным, если прочитать более полную цитату из [Шапир 2006: 879], обратив при этом внимание на подчеркнутый мной фрагмент в приводимой Шапиром цитате из Ярхо:

<...> внедрение точных методов в поэтику плодотворно исключительно тогда, когда математизация – не самоцель, а только средство решения ясно сформулированной филологической задачи (и нередко для этого хватает самого тривиального математического аппарата). Об этом прекрасно сказал Ярхо: «<...> статистический метод всегда будет только подсобным при сравнительном. Самостоятельного существования он не имеет <...> никакое применение статистики невозможно без морфологического анализа: перед тем как подсчитывать, надо знать, что подсчитываешь. Ни один математический акт не должен совершаться, пока в него не будет вложен конкретный литературоведческий смысл». / Итак, стать научным или, напротив, обнаружить свою фантомность собственно статистический факт способен только при свете филологии <...>.

Однако Гладкий словно бы не замечает ни тех двух обстоятельств, о которых сказано выше в «Отступлении» раздела 7, ни приведенной цитаты из [Шапир 2006]²².

(Т6) «При всех колоссальных перспективах, которые открываются перед точными методами в науках о культуре, математика в гуманитарной теории неприменима (или почти неприменима): ее уделом остаются высказывания исторического характера. <...> точные методы в гуманитарной сфере позволяют сказать лишь о том, что бывает, а точные методы в сфере естественных наук – еще и том, чего быть не может» [Шапир: 47/880].

Мне представляется неоправданным то ограничение, которое накладывает Шапир на гуманитарную теорию, говоря, что ей в удел остаются только высказывания исторического характера, т.е. «строго эзистенциальные» высказывания («высказывания о существовании»); здесь я склонен в гораздо большей степени, чем по поводу других тезисов, сочувствовать критике Гладкого. «Строго универсальные» высказывания теоретического характера в гуманитарной сфере тоже возможны: достаточно вспом-

²² К сожалению, Гладкий, упоминая (на с. 31 в сн. 19) публикацию [Шапир 2006], почти во всех цитатах ссылается на [Шапир 2005]; между тем в последнюю по времени публикацию Шапир внес локальные изменения, и некоторые из них существенны. Надо сказать, что помимо неточностей существенных, в статье Гладкого встречаются и мелкие. Так, иногда он искажен в цитировании Шапира: трижды (на с. 29, 31 и 32) отклоняется от текста оригинала (убраны кавычки, опущены или переставлены слова); один раз (на с. 32) контаминирует цитату по двум публикациям статьи; однажды (на с. 34) последнюю фразу из Шапировского примечания 10 дает по [Шапир 2006: 897], хотя ссылается на [Шапир 2005: 47]. В одном месте (с. 32, сн. 21) Гладкий говорит почему-то об отсутствии заголовка «Заключение» в последнем разделе публикации [Шапир 2005] – при том что в ней он там благополучно присутствует на с. 59.

нить языковые универсалии в лингвистике (утверждения об общих свойствах всех естественных языков, о возможном количестве фонем в языке, об импликативных отношениях в сфере фонологии, морфологии, синтаксисе и др.). Напрасно Шапир (почти) лишает математику права на построение общей теории в гуманитарной науке. Строить такие теории вполне возможно – и при этом можно достигать отдельных отнюдь не тривиальных результатов, однако все же следует четко осознавать существенно большую ограниченность применения математики в гуманитарной сфере, нежели в естественной. Поэтому и в данном случае я вижу в утверждениях Шапира некоторое рациональное зерно, и его пессимизм мне ближе, нежели безоглядный оптимизм Гладкого. Рациональное зерно у Шапира состоит в следующем: математика в гуманитарной теории в гораздо меньшей степени, нежели в естественно-научной, способна моделировать описываемую реальность. Это связано именно с тем, что объекты гуманитарных наук представляют собой продукты внутреннего мира человека и самым существенным образом зависят от этого внутреннего мира. Наблюдая факты природы, человек внеположен по отношению к ним – природа существует и вне человека; наблюдая же свой внутренний мир и его продукты, человек в ходе самого наблюдения может влиять на них в гораздо большей степени, нежели на внеположные объекты природы; внутренний мир человека от него неотделим.

В связи с тезисом (Т6) встает вопрос о соотношении законов, действующих в гуманитарной и естественной сфере. Как ясно из предыдущего абзаца, я расхожусь с Шапиром и солидарен с Гладким в характеристике логического статуса высказываний, формулирующих законы: и к той, и к другой сфере применимы как универсальные, так и экзистенциальные высказывания²³. Однако в признании специфики законов той и другой сферы я расхожусь с Гладким и солидарен с Шапиром; при этом суть специфики гуманитарных законов я усматриваю не в их экзистенциальном логическом статусе, а в самой специфичной онтологии гуманитарных объектов, которая, впрочем, у Шапира освещена весьма обстоятельно. Выше об онтологической идеальности объектов внутреннего мира человека говорилось много, нет нужды это повторять. Из такого кардинального онтологического различия объектов гуманитарных и естественных наук вытекает непреложный вывод о том, что определенные законы той и другой сферы обладают своей спецификой. Поэтому мне представляется совершенно неприемлемым в методологическом отношении оптимистический тезис Гладкого, высказываемый в конце его статьи: «<...> законы природы и законы, действующие в гуманитарной сфере, ни в чем существенном не отличаются друг от друга <...>» [Гладкий 2007: 35]. Коли было бы это верно, перед филологией как отраслью гуманитарного знания не вставали бы те очерченные в разделах 3–7 колоссальные сложности, которые неведомы естественно-научному знанию.

Для опровержения процитированного тезиса Гладкого достаточно просто сослаться на противопоставление идеального и материального, о чем уже говорилось в разделе 2; там же было сказано о том, что для гуманитарных и естественных наук существуют общие логические и философские законы. Но наличие общих законов не означает отсутствия специфических, а таковые имеются и у естественных наук, и у гуманитарных (причем у каждой свои) – в силу подробно обсужденной выше специфики человеческого духа и его продуктов.

10. ПРОЧИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО СТАТЬЕ А.В. ГЛАДКОГО

В настоящем разделе собраны прочие замечания и соображения, возникшие у меня в связи со статьей А.В. Гладкого.

²³ Относительно экзистенциальных высказываний Гладкий – вслед за К. Поппером – говорит, что они «выражают не законы, а тенденции» [Гладкий 2007: 35], но в рамках настоящего обсуждения мне это несущественно.

10.1. Гладкий считает статью Шапира попыткой «вернуть науку о языке к давно пройденному пути», он говорит, что она написана «с целью доказать, что точные методы в гуманитарных исследованиях не могут дать значимых результатов» [Гладкий 2007: 29]. Читателю должно было стать ясно из тезиса (Т6) и его разбора в разделе 9, что Шапир ограничивает применение математики в филологии областью «высказываний исторического характера» и полагает ее «(почти) неприменимой» в гуманитарной теории [Шапир: 47/880]²⁴, но он никоим образом не отрицает ее полезности в гуманитарных науках, говоря о «колossalных перспективах, которые открываются перед точными методами в науках о культуре» [Шапир: 47/880]; последний абзац своей статьи Шапир начинает словами: «Изучение текстов точными методами нужно всячески приветствовать <...>» [Шапир: 59/895] (этот абзац, кстати, полностью процитирован у Гладкого на с. 32). Более того, на протяжении тех разделов своей статьи (2–4), в которых разбираются конкретные филологические проблемы, Шапир как раз и демонстрирует ту установку на «уточнение понятий и методов», то стремление к «четкому, не допускающему различных толкований определению понятий» (см., например, его анализ понятия «ямб», рассмотренный в разделе 7) и ту «строгую дисциплину мысли», которые его оппонент справедливо считает, во-первых, «самым важным результатом “встречи лингвистики и математики”», во-вторых, характерными для работ А.А. Зализняка, в-третьих, вообще «главным признаком точности в научном исследовании» [Гладкий 2007: 24–26, 29]. Все это вообще свойственно научному творчеству Шапира в редкой для филолога концентрации, но из его работ Гладкий, по-видимому, был знаком только с критикуемой статьей, когда писал свою.

10.2. Стремясь обосновать свое мнение о логической небезупречности проведенного Шапиром анализа количественных методов в теории стиха и его умозаключений, приведших его к выводу об их неадекватности, Гладкий пишет: «<...> вся его <Шапир> критика сосредоточена на трех “теориях”, одна из которых приписана А.Н. Колмогорову и две – Б.И. Ярхо, причем “теория Колмогорова” “ради уточнения” подправлена, а об одной из теорий Ярхо говорится, что она “нигде не была заявлена”, но “вычитывается” из трудов Ярхо» [Гладкий 2007: 31]. От пяти пар кавычек в этой короткой фразе просто рябит в глазах, и это действительно настораживает! Однако из них только две пары заключают собственно Шапировские слова (и то ссылок на страницы нет). Шапир разбирает не «теорию Колмогорова» (такого словосочетания у него нет), а его формальное определение 4-стопного ямба; он не «подправляет» это определение «ради уточнения», а вместо громоздкой формулировки Колмогорова предлагает очевидным образом «равнозначную, но более прозрачную» [Шапир: 48/881] – и гораздо более компактную и изящную, т.е. речь идет не об уточнении определения, а об эквивалентной содержательной замене его формулировки. Что касается Ярхо, то в разделе 3, действительно, Шапир убедительно демонстрирует неадекватность «прескриптивной теории стиха» Б.И. Ярхо, «устанавливющей между стихом и прозой пятидесятипроцентный порог ритмичности» [Шапир: 52–53/885–887]; однако в следующем, четвертом, разделе статьи Шапир говорит не о «теории Ярхо» (эти кавычки принадлежат Гладкому [2007: 31]), а о методологической установке Ярхо, состоящей в отодвигании в поэтике чистой теории на задний план, и вот по поводу этой установки Шапир действительно замечает: «Прямо эта гносеологическая программа нигде не была заявлена, но она вычитывается из “Методологии точного литературоведения” и других основополагающих трудов Ярхо» [Шапир: 55/889–890]. После этого на трех страницах эта программа анализируется и отчасти критикуется – с цитатами из опубликованных работ Ярхо и из архивных источников. Если учесть еще и колос-

²⁴ О неправомерности столь ригористического отношения к математике в гуманитарной сфере и необходимости его разумного ослабления я говорил при разборе указанного тезиса, указывая при этом на его рациональное зерно.

сальный 20-летний труд Шапира по изучению и изданию наследия Ярхо, то проведенному Шапиром извлечению из трудов последнего упомянутой программы можно придать статус научного факта.

Все это говорит о том, что иронический тон Гладкого в приведенной выше обильной кавычками цитате совершенно неуместен. Продолжу цитату: «Ничем не мотивировано утверждение (совершенно неправдоподобное), что Колмогоров не обращал внимания на контекст и интенцию» [Гладкий 2007: 31]. Обратимся к статье Шапира. Приведя примеры метрически двойственных строк у Пастернака и Пушкина, он заключает: «Итак, в определении метра на законных основаниях участвуют контекст и интенция, о которых у Колмогорова ни слова» [Шапир: 49/882]. Ясно, что Шапир говорит не о пренебрежении у Колмогорова вообще контекстом и интенцией, а об отсутствии упоминания этих факторов в его определении 4-стопного ямба! Тем самым в приведенной цитате Гладкий частное выдает за общее.

10.3. Гладкий сокрушается по поводу «недостаточного знакомства лингвистов с математикой» [Гладкий 2007: 27]: лингвисты слабо владеют математическим аппаратом и уделяют математике недостаточное внимание. В качестве объекта для подражания и развития указывается работа Б.В. Сухотина [1978], предложившего использовать аппарат тензорного исчисления для моделирования естественного языка [Гладкий 2007: 26]; тот факт, что «никто не продолжил его <Сухотина> исследования и не занялся проверкой его гипотез», Гладкий объясняет исключительно «нашей инертностью» [Там же: 37]. У меня другое объяснение сдержанного отношения лингвистов и к математическому аппарату вообще, и конкретно к упомянутой статье Б.В. Сухотина. Период «бури и натиска» с конца 1950-х по конец 1970-х годов, когда математический аппарат был частым гостем в лингвистических исследованиях²⁵, принес плоды весьма скромные в сопоставлении с тем, что ожидалось от «встречи лингвистики и математики» [Гладкий 2007: 24]²⁶. Человеку же свойственно браться за овладение какими-либо новыми знаниями, умениями, навыками (каковым выглядит изучение сложного математического аппарата для лингвиста) только тогда, когда он видит достаточно ясные перспективы, которые ему сулит их приобретение. Таких перспектив упомянутый период «бури и натиска» не обнаружил; весьма смутными предстают они и в упомянутой статье Б.В. Сухотина, где очень сложно, пространно, непопулярно, без достаточно ясных иллюстраций, на 25 страницах излагается теория тензорного исчисления, крайне неубедительно выглядят эскизные примеры применения соответствующего аппарата для моделирования некоторых лингвистических понятий (сказуемое, наречие, надеж, предлог, причастие, ...) и очень скучны языковые примеры. Что же касается самой статьи Гладкого, то в ней имеются указания на предшествующие опыты применения математики и других точных методов в лингвистике, содержатся призывы к лингвистам усердно заниматься математикой, но отсутствуют какие-либо конкретные научные построения (с разбором языковых примеров), демонстрирующие эффективность того или иного математического аппарата для лингвистики. Почему бы, в самом деле, на трех-пяти страницах не показать – хотя бы «на пальцах», почему тензорное исчисление в духе Сухотина может быть нам, лингвистам, полезно? Это было бы гораздо эффективнее, чем просто провозглашать сугубую полезность математики. Но просто

²⁵ Достаточно полистать многие тогдашние лингвистические сборники, пестрящие формулами, таблицами, диаграммами, – в частности тот сборник, где опубликована статья Б.В. Сухотина.

²⁶ Невыполненным обещаниям лингвистики и общим проблемам семантики и компьютерной лингвистики была посвящена моя большая статья [Перцов 1996б], в которой утверждалось серьезное отставание лингвистики от естественных наук в отношении компьютерного моделирования объекта исследования. По моему разумению, спустя 12 лет в этом плане не-многое изменилось.

призывать к чему-либо гораздо легче, чем конкретно демонстрировать эффективность того, к чему призываешь.

11. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К каким же общим выводам можно прийти на основе предшествующего изложения?

Объекты, составляющие предмет гуманитарных наук, имеют гораздо более неопределенный характер, чем объекты наук естественных: первые входят во внутренний мир человека или существенно определяются этим внутренним миром; вторые ему внеположны. В связи с разной степенью определенности и заданности различаются и степень точности описания и моделирования (воспроизведения) объектов изучения в гуманитарных и естественных науках. Математизированная теория дает гораздо более точные результаты в естественных науках, нежели в гуманитарных.

Это не означает бесперспективности попыток построения формальных определений и математизированной теории в гуманитарной области (здесь я несколько расходюсь с М.И. Шапиром) – следует лишь отдавать себе отчет в том, что конструкты и утверждения такой теории отстоят от описываемой реальности гораздо больше, чем в естественно-научной области. В последней во многих случаях математизированность теории – это непременное условие адекватного научного описания; в гуманитарной же области теория не может сводиться к математическим (или просто к формальным) построениям – необходим строжайший контроль адекватности теоретических конструктов описываемой реальности.

Хотя в отрицании возможности адекватного построения математических моделей в гуманитарной теории я с М.И. Шапиром расходюсь, его скептицизм идержанность в отношении таких моделей мне близки: их данные значительно менее точны и надежны в гуманитарной области, чем в естественной – в силу существенного различия онтологической природы объектов этих двух областей человеческого знания. Пожалуй, не нужно именовать это онтологическое различие «пропастью между гуманитарными и естественными науками» [Шапир: 59/895] (что сильно ранит Гладкого), однако и нивелировать его так, как это делает в своих полемических устремлениях А.В. Гладкий, тоже не следует. Поэтому его обращенный к лингвистам призыв заняться математикой и усердно искать в ней средства для построения математизированных лингвистических моделей я воспринимаю содержаным скептицизмом – и со своей стороны призываю тех математиков, которых интересует филология, заняться гуманитарной проблематикой и совместно с гуманитарными собратьями постараться сделать нашу науку более точной – при всей очевидной недостижимости того уровня точности, который свойствен естественно-научному знанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров 1964 – А./Д. Александров. Математика // Философская энциклопедия. М., 1964.
[Т.] 3: Коммунизм – Наука.
- Апресян 2001 – Ю.Д. Апресян. Системообразующие смыслы ‘знать’ и ‘считать’ в русском языке // Русск. яз. в научн. освещении. 2001. № 1.
- Гаспаров 1984 – М.Л. Гаспаров. Еще раз о спорах о русской силлаботонике // Проблемы теории стиха. Л., 1984.
- Гладкий 2007 – А.В. Гладкий. О точных и математических методах в лингвистике и других гуманитарных науках // ВЯ. 2007. № 5.
- Гладкий, Мельчук 1969 – А.В. Гладкий, И.А. Мельчук. Элементы математической лингвистики. М., 1969.
- Добровольский 2007 – Д.О. Добровольский. Пассивизация идиом (о семантической обусловленности синтаксических трансформаций во фразеологии) // ВЯ. 2007. № 5.
- Зализняк 1973 – А.А. Зализняк. О понимании термина «падеж» в лингвистических описаниях I // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

- Зализняк 1977 – А.А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977 (Последнее 4-е изд., испр. и доп. – 2003).
- Зализняк 2000 – А.А. Зализняк. Лингвистика по А.Т. Фоменко // История и антиистория: Критика «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко. М., 2000.
- Колмогоров 1954 – А.Н. Колмогоров. Математика // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1954. Т. 26: Магнитка – Медуза.
- Мельчук 1997 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. I. Введение. Часть первая: Слово. (Пер. с франц.) М.; Вена, 1997.
- Перцов 1996а – Н.В. Перцов. Элемент ка- в русском языке: словоформа или аффикс? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А.А. Зализняка. М., 1996.
- Перцов 1996б – Н.В. Перцов. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1: Спорное в лингвистике. М., 1996.
- Перцов 2003 – Н.В. Перцов. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // ВЯ. 2003. № 4.
- Перцов 2006а – Н.В. Перцов. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русск. яз. в научн. освещении. 2006. № 1(11).
- Перцов 2006б – Н.В. Перцов. О роли корпусов в лингвистических исследованиях // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика – 2006». СПб., 2006.
- Перцов 2007 – Н.В. Перцов. Поэзия орфографии и орфография поэзии // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. Мат-лы междунар. научн. конф. (Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, 24–28 мая 2007 г.). М., 2007.
- Перцов 2008 – Н.В. Перцов. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // ВЯ. 2008. № 2.
- Сухотин 1978 – Б.В. Сухотин. Основные проблемы грамматики и семантики в тензорном исчислении // Проблемы структурной лингвистики 1976. М., 1978.
- СЯП – Словарь языка Пушкина. Т. 2: З–Н. М., 1957.
- Труб 2006 – В.М. Труб. О возможном подходе к семантическому описанию частей тела // Московский лингвистический журнал. 2006. Т. 8. № 1.
- Шапир 2000 – М.И. Шапир. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков. М., 2000. Кн. 1.
- Шапир 2001 – М.И. Шапир. Язык этики или этика языка? О деонтологии науки // Язык и культура. Факты и ценности. М., 2001.
- Шапир 2002а – М.И. Шапир. «Евгений Онегин»: проблема аутентичного текста // ИАН СЛЯ. Т. 61. 2002. № 3.
- Шапир 2002б – М.И. Шапир. Филология как фундамент гуманитарного знания: Об основных направлениях исследований по теоретической и прикладной филологии // Антропология культуры. Вып. 1. М., 2002.
- Шапир 2005 – М.И. Шапир. «Тебе числа и меры нет»: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // ВЯ. 2005. № 1.
- Шапир 2006 – М.И. Шапир. «Тебе числа и меры нет»: О возможностях и границах «точных методов» в гуманитарных науках // Б.И. Ярхо. Методология точного литературоведения... М., 2006.
- ЯКМСЛ – Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
- Ярхо 2006 – Б.И. Ярхо. Методология точного литературоведения: Избр. тр. по теории литературы / Изд. подгот. М.В. Акимова, И.А. Пильщиков и М.И. Шапир; под общ. ред. М.И. Шапира. М., 2006.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 2009 г. В.М. АЛПАТОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ Г.А. КЛИМОВА

Георгий Андреевич Климов (1928–1997) занимал особое место в истории отечественного языкознания. Он представлял собой тип ученого, сочетавшего в себе специалиста по конкретным – кавказским, прежде всего, картвельским – языкам и теоретика языкознания, причем его теоретические интересы были весьма широки: от компаративистики до фонологии и типологии. Как кавказовед он был признан и создал научную школу, а в качестве теоретика языкознания всегда шел своим путем и занимал в советской, а затем в российской науке обособленное место. В статье будет в основном говориться о его вкладе в теоретическое языкознание и особенностях теоретических идей.

Жизнь ученого не была богата внешними событиями. Г.А. Климов родился и провел детство и юность в Ленинграде, где в школьные годы ему пришлось пережить блокаду. В 1946 г. он поступил на кавказское отделение восточного факультета ЛГУ, а после перемещения кавказоведческой специализации на филологический факультет перешел туда, окончив университет в 1952 г. После университета Георгий Андреевич переехал в Москву и поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР, откуда вскоре был на два года в целях лучшей подготовки откомандирован в Тбилиси в Институт языкознания АН Грузии. В конце 1954 г. он вернулся в московский Институт языкознания, где работал до конца жизни, с 1975 г. заведовал сектором, затем отделом кавказских языков. В 1955 г. Г.А. Климов защитил кандидатскую, а в 1965 г. докторскую диссертации, в 1988 г. получил звание профессора. Помимо работы в институте, он в течение многих лет являлся ответственным секретарем журнала «Вопросы языкознания».

Начиная с кандидатской диссертации «Основные синтаксические вопросы атрибутивного комплекса в картвельских языках», Георгий Андреевич посвятил наибольшее количество исследований изучению кавказских языков. Перечислим лишь наиболее крупные работы: [Климов 1960; 1962; 1964; 1965; 1982; 1986; 1994; Климов, Алексеев 1980]. Научная оценка этих исследований выходит за рамки темы данной статьи, однако, хочется отметить две их особенности. Во-первых, более всего Г.А. Климов занимался картвельскими языками, в меньшей степени абхазо-адыгскими и менее всего нахско-дагестанскими. Во-вторых, что для нас особенно важно подчеркнуть, среди его многочисленных публикаций по кавказоведению почти нет ни чисто описательных, ни ограниченных рамками одного языка. Главные его темы – сравнительно-историческое изучение языков каждой из трех групп (гипотезы о родстве этих групп между собой Г.А. Климов отверг) и типологическое изучение этих языков (здесь он не ограничивался рамками отдельных групп и активно сопоставлял все кавказские языки). Занимался он также проблемами языковых контактов и ареальных отношений

кавказских языков как между собой, так и с другими языками, в том числе индоевропейскими.

В этом проявились особенности научного подхода ученого. В книге, посвященной методике сравнительно-исторических исследований, Г.А. Климов писал, что большинство компаративистов – практики, не думающие о такой методике; тем более они не владеют ни типологическими, ни структурными методами и не задумываются о том, чем они могут быть полезны [Климов 1971: 3–4]. В другой книге он осуждал плохую общелингвистическую подготовку, свойственную кавказоведам [Климов 1986: 19–21]. Сам ученый в течение всей своей деятельности боролся с эмпиризмом и отсутствием научной базы не только в компаративистике, но в любых исследованиях конкретного материала.

Г.А. Климов как лингвист формировался в переломную для советской науки эпоху. Он поступил в Ленинградский университет в годы, когда официально продолжало господствовать «новое учение» уже покойного Н.Я. Марра (бывшего также кавказоведом), а ведущее место в советской науке занимала школа И.И. Мещанинова, особенно сильная в Ленинграде. Затем появились работы И.В. Сталина по языкоznанию, осудившего и Марра, и Мещанинова, а одним из лидеров советского языкоznания стал другой кавказовед – А.С. Чикобава; именно у него стажировался в Тбилиси Георгий Андреевич. А.С. Чикобава и другие языковеды в первой половине 50-х гг. возрождали традиции дореволюционной науки, ведущей областью исследований снова, как когда-то, стала компаративистика, во многом забытая в эпоху марризма. Но уже с середины 50-х гг. в СССР начали проникать идеи современной западной науки, ранее оценивавшиеся как «оскудение и маразм». Уже независимо от официальной политики приоритеты и ориентиры в советском языкоznании вновь стали меняться.

Начинающий ученый не мог остаться в стороне от этих процессов. Он не принял ни общие концепции А.С. Чикобава об иберийско-кавказской семье языков, ни многие его конкретные идеи; его подходы Г.А. Климов постоянно оценивал как упрощенные; см., например [Климов 1990: 51–52]. Не наблюдалось у него и особого интереса к русской дореволюционной науке. Но в течение всей своей деятельности (особенно явно с середины 60-х гг.) Георгий Андреевич старался совместить, казалось бы, несовместимые идеи И.И. Мещанинова и до некоторой степени Н.Я. Марра с концепциями дескриптивизма и других направлений западного структурализма.

Отношение ко всем этим школам и течениям Г.А. Климов выразил в историографических работах, занимающих заметное место в его научном наследии. О Н.Я. Марре, И.И. Мещанинове и его школе он писал и в книгах [Климов 1973; 1977], на которых мы остановимся ниже, и в специальной монографии [Климов 1981], посвященной истории советского языкоznания 20–40-х гг. XX в.

После 1950 г. уже никто не пытался следовать «новому учению» во всем его объеме. И у Г.А. Климова нет никаких следов влияния фантастических идей Н.Я. Марра вроде четырех элементов; никогда он не отказывался и от принципов сравнительно-исторического языкоznания, которые пытался упразднить Марр. Встречаются у него и резкие оценки идей Марра, см., например [Климов 1986: 19]. Но не раз он указывал на то положительное, что имелось в трудах академика. Многое Г.А. Климов принимал и в ранних, еще не вполне порывавших с традициями науки, его работах; в частности, он в основном соглашался с его пракартельскими реконструкциями [Климов 1971: 25]. Отмечал он и выдающуюся интуицию Марра, на основе которой тот, например, предположил наличие в грузинском языке древнейшей эпохи деление на глаголы действия и состояния [Климов 1980: 123–124]. Однако и поздний Марр, по мнению Г.А. Климова, внес вклад в развитие науки, особенно типологии; он даже был создателем самого термина *типовология* [Климов 1981: 21]. Отмечается, что Марр задал направление советской типологии 20–40-х гг. на основе общих принципов, которые могли иметь и «внутреннее единство» с принципами ученых, не принимавших марризм: историзма, диахронической перспективы, интереса к содержательной (контенсивной), а не формальной типологии [Там же: 7–8]. Выделяются такие идеи Марра, как необ-

ходимость вычленения для каждого типа совокупности структурных координат [Там же: 39], примат синтаксиса над морфологией [Там же: 44–45] и др.

Но основное внимание в книге уделено построениям И.И. Мещанинова и его школы (С.Д. Кацнельсон, С.Л. Быховская и др.), оцениваемым чрезвычайно высоко (хотя и не без критики); по мнению ее автора, эта школа опередила свою эпоху и среди современников наравне с ней можно поставить только Э. Сепира [Там же: 39–41]. Она вышла за рамки традиционной типологии XIX в., чисто формальной, и впервые поставила задачу построения типологии, основанной на контенсивной основе. Эта типология обязательно имела историческую перспективу и была связана с глottогенезом [Там же: 24]. В формальную типологию она не внесла ничего нового [Там же: 26], но она содержала антитезу той, преимущественно формальной типологии, которая господствовала на Западе [Там же: 33].

В своей книге Г.А. Климов подробно рассмотрел разные классификации языков, связанные с разными стадиями мышления, у И.И. Мещанинова и его учеников; эти классификации, в том числе у одних и тех же авторов, постоянно менялись, за исключением лишь предлагавшегося и ранее разграничения номинативных и эргативных языков. При всем сочувственном отношении автора книги к таким исследованиям их ценность оказывается сводимой, прежде всего, к постановке общих вопросов, в том числе к попыткам распространить на синтаксис типологические исследования, традиционно ориентированные на морфологию, и к развитию идеи О. Есперсена о понятийных категориях. Г.А. Климов справедливо отмечает, что такой постановке общих вопросов способствовали в 20–30-е гг. как научная ситуация, так и общественная обстановка в СССР [Там же: 7–8]. Еще отмечено активное использование материала недостаточно тогда изученных, в том числе типологически, языков, особенно кавказских и палеоазиатских [Там же: 8]. А полученные результаты Г.А. Климов оценивает достаточно критически.

К числу недостатков трудов школы И.И. Мещанинова (во многом унаследованных у Н.Я. Марра) Г.А. Климов относит иллюзию, будто понятие типа может заменить понятие семьи (отчасти преодоленную к 40-м гг.) [Там же: 21–23], неумение распространить свои идеи на наиболее явно системный фонологический уровень [Там же: 26], неудачи в попытках выявления семантического развития лексики из-за отсутствия в то время строгой методики [Там же: 28]. Признается и неудача в главном, с точки зрения самой школы И.И. Мещанинова: не удалось убедительно связать получаемые типы с типами мышления, поскольку в изучении мышления этим лингвистам было не на что опереться [Там же: 76–77]. Указывает Г.А. Климов и на то, что понимание стадий у них оказывалось (как и у типологов XIX в.) слишком упрощенным [Там же: 82–84]. В книге показано, что постепенный отказ от такой прямолинейности привел в 40-е гг. к кризису школы: масштабные идеи о «единстве глottогонического процесса», которые не удавалось подтвердить фактами, уходили, не заменяясь ничем, и даже И.И. Мещанинов в работах 40-х гг. по сути перешел от исторического подхода к синхронии и от поисков целостных характеристик языковых типов к констатации общностей и различий разных языков [Там же: 98–99].

Можно согласиться с Г.А. Климовым в критике американских работ по истории типологии, где эта школа игнорируется [Там же: 3] (вероятно, это происходит не по содержательным причинам, а из-за привычки игнорировать любые публикации на русском языке). Эти исследования, во многом определявшие «лицо советского языкоznания» тех лет [Климов 1981: 3], из истории языкоznания выбросить, разумеется, нельзя, и в отличие от «нового учения» в них было рациональное зерно. Но сам Г.А. Климов в итоге признал, что от результатов их деятельности сохранилось немногое, более всего в области изучения эргативного строя [Там же: 108]. Однако на самого Георгия Андресевича эта школа, известная ему со студенческих лет, оказала большое воздействие, о чем мы еще поговорим.

К концу 50-х гг. наиболее актуальным в советской лингвистике стало освоение идей и методов западной науки о языке. Тогда, например, в журнале «Вопросы языко-

знания» был организован раздел «Консультации», нечто вроде лингвистического ликбеза по этим идеям и методам, в нем как автор участвовал и Г.А. Климов, рассказывавший о методе глоттохронологии [Климов 1959]. Затем возникла необходимость в коллективной работе с анализом ведущих направлений современной западной лингвистики. В книге [ОН 1964] глава об американском дескриптивизме написана Г.А. Климовым вместе с Н.Д. Арутюновой и Е.С. Кубряковой (ему и Е.С. Кубряковой принадлежат вводная часть и раздел «Фонология»). До сих пор у нас нет другого столь же детального и объективного описания дескриптивизма в целом. Подробно рассмотрены основные процедуры, применявшиеся в дескриптивной лингвистике, выделены ведущие течения в американской науке того периода, охарактеризованы теоретические споры вроде полемики сторонников «лингвистики божьей правды» и «лингвистики фокус-покуса».

Позиция авторов главы далека и от полного приятия положений дескриптивизма, и от отвержения идей этой школы как «идеалистических», что нередко встречалось тогда в СССР. Указано, что американская лингвистика наиболее продвинута если не в решении, то в постановке таких проблем, как эпистемология лингвистики, лингвистическое моделирование, формализация исследований языка, и добилась больших успехов в методике синхронного анализа фонологии и морфологии [Арутюнова, Климов, Кубрякова 1964: 210]. В то же время в качестве недостатков дескриптивизма отмечены слишком абстрактный подход к фонеме при отсутствии смыслоразличительного критерия, переоценка дистрибутивных критериев, неясность термина «окружение», а также игнорирование слова как глобальной единицы языка [Там же: 198, 206, 207–208, 219 и др.]. Отмечена и ограниченность проблематики американского структурализма, игнорирование, прежде всего, вопросов общественного функционирования языка [Там же: 210]. Для 1964 г. это уже несколько устарело, поскольку именно тогда в США появился интерес к социолингвистике, но большинство дескриптивистов 40–50-х гг. действительно принципиально не поднимали такие вопросы.

Еще важнее то, что в США ко времени выхода книги дескриптивизм уже уступал место генерativизму. Оценки у Г.А. Климова и его соавторов двойственны. С одной стороны, периодом господства дескриптивизма названы 1933–1957 гг. [Арутюнова, Климов, Кубрякова 1964: 178], то есть авторы исходят из уже принятой в США периодизации, согласно которой это господство закончилось сразу, как только Н. Хомский впервые обнародовал свои идеи. С другой стороны, определяется: хотя цели Хомского в корне отличны от дескриптивных, но поскольку эти цели остаются в рамках формального описания, генерativизм – лишь новая фаза развития все того же дескриптивизма [Там же: 178]. Такая двойственность характерна для переходных периодов, когда окончательные оценки того или иного направления еще не устоялись.

Идеи генерativизма, впрочем, не нашли отражения в научной практике Георгия Андреевича, который отмечал, что идеи Хомского могут быть полезны для определенных целей, но он сам предпочитает таксономический подход [Климов 1967: 10]. А влияние дескриптивизма и одновременно отталкивание от него видны в первой теоретической его монографии [Климов 1967]. В книге, где большую часть объема занимает анализ существующих концепций, сопоставлены разные подходы к фонеме и морфеме в отечественной, американской и европейской лингвистике. Выделены психологические (имеющие, по мнению Г.А. Климова, лишь исторический интерес), физикалистские и реляционно-физические (Н. Трубецкой и др.) подходы к фонеме. С ними сопоставляются разные подходы к морфеме (вопреки традиции, которая обычно рассматривает фонемы и морфемы независимо друг от друга). Автор отмечает достоинства и недостатки разных концепций, приходя, опираясь на идеи Чжао Юаньчжэня и С.И. Бернштейна, к выводу о том, что возможны и правомерны различные фонологические и морфологические модели, полезные для разных целей [Там же: 83, 87, 108–110].

Собственная точка зрения Г.А. Климова в книге лишь намечена. Он считал, что поскольку главная единица языка – не фонема и не морфема, а слово, то как морфологический, так и фонологический анализ должен отправляться от слова и словесного

тождества [Там же: 76]. Такой подход не раз предлагался для морфологии, но необычен для фонологии; впрочем, подробная характеристика того, как он там работает, в книге отсутствует. Идеи определения фонемы через слово не получили развития в отечественной лингвистике, а сам Г.А. Климов в дальнейшем отошел от проблематики «классического» структурализма, сосредоточившись на вопросах компаративной теории и типологии. Впрочем, следует отметить информативный обзор советских работ по структурной лингвистике (вместе с Н.Д. Арутюновой), в котором справедливо отмечалась преемственность работ советских структуралистов 50–60-х гг. по отношению к трудам Е.Д. Поливанова, Н.Ф. Яковлева, А.И. Смирницкого, московских фонологов и других ученых более раннего периода [Арутюнова, Климов 1968].

Г.А. Климов, многие годы работая над проблемами сравнительно-исторического изучения трех групп языков Кавказа, столкнулся с фундаментальным противоречием лингвистической компаративистики: при очень развитом методе исследования ее теория разработана значительно меньше. Об этом ученый писал и во многих кавказоведческих работах, и в специальных публикациях: брошюре [Климов 1971] и более развернуто в своей последней теоретической монографии [Климов 1990].

Георгий Андреевич указывал на «разрыв, существующий между эмпирическими успехами лингвистической компаративистики в сфере исследования фактов языкового родства и состоянием разработки ее теоретического методического аппарата» [Там же: 153]; см. также [Там же: 4]. Обсуждение теоретических проблем компаративистики могло приводить к пересмотру самих основ этой научной дисциплины, как это было у Н. Трубецкого. Г.А. Климов в целом не был столь радикален и принимал ее основные постулаты, хотя считал, что лингвистам надо «окончательно освободиться» от «иллюзии родословного дерева» [Там же: 154], поскольку концепция дерева слишком упрощает реальность. Однако он не мог согласиться с идеей «смешанных языков», отвергая концепцию В. Пизани о возможности считать английский язык и германским, и романским [Там же: 8]. По его мнению, нельзя отказываться от понятия пражзыка и впадать в «агностическую» точку зрения, согласно которой мы ничего не знаем о пражзыке, кроме того, что он существовал [Климов 1971: 38], пусть известная благодаря реконструкциям часть пражзыка – лишь «вершина айсберга» [Климов 1990: 41]. В то же время он признавал, что вопрос о реальности реконструкций остается неразработанным [Там же: 4].

Но традиционные методы компаративистики ученый предлагает дополнять структурной методикой синхронного анализа, а также методами типологии (не смешивая их с компаративными). Например, он указывает, что следует говорить не о регулярных соответствиях (регулярность может появляться и при массовых заимствованиях), а о системных соответствиях между языками, причем установление системных соответствий – синхронная процедура, результатам которой затем дается историческая интерпретация [Климов 1971: 20; 1990: 16]. Однако полученные результаты должны подвергаться типологической верификации: например, если исходить лишь из системных соответствий, в пражзыке окажется неестественно большое число фонем [Климов 1990: 99]. Но, разумеется, не следует смешивать принципиально разные компаративный и типологический подходы. Роль типологии для компаративиста важна в начале и конце его пути: в начале она помогает строить гипотезы о принадлежности тех или иных конкретных языков к той или иной семье (о чем еще в 20-е гг. XX в. писал Е.Д. Поливанов), а в конце с ее помощью верифицируются результаты [Там же: 8–9].

Принимал Г.А. Климов и расширения и дополнения методов компаративистики, выработанные в XX в.: внутреннюю реконструкцию, вероятностные методы. Сложнее было его отношение к методу глottoхронологии. Не отвергая его в принципе, он не считал его основополагающим для выводов об установлении степени языкового родства, признавая лишь как вспомогательный рабочий прием [Климов 1971: 15–16; 1990: 22–24]. По его мнению, глottoхронология помогает установить относительную, но не абсолютную хронологию [Климов 1971: 74; 1990: 119–121].

В целом подход Г.А. Климова умерен и чужд крайностей, к которым он относит и наивный реализм А. Шлейхера и А.С. Чикобава, и «агностицизм» раннего А. Мейе [Климов 1990: 51–52] (влияние на него А. Мейе, тем не менее, оказывается наиболее значительным). Безусловно, он предпочитал менее глобальные, но строго доказанные выводы широкомасштабным, но методологически спорным построениям (с которыми ему как кавказоведу приходилось постоянно сталкиваться). Он указывал, что в компаративистике не разработана методика разграничения генетических и контактных связей [Климов 1971: 30], которое тем сложнее, чем дальше языки отстоят друг от друга. Поэтому он скептически относился к любым попыткам установления дальнего родства и ставил в один ряд «беспочвенные» иберийско-кавказскую, алтайскую и ностратическую гипотезы. Об их неприятии он неоднократно писал с разной степенью резкости [Климов 1971: 31; 1986: 14; 1990: 3]. Отвергал он и идеи «неполноценного компаративиста» Н. Трубецкого о родстве абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков [Климов 1986: 110]. Особенно резко он оценивал исследования С.А. Старостина по дальнему родству, именуя их «образцом дилетантства» [Там же: 129–130]. Эта точка зрения, расходившаяся с утвердившимися у нас представлениями о ностратике как «лице отечественного языкознания», приводила его к определенной научной изоляции, особенно в 90-е гг.

Параллельно с компаративной теорией Г.А. Климов занимался теоретическими проблемами лингвистической типологии, здесь среди немалого числа публикаций особо выделяются три монографии [Климов 1973; 1977; 1983]; отметим также статью [Климов 1975]. Среди его работ за пределами кавказоведения именно они получили наибольший резонанс, в том числе лишь они стали известны за рубежом.

Ученый продолжал здесь исследования школы И.И. Мещанинова, которые он в те же годы, как упоминалось выше, изучал и историографически. От нее он взял несколько основополагающих идей: типологическое исследование должно быть не формальным, а содержательным (контенсивным), нельзя ограничиваться отдельными фактами, а надо сопоставлять целостные системы, изучение синтаксиса приоритетно по отношению к изучению морфологии. В то же время он отверг большинство конкретных построений этой школы и отказался от слишком явно недоказуемых ее гипотез вроде отражения в некоторых лингвистических типах первобытного мышления или связи типологических построений с глоттогенезом.

Наиболее перспективным компонентом исследований данной школы Г.А. Климов признал изучение эргативного строя в сопоставлении с номинативным (начатое, впрочем, еще раньше в работах Х. Шухардта, А. Дирра и др.). Этой проблеме специально посвящена монография [Климов 1973].

Эргативный тип – один из языковых типов, а тип понимается не как свойство конкретных языков, а как абстрактный эталон, по-разному реализуемый в языках (не может быть смешанных типов, но постоянно бывает смешение типов в конкретных языках) [Климов 1975: 21–22]. Здесь Г.А. Климов развивал идеи В. Скалички и Б.А. Успенского. Типы могут быть формальными (например, агглютинативные или изолирующие языки), но большими объяснительными возможностями обладают типы, выделяемые на контенсивных основаниях [Там же: 23–24].

Понятие эргативности, по Г.А. Климову, относится не к форме, а к глубинному содержанию; явление эргативности, прежде всего, синтаксическое и лексическое, хотя проявляется на всех уровнях системы, кроме, быть может, фонологического [Климов 1973: 3–4, 5, 59 и др.]. Отметим, что ученый, критикуя школу И.И. Мещанинова за игнорирование уровня фонологии, также не смог ни в одной из работ по типологии распространить на него свои идеи. Каждый языковой тип должен иметь свою детерминанту. Для эргативного типа, как и для номинативного, ею признаются субъектно-объектные отношения [Там же: 141]; в более поздней работе, впрочем, Г.А. Климов, используя терминологию А.Е. Кибрика, называет его детерминантой близкое, но не тождественное субъектно-объектному противопоставление агентивного и фактитивного начал [Климов 1977: 166]. Однако это не означает тождества двух типов. Их раз-

личия не сводятся только к давно известным различиям в падежной системе: эргативными могут быть и языки, лишенные склонения. Эргативная конструкция может быть глагольной и именной, в связи с ее распространением эргативные языки могут быть именными, глагольными и смешанными [Климов 1973: 42–44]. В синтаксисе эргативные (и активные) языки характеризуются доминацией сказуемого над всеми именными членами предложения [Там же: 46]. В эргативных языках не может быть залоговых оппозиций [Там же: 104]. В лексике эти языки характеризуются наличием классов транзитивных и интранзитивных глаголов, противопоставление которых более фундаментально, чем в номинативных языках [Там же: 60]. Выделяются также фреквенталии эргативных языков, то есть черты, свойственные многим, но не всем эргативным языкам: порядок «подлежащее – дополнение – сказуемое», наличие среди падежей эргатива и отсутствие генитива и датива, наличие именных классов и др. [Там же: 86, 93–95, 111, 124].

В книге эргативный тип рассматривается не только в синхронии, но и в диахронии. Рассматриваются генезис эргативного строя на основе формирования субъектно-объектных отношений, его развитие, при котором глагольный тип преобразуется в смешанный, а затем в именной [Климов 1973: 108 и др.], и переход в номинативный тип. Согласно Г.А. Климову, реальный переход от номинативного типа к эргативному невозможен, могут появиться лишь отдельные его черты [Там же: 212], обратное же распространено.

Если в области изучения эргативности ученый мог опираться на сложившуюся в СССР и других странах традицию, то другой тип – активный – получил права гражданства в науке о языке, прежде всего, благодаря Георгию Андреевичу. Вкратце данные идеи им высказывались в работах [Климов 1973: 213–226; 1975], но специально им посвящена книга [Климов 1977].

Основные черты активного строя оказалось возможным сформулировать намного четче, чем в отношении эргативного строя, но опора на фактический материал оказалась намного меньшей. Если эргативных языков в мире ненамного меньше, чем номинативных [Климов 1973: 256], и среди них многие неплохо описаны (ряд из них изучался самим Георгием Андреевичем на Кавказе) то безоговорочно активными сам Г.А. Климов признавал лишь некоторые языки Северной Америки [Там же: 5]. В других языках можно было только находить реликты активного строя. А поскольку индейские языки можно было изучать лишь по грамматическим описаниям, часть из которых, возможно, неадекватна, то проблема фактического подтверждения теоретических положений остается серьезной.

По мнению Г.А. Климова, доминанта активного типа отлична от эргативного и номинативного: передаются не субъектно-объектные отношения, а противопоставление активного и инактивного участника пропозиции [Климов 1977: 3]. Синтаксическая доминанта выводится из семантической детерминанты: различия активного и инактивного начал [Там же: 55]. На ранних этапах эти начала фигурируют соответственно как одушевленность и неодушевленность [Там же: 67]. Как и в случае эргативности, изменения в строе легче всего появляются в лексике, потом переходят на синтаксис и позже всего на наиболее консервативную морфологию [Там же: 69, 80–81]. В отличие от эргативного строя активный всегда выражен в глаголе: есть активные глагольные и активные смешанные языки, но не зафиксированы именные [Там же: 61]. В активных языках тем или иным образом противопоставлены два глагольных класса, их противопоставление эволюционирует от противопоставления одушевленных и неодушевленных, через противопоставление активных и стативных к противопоставлению переходных и непереходных глаголов, причем всегда семантика меняется быстрее, чем синтаксис и тем более морфология [Там же: 172–176, 188]. В номинативных и эргативных языках могут сохраняться реликты активности вроде аффективной конструкции [Там же: 63–64].

В книге выделены многие существенные признаки активных языков на разных уровнях, которые являются либо универсалиями, либо фреквенталиями данного типа.

Многие из них противоречат тому, что еще недавно считалось (а иногда считается и сейчас) обязательным для всех языков, но на деле является типологической особенностью либо номинативных и эргативных, либо только номинативных языков (или же еще более узкого класса номинативных языков Европы). Это отсутствие прилагательных как особого класса слов (соответствующие значения выражаются стативными глаголами), отсутствие связок и инфинитивов, отсутствие глагольной категории времени при наличии видовых категорий, неразвитость категории числа, наличие у глагола центробежных и центростремительных версий, частое развитие инкорпорации и др. [Климов 1977: 82, 102–105, 116, 125–128, 140, 144, 156].

Также исследуются вопросы генезиса и развития активного строя. Он во всех работах Г.А. Климова трактовался как строй, исторически предшествующий как номинативному, так и эргативному. При этом концепция несколько менялась. В книге 1973 г. отстаивается идея о развитии от активного строя к эргативному и от эргативного строя к номинативному как об общей закономерности, хотя признаются случаи непосредственного перехода от активного к номинативному строю [Климов 1973: 253]. Но в книге 1977 г. автор исходит из равной возможности преобразования активного строя как в номинативный, так и в эргативный (с последующей возможностью перехода в номинативный) [Климов 1977: 172 и др.]. Меняются и конкретные оценки: вначале Г.А. Климов принимал традиционные идеи о чертах эргативности в грузинском языке, но потом пришел к выводу о том, что в картвельских в отличие от других кавказских языков нет и не было эргативного строя, а за эргативность принимают реликты активного строя [Климов, Алексеев 1980: 5]. Отметим и отказ Г.А. Климова от первоначального скепсиса в отношении возможности выявления семантического инварианта падежной формы [Климов 1973: 117]: в более поздней работе он выделял общее значение эргативного падежа как источника действия [Климов, Алексеев 1980: 37–38].

Активный строй Г.А. Климов не считал древнейшим, указывая, что ему предшествовал так называемый классный строй, представленный, например, в языках банту и др.; развитие от классного строя к активному идет от наиболее дробных классификаций через более абстрактное разграничение одушевленности и неодушевленности к еще более абстрактному выделению активного и инактивного начал [Климов 1977: 264–303]. Он не дал подробного исследования классного строя, выделив лишь некоторые его черты, не имеющие параллели в других типах: неотграниченность морфологии от словообразования, отсутствие категории падежа и др. [Там же: 131, 192, 292]. Не раз он выделял и еще более ранний и, по-видимому, первичный строй, называемый нейтральным [Климов 1975: 26; 1977: 292], но о нем сказано очень немного. Другим неразработанным пунктом теории, что признавалось самим Георгием Андреевичем [Климов 1977: 162], оказалось отсутствие системных характеристик номинативного строя. Казалось бы, этот строй изучен намного лучше других, но его системные характеристики очень долго рассматривались как общие свойства языков мира (что на ранних этапах развития общего языкознания и типологии было неизбежно). Сильной стороной построений Г.А. Климова был решительный отказ от такого отождествления, но выделить, чем именно характеризуются номинативные языки, особенно если у них та же или почти та же доминанта, что в эргативных языках, он не успел или не смог.

Типологию Г.А. Климов считал неполной без обращения к диахронии. Здесь его позиция была двойственной. С одной стороны, он учтывал неудачи типологов XIX в. и последователей Н.Я. Марра, выдвигавших недоказуемые гипотезы о стадиях развития языка и мышления, и предостерегал против упрощенных построений подобного рода, см., например [Климов 1973: 211]. Но в его концепциях пяти языковых типов, определенным образом связанных в историческом развитии, очевиден стадиальный компонент. Не раз у него проскальзывают идеи о том, что, например, «сама семантическая детерминанта активного строя, противопоставляющая активное и инактивное начала, обозначает грубое приближение к оппозиции субъектного и объектного» [Климов 1977: 166]. Аналогично трактуется и соотношение между классным и актив-

ным строем, связанное с развитием абстрактного мышления у носителей активных языков [Там же: 267]. То есть переход от одного типа к другому – одновременно и переход от менее развитого мышления к более развитому. В целом осторожнее Г.А. Климов в отношении соотношения эргативных и номинативных языков (особенно в более поздних работах), но и в книге 1977 г. мы находим: «Более близкое приближение к последней (оппозиции субъектного и объектного) представляет собой семантическая детерминанта активного строя» [Там же: 166]. То есть и эргативные языки мыслительно менее развиты по сравнению с номинативными. Это все же стадиальность!

Очень осторожный в области компаративистики, боявшийся здесь слишком широкомасштабных построений, Г.А. Климов, наоборот, был склонен к такого рода очень ответственным построениям в области типологии. Идея стадий, пусть в уточненном варианте, возрожденная ученым, подводит под общую схему слишком большое число фактов и остается не доказанной, как, впрочем, и не опровергнутой. Необходим анализ свойств большого числа языков.

Рассмотрим вкратце лишь явления двух языков, которыми занимался автор данной статьи: японского и айнского. Никто никогда не подвергал сомнению принадлежность японского языка к номинативным: там имеются переходные и непереходные глаголы, пассив, типично номинативное падежное оформление и др. В то же время с точки зрения доминирования сказуемого над именными членами предложения японский язык соответствует тому, что Г.А. Климов определял как черту эргативного и активного строя; недаром в японской науке легче, чем в европейской, получила признание концепция сказуемого как вершины предложения. В привычных для нас номинативных языках Европы этому мешает согласование сказуемого с подлежащим, которое, по-видимому, Г.А. Климов считал если не универсалией, то фреквенталией номинативного строя. И порядок слов в японском языке «эргативно-активный».

А айнский язык обладает почти всеми выделенными Георгием Андреевичем свойствами активных языков (см. [Аллатов 1983]), не обладая лишь главным: там глаголы делятся на переходные и непереходные, причем это разграничение даже жестче, чем в номинативных и эргативных языках, поскольку их личные окончания различны. Поэтому Г.А. Климов, с которым мы говорили о свойствах этого языка, отнес его к номинативным. Однако чем объяснить такое его типологическое сходство с активными языками Северной Америки?

Но уже тот факт, что в языке, не рассмотренном Г.А. Климовым, совмещены признаки, выделенные как не случайно связанные в языках иных ареалов, показывает существенность его концепций. Понятие активного строя, как к нему ни относиться, вошло в лингвистическую типологию, и исследования в этой области перспективны. И в изучение эргативности вклад учёного неоспорим. Основные типологические идеи Г.А. Климу удалось опубликовать на иностранных языках [Klimov 1974; 1977; 1979; 1983; 1984; 1985], а книга [Климов 1977] в 1999 г. издана на японском языке.

Наконец, отметим еще одну публикацию Г.А. Климу – статью [Климов 1980], где сопоставляются три возможные классификации языков – генетическая, типологическая и ареальная; всеми тремя учёный занимался. Отмечено общее у трех подходов, находящихся в отношении дополнительности: всегда ставится задача истолкования подобия множества языков в том или ином плане, за которой стоит более общая возможность тройского объяснения сходства между обществами [Там же: 7]. Еще одна общность в том, что все классификации в определенном смысле структурны и опираются на синхронную базу, но связаны с диахронией [Там же: 10]. Но генетическая классификация выделяет структурные элементы, сохраняемые при дивергенции, ареальная – приобретенные при конвергенции, а типологическая независима от обоих процессов [Там же: 10]. Данная работа учёного хорошо показывает его ведущие научные интересы: его интересовали, прежде всего, проблемы сходств и различий языков во всех аспектах.

Но оценка деятельности Г.А. Климова была бы неполной без упоминания его более чем тридцатилетнего служения лингвистике в журнале «Вопросы языкоznания». Менялись исторические эпохи, научные приоритеты и моды, главные редакторы журнала, а Георгий Андреевич делал все возможное, чтобы ведущий лингвистический журнал страны отражал ее научную жизнь и объединял вокруг себя ведущих ученых. И мы должны быть ему за это благодарны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллатов 1983 – В.М. Аллатов. К типологической характеристики айнского языка // ВЯ. 1983. № 5.
- Арутюнова, Климов 1968 – Н.Д. Арутюнова, Г.А. Климов. Структурные методы за 50 лет советского языкоznания // Теоретические проблемы советского языкоznания. М., 1968.
- Арутюнова, Климов, Кубрякова 1964 – Н.Д. Арутюнова, Г.А. Климов, Е.С. Кубрякова. Американский структурализм // Основные направления структурализма. М., 1964.
- Климов 1959 – Г.А. Климов. О глоттохронологическом методе датировки распада прайзыка // ВЯ. 1959. № 2.
- Климов 1960 – Г.А. Климов. Опыт реконструкции фонемного состава общекартвельского языка-основы // ИАН СЛЯ. 1960. № 1.
- Климов 1962 – Г.А. Климов. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962.
- Климов 1964 – Г.А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Климов 1965 – Г.А. Климов. Кавказские языки. М., 1965.
- Климов 1967 – Г.А. Климов. Фонема и морфема. М., 1967.
- Климов 1971 – Г.А. Климов. Вопросы методики сравнительно-исторических исследований. М., 1971.
- Климов 1973 – Г.А. Климов. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.
- Климов 1975 – Г.А. Климов. О понятии языкового типа // ВЯ. 1975. № 6.
- Климов 1977 – Г.А. Климов. Типология языков активного строя. М., 1977.
- Климов 1980 – Г.А. Климов. Взаимоотношения генеалогической, типологической и ареальной классификации языков мира // Теоретические основы классификации языков мира. М., 1980.
- Климов 1981 – Г.А. Климов. Типологические исследования в СССР (20–40-е годы). М., 1981.
- Климов 1982 – Г.А. Климов. Некоторые итоги типологических и генетических исследований в кавказском языкоznании // ИАН СЛЯ. 1982. № 6.
- Климов 1983 – Г.А. Климов. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
- Климов 1986 – Г.А. Климов. Введение в кавказское языкоznание. М., 1986.
- Климов 1990 – Г.А. Климов. Основы лингвистической компаративистики. М., 1990.
- Климов 1994 – Г.А. Климов. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М., 1994.
- Климов, Алексеев 1980 – Г.А. Климов, М.Е. Алексеев. Типология кавказских языков. М., 1980.
- ОН 1964 – Основные направления структурализма. М., 1964.
- Klimov 1974 – G. Klimov. On the character of languages of active typology // Linguistics. 131. 1974.
- Klimov 1977 – G. Klimov. Zu den Ergativitätsimplikationen // Grazer linguistische Studien. Graz, 1977.
- Klimov 1979 – G. Klimov. On position on the ergative type in typological classification // Ergativity. London; New York, 1979.
- Klimov 1983 – G. Klimov. On contentive typology // Lingua e stile, A. XVIII, 3, 1983.
- Klimov 1984 – G. Klimov. On the expression of object relations in the ergative system // Objects: Towards a theory of grammatical relations. London; New York, 1984.
- Klimov 1985 – G. Klimov. Zur kontensiven typologie // Relational typology. London, 1985.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Н.А. Козинцевой / Отв. ред. В.С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. 634 с.

У рецензируемого сборника долгая и трудная история. Многие из нас запомнили Наталью Андреевну Козинцеву по Первой зимней школе по типологии – в 1998 году. Наталья Андреевна тогда формировала авторский коллектив для очередного выпуска из серии знаменитых типологических сборников Института лингвистических исследований Санкт-Петербурга. Планировалась монография по эвиденциальности – сюжету, знакомому российским лингвистам в первую очередь по пионерской статье Натальи Андреевны, вышедшей в 1994 году в «Вопросах языкознания».

Н.А. Козинцевой не удалось завершить работу над сборником. Начатая ею работа была закончена ее друзьями и коллегами, и сегодня мы можем оценить результат. Сложная биография сборника привела к тому, что важные исследования, посвященные эвиденциальности [Aikhenvald 2004; Aikhenvald, Dixon 2003], оказались не учтены его авторами, а, напротив, некоторые статьи попали в библиографию работ об эвиденциальности значительно раньше, чем увидели свет (напр., материалы В.Ю. Гусева по нганасанскому языку были активно использованы А. Айхенвальд, выводы С.Г. Татевосова – в статье В.С. Храковского из рецензированного в «Вопросах языкознания» сборника [Hansen, Karlík 2005]).

В.С. Храковский, принявший на себя работу по редактированию сборника, указывает на его отличие от обычного формата петербургских типологических монографий: у нее нет обобщающего введения. Еще одна особенность сборника – большое количество авторов не из Санкт-Петербурга: среди участников много москвичей и лингвистов из других стран.

Исследован широкий круг языков: русский, армянский, болгарский, литовский, немецкий, французский, дари, сванский, багвалинский,

коми, нганасанский, ненецкий, тюркские языки (и отдельно – алтайский), японский и индонезийский. Как это принято в петербургских типологических сборниках, предметом анализа во многих статьях являются не только морфологические эвиденциальные формы, но и лексические средства (в отличие, например, от исследования [Aikhenvald 2004]).

Первая часть сборника содержит пять работ Н.А. Козинцевой, посвященных эвиденциальности. По этим текстам можно представить себе, какой объем исследований осуществила бы Наталья Андреевна, если бы болезнь не остановила ее. В обобщающей статье «Типология категории засвидетельствованности» приводится типологическая информация о семантических типах засвидетельствованности (прямая засвидетельствованность, инференциальность, пересказывательность, адмиративность), о средствах ее выражения, которые встречаются в языках мира, обсуждается соотношение эвиденциальной модальности с эпистемическими значениями, а также некоторыми другими категориями: повелительностью, лицом и числом. Следующая статья – «Связи засвидетельствованности с другими семантическими категориями» – видимо, планировалась как более детальное исследование соотношения эвиденциальности и смежных с ней категорий – репортативности, эпистемической модальности, перфекта. Еще две статьи посвящены эвиденциальным значениям перфекта в армянском (языке, который был предметом исследований Н.А. Козинцевой на протяжении всей ее жизни). В первой статье армянский перфект сопоставляется с болгарским; основным материалом для сравнения являются тексты переводов на эти языки романа «Обломов». Исследовав значения этих форм, включая эвиденциальные, автор приходит к выводу о том, что бол-

гарский перфект имеет больше модальных употреблений, а армянский дальше зашел по пути грамматикализации (превращения в перфективное прошедшее), так как у него есть нарративные употребления: он используется для обозначения последовательных событий, входящих в побочную сюжетную линию в повествовании. Эвиденциальные оттенки (инфериенциальный и пересказывательный) возникают в определенных контекстах армянского перфекта, но не входят в его инвариантное значение. Судя по пятой статье, Н.А. Козинцева задумывала большое исследование эвиденциальных конструкций в русском языке. Опубликованные материалы касаются таких способов выражения пересказывательных и инференциальных значений, как вводные обороты, сложные предложения и частицы (*мол.*, *де.*, *якобы*, *дескать*). Намечена классификация семантических типов источников информации (конкретное лицо или печатный орган; конкретный, но неопределенный источник; общепринятое мнение). Как и во многих других статьях сборника, в этой работе ощущается желание обсуждать эвиденциальность в дискурсивных категориях: Н.А. Козинцева называет эвиденциальные структуры, типичные для начала текста, указывает на линейную последовательность сообщаемого факта и факта сообщения. К этой статье стоит обратиться тому, кто планирует исследование лексических и синтаксических средств выражения эвиденциальности в языках, не обладающих грамматическими: в конце статьи приводится набросок анкеты.

Кажется, что чтение этих текстов несколько облегчилось бы, если бы редакторы снабдили их короткой информацией о степени их законченности (она явно разнится) и о том, где планировала их опубликовать Наталья Андреевна.

Вторая часть сборника открывается статьей Р. Ницоловой о болгарском языке. Эту почти стостраничную работу можно рассматривать как фундаментальный источник сведений о болгарской эвиденциальной системе практически со всех точек зрения: здесь рассматриваются существующие в болгаристике взгляды на соотношение модальности и эвиденциальности (статья снабжена обширной библиографией), делается обзор болгарской эвиденциальной системы, анализируются значения всех основных форм (конъюнктивы, нарратива, дубитатива и адмиратива), рассматривается употребление эвиденциальных форм в зависимости от типа речевого акта и повествовательного регистра. Эвиденциальные формы являются важным языковым средством в публицистике: журналисты выби-

рают между нарративом и индикативом в зависимости от собственной дистанции по отношению к информации. Так, в советские времена нарратив был обязательным средством для пересказа сообщений агентства Рейтер, индикатив же был предназначен для сообщений ТАСС. Эвиденциальность, таким образом, оказывается не столько механическим обозначением источника информации, сколько pragmatically ориентированным инструментом говорящего, который косвенным образом выражает его позицию относительно достоверности информации. Болгарские формы индикатива и дубитатива, по мнению автора, представляют собой полюса этой шкалы достоверности, а конъюнктив и нарратив по дистанции существенных различий не имеют, тяготея в зависимости от контекста к тому или иному полюсу.

Б. Вимер исследует косвенную засвидетельствованность в литовском языке: она выражается формами причастий с особыми связками. Эти конструкции одновременно выражают пассив, поэтому засвидетельствованность трудно отличить от пассива. Два типа причастных конструкций, имеющих эвиденциальное значение в литературном языке, распределены как пересказывательный и инференциальный. Обе они не являются разговорными. Б. Вимер обсуждает генезис эвиденциальных форм, приводя некоторые аргументы в пользу того, что во всех индоевропейских языках, где имеется эвиденциальность, она не является индоевропейским наследием. Этую статью отличает наличие информации о частотности тех или иных явлений на основании литовского корпуса.

Б. Ханцен, автор статьи о немецком языке, рассматривает лексические и грамматические средства выражения эвиденциальности. Конъюнктив 1 и конъюнктив 2 оформляют сентенциальные актанты при глаголах речи. Однако использование этих форм не ограничено зависимыми клаузами, поскольку в большом тексте глагол речи может быть использован лишь однажды – в начале, и конъюнктив тем самым приобретает функции, схожие с репортативом: он является маркером того, что информация получена с чужих слов. Впрочем, как и в литовском, эти контексты конъюнктива более характерны для письменной речи. Б. Ханцен анализирует также эвиденциальные употребления некоторых модальных глаголов (*Peter soll kommen* = говорящий сообщает, что Пётр хочет, чтобы Петер пришел).

Е.Е. Корди относит к выражающим эвиденциальность категориям французские фор-

мы кондиционала (*conditionnel présent conditionnel passé*) и будущего времени (*future simple* и *futur antérieur*). Кондиционалом маркируется передаваемая с чужих слов информация, за которую говорящий не берет на себя ответственность, при этом в ближайшем контексте, как правило, имеется указание на источник этой информации. Кондиционал может обозначать и инференциальность, то есть информацию, которая создается самим говорящим на основе имеющихся у него сведений. Для такого кондиционала характерно наличие в контексте модальных слов «возможно», «наверное» и называние предпосылок для вывода. Любопытно наблюдение о том, что инференциальный кондиционал часто употребляется в риторических вопросах, хотя приводимые автором примеры не совсем убедительны. Корди предлагает рассматривать два типа европейских языков с точки зрения выражения эвиденциальности: использующие для этого перфект или косвенные наклонения. Французский относится ко второму типу.

Эвиденциальные формы сванского языка (Н.Р. Сумбатова) выражают самый широкий круг значений (информация с чужих слов, инференция, сны, адмиративность): они используются тогда, когда говорящий хочет снять с себя ответственность за информацию. Отметим сразу, что аналогичный круг значений имеют багвалинские эвиденциальные формы (статья С.Г. Татевосова). Судя по морфологической организации сванских эвиденциальных форм, они представляют собой относительно «молодое» образование, поскольку являются аналитическими, в отличие от всех остальных форм глагольной парадигмы. Автор предполагает и убедительно доказывает происхождение эвиденциальных форм из результативных конструкций. На основании синтаксического поведения перфективного и имперфективного эвиденциалов (они по-разному кодируют актанты) можно предположить, что перфективные формы восходят к так называемым вторичным посессивным результативам, а имперфективные – к формам субъектного результата.

Статью С.Г. Татевосова о багвалинском языке отличает информация о том, как связаны эвиденциальные значения с лексическими типами глаголов. Автор, в частности, делает вывод, что пересказывательное значение перфекта имеет минимальные лексические ограничения, а наиболее широкий круг эвиденциальных значений способны выражать пунктивные глаголы. Привлекает внимание анализ адмиративных употреблений багвалинского перфекта: автор находит, что для возникновения эффекта адмиративности значимым явля-

ется не только состояние знаний говорящего, но и ожидания слушающего: адресат должен быть неподготовленным. Восприятие этой интересной статьи несколько затрудняется тем, что тонкие семантические наблюдения делаются почти исключительно на основе искусственных примеров, где играют большую роль сложно определяемый контекст и коммуникативная ситуация.

Без статьи В.Ю. Гусева о нганасанской системе эвиденциальных форм сборник обладал бы значимой лакуной, поскольку в нганасанском языке разные типы косвенной засвидетельствованности кодируются особыми глагольными формами: аудитивным наклонением, инференциалом и ренарративом. В форме аудитива чаще всего встречаются глаголы производства звуков, хотя аудитив используется и вне контекста слухового восприятия. Инференциал, помимо обозначения логически выведенной информации, широко используется в адмиративном значении. При этом, в отличие от багвалинских адмиративных контекстов, нганасанский адмиратив может обозначать, что информация является новой для говорящего, вне зависимости от того, представляется ли она говорящему неожиданной или он имел предварительные знания о возможности ее наступления.

Богатым набором эвиденциальных форм обладает ненецкий язык (М.Д. Люблинская, А.Л. Мальчуков). Помимо собственно эвиденциальных форм (симилиятива и аудитива), рассматривается пробабилитив (по кругу значений сходный скорее с упоминавшимися выше косвенными наклонениями немецкого и французского языков) и перфект.

Статья Х.Ф. Исхаковой, Д.М. Насилова, И.А. Невской и И.В. Шенцовой анализирует данные татарского и узбекского языков, с привлечением шорского. Исследователи отмечают необязательность выражения эвиденциальных значений в тюркских языках: сообщение о некотором факте может не маркироваться как засвидетельствованное или незасвидетельствованное в зависимости от желания говорящего. В значении косвенной засвидетельствованности (пересказывательность, адмиративность, инференциальность) могут выступать формы перфекта на -ган (узбекский, татарский, шорский); формы перфекта на -(и)б + (ди), имеющие разный эвиденциальный статус в упомянутых языках, и некоторые другие. Рассматриваются и лексические средства выражения эвиденциальности.

Алтайский язык (Е.К. Скрибник и А.А. Ознова) имеет средства выражения косвенной засвидетельствованности, пересказывательности и миаративности, причем эффект миара-

тивности (= адмирата) возникает тогда, когда говорящий получает информацию из непосредственного наблюдения. Помимо грамматических форм, миаративность может выражаться особыми частицами. Обилие средств для выражения миаративности приводит авторов к выводу о «расцвете миаративности» в тюркских языках Южной Сибири.

Японский язык (В.М. Алпатов) выражает эвиденциальные значения с помощью служебных глаголов и частиц, обозначающих пересказывательность и инференциальность.

Ссылаясь на мнение Н.А. Козинцевой, А.К. Оглоблин отмечает, что в индонезийском языке эвиденциальность выражается исключительно лексическими средствами – глаголами, именами, наречиями.

В сборнике есть некоторые «сквозные сюжеты», которые явно заслуживают специальных исследований. В частности – место эвиденциальных форм в дискурсе. Один за другим исследователи сообщают о том, какие текстовые регистры тяготеют к использованию эвиденциальных форм. Так, болгарский ренарратив наиболее характерен для сказок, мифов и легенд, а также для публицистики. Что касается исторических текстов, то ренарратив более типичен для популярных сочинений, например, для детской исторической литературы. Болгарские научные тексты излагают исторические факты как достоверные – с помощью индикатива. Автор статьи о немецком языке отмечает, что выражение цитативности особенно характерно для публицистических текстов. Французский эвиденциальный кондиционал встречается в публицистике и научных статьях. Сванские эвиденциальные формы используются в фольклоре и рассказах о далеком прошлом. Заметим, впрочем, что сванские данные базируются на анализе устных рассказов; такого рода данные о регистре текста сложно сопоставлять с теми, которые основаны на исследованиях письменной речи.

Суммируя в заключительной статье наблюдения, сделанные авторами сборника, В.С. Храковский отмечает, что эвиденциальные значения можно разделить на выражающие прямую и непрямую засвидетельствованность, причем к прямой относится зрительное восприятие и любая информация о таком событии, в котором говорящий участвовал лично, в то время как непрямой всегда является слуховая. Значительная часть статьи Храковского посвящена обсуждению того, являются ли инферентивные значения всегда недосто-

верными с точки зрения говорящего. Не пересказывая в деталях аргументы автора, сообщим вывод, к которому он приходит: эпистемическое и эвиденциальное значения могут сочетаться друг с другом различным образом.

Данные сборника подтверждают эту точку зрения. Априорное впечатление, что если факт известен говорящему не из личного опыта, то сообщение об этом всегда будет сопровождаться сомнением в достоверности этого факта (так, например, в болгарском языке), не подтверждается. Так, в багвалинском языке эти формы не обладают оттенком сомнения; в нганасанском ренарратив не только не понижает надежность информации, но подчеркивает ее ссылкой на источник информации. По этой причине нганасанский ренарратив используется скорее в рассказах о реальных событиях, чем в легендах. С другой стороны, в японском языке, судя по замечаниям автора, эвиденциальные формы являются средством снижения достоверности.

Примечательно, что последняя часть статьи В.С. Храковского посвящена анализу русской лексемы *оказывается* – значимой для всех, кто занимался кавказскими языками: именно это слово является наиболее частым русским эквивалентом дагестанских форм косвенной засвидетельствованности и потому широко употребляется в устной русской речи дагестанцев.

Среди немногочисленных технических ограждений книги можно отметить отсутствие ссылки на работу Т.В. Шмелевой в библиографии к одной из статей Н.А. Козинцевой (с. 89) и утрату штриховки в таблице сванской глагольной системы (с. 319).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Козинцева 1994 – Н.А. Козинцева. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // ВЯ. 1994. № 3.
Aikhenvald 2004 – A. Aikhenvald. Evidentiality. Oxford, 2004.
Aikhenvald, Dixon 2003 – A. Aikhenvald, R. Dixon (eds.). Studies in evidentiality. Amsterdam, 2003.
Hansen, Karlík 2005 – B. Hansen, P. Karlík (eds.). Modality in Slavonic languages. New perspectives. München, 2005.

Н.Р. Добрушина

Интерес к русской морфонологии, пробужденный трудами Н.С. Трубецкого 20–30-х годов прошлого века и с особенной силой проявившийся в 60-е, 70-е и 80-е годы (работы Т.В. Булыгиной, В.Г. Чургановой, В.В. Лопатина, Е.А. Земской, А.К. Поливановой, А.В. Исаченко, Д.С. Ворта и др.), казалось, полностью сошел на нет в наше время вместе с общим поворотом лингвистики от формальной стороны языка к его семантическим, функциональным и коммуникативным аспектам. Но вот появляется монография по русской морфонологии И.Б. Иткина, и становится ясно, что эта область отнюдь не закрыта, что еще многое в ней оставалось нерешенным и невыясненным – как в теоретическом, так и в практическом плане. Молодой автор, вооруженный свежим взглядом и хорошим знанием современной лингвистики, совершает в некотором роде ревизионный рейд по русской морфонологии в обоих смыслах слова морфонология: он берется заново разобраться и в науке морфонологии, ее концептуальном аппарате, и в самой морфонологической эмпирии, т.е. в корпусе фактов, относящихся к русской морфонологии, в ее правилах и закономерностях. В подобных ревизиях нуждается время от времени каждая дисциплина, и морфонология, «отлежавшаяся» в течение нескольких десятилетий, может быть, не в последнюю очередь.

Книга написана в жанре «горячего» диалога с предшественниками, которым принадлежат опыты изучения крупных фрагментов русской морфонологической системы (словообразования имени и словоизменения глагола у В.Г. Чургановой, словообразования в целом у В.В. Лопатина, словообразования имени у А.К. Поливановой, глагольной морфонологии у Н.Е. Ильиной), а также с Т.В. Булыгиной, В.Б. Касевичем, А.В. Исаченко, Д.С. Вортом, Р.О. Якобсоном и другими теоретиками русской и общей морфонологии. И.Б. Иткин, кажется, не претендует на построение собственной законченной теории и целостного описания морфонологии русского языка, он скорее выявляет «болевые точки», т.е. не учтенные, недообъясненные или ошибочно, с его точки зрения, интерпретированные факты, для которых предлагаются новые объяснения. Тем не менее все даваемые автором конкретные трактовки морфонологических явлений строятся исходя из целостного представления о морфологии и морфонологии русского языка. Думаю, что И.Б. Иткин – один из очень немногих, кто сейчас владеет всей полнотой сведений о русской морфонологии и кто способ-

жен при решении любого частного вопроса предвидеть все последствия этого решения для интерпретации других частных явлений.

Эту книгу читать трудно, в ней слишком велика концентрация информации и подчас не хватает разъяснений и экспликации подразумеваемых логических звеньев. К тому же естественное побуждение читателя проверить содержащиеся в книге утверждения собственным языковым знанием наталкивается на необходимость «переводить» эти знания на язык автора и принимать его исходные постулаты (не всегда эксплицитно выраженные), относящиеся не только к собственно морфонологии, но и к морфологии словоизменения и словообразования, и к фонологии, и к лексике. Правда, надо сказать, что по мере чтения доверие к автору возрастает, потому что часть возникающих при чтении сомнений и вопросов разрешается в дальнейшем изложении (или по мере усвоения читателем исходных позиций автора).

Книга начинается со списка сокращений и условных обозначений, который занимает пять страниц и поражает своим педантизмом: он включает даже такие общепринятые сокращения, как г. – год, т.е. – то есть, т.к. – так как, и т.д. – и так далее. На этом фоне кажется странным отсутствие расшифровки таких знаков, как С с верхним индексом *j* и надписанным сверху плюсом (см., например, с. 132), как используемые в формальной записи правил простые и перечеркнутые знаки равенства, конъюнкции, дизъюнкции, включения, как разные виды скобок и т.п. В список гласных морфонем (с. 263) включены четыре вида *e* (все с дополнительными цифровыми индексами), но в тексте встречается и обычное *e* без всяких индексов (с. 134, 149, 159 и др.), никак не объясненное. Нет расшифровки сокращений ДВ (с. 214), НС-структур (с. 236), индекса *Rej* (пейоративное) и др.

Структуру книги тоже трудно назвать прозрачной и логически стройной: некоторые явления обсуждаются несколько раз в разных частях (чредования с нулем, чередования *e* ~ *a* после шипящих и др.), а общая композиция книги в сравнении, например, с монографиями Чургановой или Лопатина кажется хаотичной, из-за чего книгой трудно пользоваться как справочником по русской морфонологии. В книге две части: первая – теоретическая, вторая – «эмпирическая», посвященная анализу конкретных морфонологических чередований русского языка. Между этими частями нет прямой связи, потому что в теоретической части дается не система постулатов

дальнейшего описания, а излагается позиция автора по наиболее дискуссионным общим вопросам морфонологической теории (предмет морфонологии, разграничение автоматических и морфонологических чередований, аналитический или синтетический подход, направленность чередований, единицы морфонологии, понятия субморфа и интерфикс и др.), а эмпирическая часть носит наполовину критический, наполовину «автодидактический» характер, т. е. строится сначала на критике (порой весьма резкой) существующих по обсуждаемому вопросу мнений, а затем на изложении и аргументации собственных представлений автора о данном явлении морфологии и морфонологии и его формальных и функциональных характеристиках. Прямое отношение к предлагаемому описанию имеют, пожалуй, лишь два существенных и вызывающих полное сочувствие положения теоретической части – о предпочтении синтезирующего («порождающего») подхода аналитическому и динамического подхода статическому, дескриптивному.

Эмпирическая часть книги состоит из пяти разделов (параграфов), выделенных по разным признакам и на разных основаниях: 1) чередования на границе между предлогом (приставкой) и основой, 2) чередования на границе между основой и суффиксом, 3) структура глагольных словоформ и морфонология глагола (куда, однако, входят и некоторые вопросы именного словообразования), 4) чередования, специфичные для отдельных суффиксов (сюда входят и некоторые вопросы глагольной морфонологии), 5) чередования, характерные для всей морфонологической системы русского языка.

Вся русская морфонология описана в книге посредством сформулированных автором 124 правил, большинство из которых, согласно утверждению автора, не имеет исключений. Это кажется невероятным для русского языка с его огромным числом нерегулярностей, индивидуальных отклонений и уникальных форм. Такая стройность достигается во многих случаях за счет значительного ограничения сферы действия правил и сложности формулируемых условий правила, а платой за нее оказывается во многих случаях утрата естественности постулируемых условных исходных форм. Автору приходится постоянно выбирать между простотой правил и простотой (естественностью) исходных представлений и жертвовать одним в пользу другого.

Следование синтезирующему подходу, при котором морфонология занимает один из верхних (конечных) уровней языкового представления, надстроенный над морфологическим (словообразовательным и словоизменительным) уровнем, предполагает иерархи-

скую последовательность морфонологических преобразований (соответственно иерархии словоизменительных и словообразовательных отношений) в противоположность «плоской» морфонологии, устанавливающей правила и условия их действия в одной плоскости, применительно к морфам, взятым исключительно в их исходных, «словарных» формах, без учета их «реального» (что не значит «поверхностного») вида в структуре производящей основы. Иначе говоря, при синтезирующем подходе в морфонологических представлениях должен соблюдаться принцип непосредственно составляющих: в слове *свечка* не должно усматриваться переходное смягчение *t ~ ч* перед суффиксом *-к*, поскольку результат этого изменения уже представлен в мотивирующем *свеча* и суффикс присоединяется не к исходу *-т*, а к исходу *-ч* (*светить → свеча → свечка*); аналогично в *одолжение, обнажение* не следует констатировать переходное смягчение *г ~ ж* (от *одолжить, обнажить*). Трудно также согласиться с автором, считающим, что в прилагательном *паучий* представлено чередование *t ~ ч* (с. 104)¹, поскольку оно образовано от *паук* и имеет стандартное чередование *к ~ ч* (ср. *бык – бычий, кролик – кроличий*). Точно так же в слове *тянучка* нет основания усматривать чередование корневого *-г* (*тяг-*) с нулем (с. 93), поскольку это слово образовано от основы глагола *тянуть* (из *тяг-нуть*), в которой *-г* уже не присутствует (ср. *толкать – толкучка, липнуть – липучка, трясти – трясучка* и т.д.). Сингармонизм глаголов на *-отать* и *-етать*, о котором говорится на с. 204–205, на самом деле наследует сингармонизм производящих имен, ср. *топот – топотать, грохот – грохотать, гогот – гоготать* и т.д. и *щебет – щебетать, лепет – лепетать* (но и *лопотать*), *трепет – трепетать* и т.д. Нельзя сказать, что И.Б. Иткин во все игнорирует эту зависимость морфонологии от деривации (словообразовательной и словоизменительной), поскольку в некоторых случаях он признает и учитывает «деривационную историю» основ как морфонологический фактор (ср., например, с. 176), однако этот принцип не проводится последовательно.

Примером неестественного решения мне представляется трактовка причастного суффикса *-вш-/ши-* как содержащего беглый глас-

¹ Мне кажется неудачным и приводимый на с. 145 пример *сволочь – сволота* (якобы с чередованием *к ~ т*), ибо здесь мы имеем дело с продуктивной моделью собирательности (ср. *беднота, мелкота, простореч. наркота, лимита*).

ный (в записи автора Іво'ш!) на том основании, что перед ним сохраняются согласные, в том числе *t* и *d*, в исходе глагольной основы (*обретший*, *шедший*, *увядший* и т.д.) вопреки сформулированному автором общему правилу, по которому «в глагольном словоизменении и отглагольном словообразовании *t* и *d* выпадают перед всеми суффиксами, начинающимися с любой согласной, кроме *t*» (с. 90). Может быть, стоило иначе, менее категорично формулировать правило? Ведь если согласные (в том числе *t* и *d*) сохраняются перед именным суффиксом *-и-* (*музыкантша*, *регентша*), о чём упоминает автор, а также в других аналогичных позициях², то и причастные формы на *-и-* могли бы объясняться иным, более естественным образом. Более того, если бы правило образования действительных причастий прош. вр. на *-ви-/и-* применялось не к исходному виду глагольной основы, а к реальной производящей основе – форме муж. рода ед. числа прош. вр., выбор между вариантами *-ви-* и *-и-* был бы очень простым: у глаголов всех классов (в том числе «атематических» с вокалическим аулаутом) суффикс прош. вр. *-л* заменяется на *-ви-* (*кусал* – *кусавший*, *писал* – *писавший*, аналогично *крикнувший*, *побледневший*, *видевший*, *рисовавший*, *любивший*, *дувший*, *мявший*, *жавший*, *давший*, *евший*, *кравший*, *почивший*), а глаголы без суф. *-л* в этой форме (т.е. оканчивающиеся на согласный) присоединяют *-и-* (*обмякший*, *возникший*, *поблекший*, *высохший*, *стерегший*, *несший*, *толокший*, *терший*, *падший*). И только атематические глаголы а.п. *б* с инфинитивом на *-сти*, имеющие в исходе основы *-т* и *-д*, которые выпадают перед суф. *-л*, в форме причастия «восстановливают» эти выпавшие согласные и закономерно присоединяют *-и-* (*обрел* – *обретший*, *цвел* – *цветший*, *плел* – *плетший*, *пришел* – *пришедший*); так же ведёт себя один глагол на *-нуть*: *увянуть* – *увял* – *увядший*³. Таким образом,

правило Якобсона, сформулировавшего главный принцип русской глагольной морфонологии: закрытые основы присоединяют открытые аффиксы с вокалическим анлаутом, а открытые основы присоединяют прикрытые аффиксы с консонантным началом, остается незыблёмым, вопреки критике И.Б. Иткина (с. 126), но оно действует в рамках «иерархической», а не «плоской» морфонологии.

Можно было бы согласиться с И.Б. Иткиным, что глаголы типа *кусать*, *рисовать*, *болеть*, которые, по мнению Якобсона, имеют в исходе основы *j* (*кусаj-*, *болеj-*), усекаемый в формах прош. вр. перед консонантным аффиксом, легче описывать как имеющие в исходе основы гласную (*куса-*, *боле-*), а *j* трактовать как эпентезу перед гласными аффиксами в формах наст. вр. (по существу это единственное возражение автора Якобсону), но в этом случае оказывается, что *j*, предшествующий личным окончаниям наст. вр., в формах *кусаю*, *болею* и в формах *сую*, *кую*, *рисую* трактуется по-разному: в первом случае – как консонантная эпентеза, во втором – как тематический элемент, представляющий собой результат чередования тематического *a* с *j*, перед которым происходит чередование *ов* → *у*. Очевидно, что такое решение тоже уязвимо, и его преимущества не абсолютны – они действительны только в системе описания, принятой автором⁴.

Правило перехода *ов* → *у* в позиции перед любым согласным (с. 147–148) И.Б. Иткин применяет и к многочисленным глаголам на *-нуть* (что кажется автору свидетельством силы самого правила), для которых, следовательно, приходится принимать исходную форму основы на *-нов-* (т.е., например, *крикнов* + *ть* > *крикнуть*) на том основании, что некоторые из этого обширного класса глаголов имеют именные дериваты на *-ование*: *проникнуть* – *проникновение*, *вдохнуть* – *вдохновение*, *возникнуть* – *возникновение* и т.д., где, согласно принятому правилу, перед суффиксом *-ение* с вокалическим анлаутом переход *ов* > *у* отсутствует. Все сходится, но какой ценой! Дериватов на *-ование* от глаголов на *-нуть* всего менее десятка (*исчезновение*, *дерзновение*, *возникновение*, *проникновение*, *столкновение*, *прикосновение*, *дуновение*, *отдохновение*) плюс несколько существительных с гипотетическими мотивационными свя-

² Ср. также *худший*, *младший*, *младше*, *лучший*, *лучше*, *низший*, *высший*.

³ При таком решении форма *толокший*, сохраняющая беглый гласный в корне (ср. *толка*, *толкли*, *толку*), которую автор считает дополнительным доказательством наличия беглого гласного в суффиксе *-ви-/и-*, также не являлась бы исключением, поскольку она «наследует» форму производящей основы. Этот же пример, а также формы *умерший*, *тёрий* (*умереть* – *умер*, *тереть* – *тёр*) показывают, что производящей основой причастий является не просто основа инфинитива, а именно основа формы муж. рода ед. числа.

⁴ Как показала В.Г. Чурганова, следовавшая в трактовке этих глаголов за Якобсоном, противоположное представление тоже вполне возможно.

зями или аномальной формой⁵, тогда как самих глаголов – больше тысячи. Но главное даже не это. Для личных презентных форм этих глаголов (*крикну*, *крикнешь*, *крикнет* и т.д.) никак нельзя принять исходной основу на -ов, поскольку в настоящем времени личные окончания этих глаголов, спрягающихся по образцу «атематических» (консонантных) глаголов I спряжения (т.е. подобно *стать – стану*, *станешь*, *вести – веду*, *ведешь*, *брать – беру*, *берешь* и т.д.), имеют вокалический анлаут, при котором -ов по сформулированному правилу должен сохраняться (т.е. должны получиться формы **крикнову*, **крикновешь* и т.д.).

Между тем соотношение форм на -у и -ов (*рису-ю ~ рисов-ать*, *возникну-ть ~ возникнов-ение*), казалось бы, естественнее объяснять на основе противоположно направленного чередования *у* → *ов*, происходящего в позиции перед гласным – темой *a*, суф. *-ение*, *-енный (-у-ать, -у-ение, -у-енный) → -овать, -ование, -овенный)*⁶; то же было бы верно для глаголов на -ить, которые в этом случае не выпадали бы из общего правила: *вдохнуть –*

⁵ К ним относятся: *преполовение* (**преполоветь?*), **преполовинеть* с усечением *-ин-?*), *благословение* (**слыть?*), *мановение* (**мануть?*), *пополнование* (**пополнуть?*), *усекновение* (*усекнуть), *поминование*, *упоминование* (*помянуть, *упомянуть с заменой корневого *-я-* на *-и-*), *обыкновение* (*обыкнуть), *повинование* (**повинуться?* – от *повиноватьсь* должно быть *повинование*, от *повиниться* – *повинение*, от *повиновиться – *повинование*). Аналогично образованы абстрактные имена от глаголов *быть* (забвение – без *о*), *омыть* (*омование*), *открыть* (*откровение*).

⁶ Формы отглагольного имени и страдат. причастия прош. вр. от глаголов на -нуть с этиими суффиксами (*вдохновение*, *пополнование*, *усекновение*, *проникновенный*, *обыкновенный* и т.д.) существуют с причастиями на -т, образованными стандартным путем от инфинитивной основы тех же глаголов (*кинутый*, *двинутый*, *стиснутый*, *воткнутый* и т.д., ср. *проникнутый* и *проникновенный*, *упомянутый* и *упоминовенный*, *воткнутый* и *преткновение*); тот же параллелизм характерен для -быть (забытый и забвенный, забытье и забвение), -крыть (*открытый* и *откровенный*, *открытие* и *откровение*), -мыть (*омытый* и *омовенный*, *мытье* и *омование*). Различие заключается в том, что суф. -т, -тие имеют консонантный анлаут, а -ение, -енный – вокалический, требующий при вокалическом исходе основы преобразования исхода основы и устранения зияния (путем вставки эпентетического в).

вдохновить (так же *стану – становить*)⁷. Такое направление, соответствующее истории (ср. в польском *kic* ‘ковать’, *spisć* ‘сновать’), представляется и более естественным: преобразование сочетания *у* с последующим гласным должно быть признано более мотивированным, чем преобразование сочетания *ов* с последующим согласным; в этом случае естественней бы объяснялись и слова типа *кузнец* и *клюв*. Но этому простому и естественному решению препятствует принятая автором трактовка тематического элемента глаголов на -ить как согласного *j*, который перед консонантными аффиксами чередуется с *и* (с. 129–130)⁸, а также признание мотивирующей глагольной основой во всех случаях только основы инфинитива (что не кажется обязательным, поскольку это противоречит принципу предсказуемости при выборе исходной формы)⁹.

⁷ Каузативы на -ить от вокалических основ регулярно используют в качестве консонантной эпентезы при стечении гласных: *стать – ставить* и *становить*, *слить – славить*, *плыть – плавить*, **трутъ* (ср. польск. *trucić*) – *травить*, *вдохнуть – вдохновить*.

⁸ Такое весьма экстравагантное решение автор аргументирует тем, что в русском языке «нет бесспорных примеров перехода *и* в *j* перед гласным, ср. *почить – почью* (не *почью)» (с. 130). Но, во-первых, в форме *почью* и находится не перед гласным, а перед «эпентетическим» *j*, и при этом под ударением, а, во-вторых, в гипотетической форме *почью мы имели бы не переход *и* в *j*, а выпадение безударного *и* и сохранение *j* (ср. *Мария и Марья, Анастасия и Настасья, София и Софья, Евдокия, но Дарья, Прасковья, Агафья* при сохранении *и* в случае скопления согласных: *Клавдия, Агния, Евлампия*).

⁹ Ср. у В.Г. Чургановой: «Морфонологический характер выбора вариантов основы позволяет рассматривать данные варианты как результат преобразования единой глагольной основы, за полный вид которой принимается непредсказуемый вариант» (В.Г. Чурганова. Очерк русской морфонологии. М., 1973. С. 206). При этом у закрытых глагольных основ непредсказуемый вариант выступает в настоящем времени, а у открытых – в основе прошедшего времени (с. 206–207). Между тем в книге И.Б. Иткина на с. 165 дается весьма сильное и категорическое утверждение: «при образовании отглагольных производных в РЯ в функции мотивирующей основы всегда выступает основа инфинитива (например, *искать – ищет*, *искатель*, *поиск*, а не *ищетель, *поиск)». Непонятно, почему основа определяется только консонантными признаками, а аб-

Мне трудно согласиться с предложенной трактовкой глаголов на *-овать* и *-нуть* еще и потому, что в других случаях для того же *-ов* в той же позиции (перед согласным) постулируются другие преобразования этого элемента основы без четкой мотивации каждого чередования: наряду с *ов* → *у* (для *рисовать* – *рисую*, *дерзнуть* – *дерзновение*) – *ов* → *ы* (*рыть*, *мыть* и т.п.), *ов* → *о* (*рою*, *крою* и т.п.), *ов* → *ој* (*вой*, *мойка* и т.д.) (с. 153–155)¹⁰.

Безусловным достоинством книги является стремление автора к исчерпывающему охвату всех относящихся к тому или иному формулируемому правилу лексических фактов и всех отклоняющихся от правила «исключений». Однако в ряде случаев, когда приводимый список объявляется полным, он тем не менее содержит лакуны. Так, очень ценный сам по себе «закрытый» список морфем, имеющих полногласные и неполногласные варианты (с. 270–271), почему-то не включает корней *веред-* ~ *вред-* (*привередливый* – *вредный*), *борозд-* ~ *бразд-* (*борозда* – *бразды* правления), *ворог-* ~ *враг-* (*вражеский* – *лютый ворог*, вероятно, также *ворожить* – см. у Фасмера), *борон-* ~ *бран-* (*оборона* – *поле брани*), *полот-* ~ *плат-* (*полотно* – *платок*), *солод-* ~ *слад-* (*солод* – *сладкий*). К коллекции примеров на чередование *н* ~ *ш* (с. 118–120) могут быть добавлены *поварешка* (из *поваренная ложка*), *матрешка* (из *Матрена*); стоило бы также учесть продуктивность гипокористических имен типа *Иван* – *Ивашка*, *Александр* – *Саня* –

лаутные признаки основы не принимаются во внимание: например, в дериватах *гонка*, *вызов*, *разбор*, *затор*, *рисунок*, *мойка*, *присядка* и т.п. представлена не основа инфинитива, а презентная основа, тем не менее это называется лишь ступенью чередования гласных, а не другим видом основы. Вообще надо сказать, что понятие основы слова и прежде всего глагольной основы нуждается в дополнительном теоретическом осмыслении. Мне кажется, что фетишизация единой глагольной основы (а именно – основы инфинитива) как базы всех деривационных изменений искажает картину морфонологических отношений и приводит к построению неестественных и излишне сложных схем преобразований.

¹⁰ Заметим, что при противоположном направлении чередования (*у*, *ы*, *о*, *ој* → *ов*), мы имели бы, вместо разных изменений **одного и того же** элемента в одних и тех же условиях, одинаковые изменения **разных** элементов в одних и тех же условиях, что логически более естественно.

Сашка (далее *Саша*), *Арина* – *Аришка* (*Ариша*), *Ирина* – *Иришка* и др., а также устойчивый параллелизм гипокористик типа *Мая* – *Маша*, *Миня* – *Миша*, *Гриня* – *Гриша*, *Груния* – *Груша*, *Паня* – *Паша* и т.п. и близких к ним форм типа *маманя* – *мамаша*, *папаня* – *папаша*.

На с. 82 случаи типа *во имя*, *во изменение*, *во здравие* и т.п., где, вопреки предлагаемому правилу, предлог имеет вокализованный вид, остроумно объясняются тем, что здесь выступает не вокализованный вариант предлога *в*, а архаичный и непродуктивный предлог *во* с целевым значением. Однако можно привести другие выражения с целевым значением, где тем не менее употребляется невокализованный предлог, ср. *во имя* мира – и в знак дружбы, *во здравие* и – в память (ради памяти), *во изменение* и – в продолжение, в дополнение, в заключение (чтобы продолжить, дополнить, заключить); ср. также в благодарность, в пользу, в противовес, но *во вред* и т.п.

Список существительных «типа игла» (так у автора), имеющих беглый гласный в последнем слоге основы, который не проясняется в словоизменении, но проясняется в словообразовании (с. 226), мог бы быть пополнен за счет *магистр* – *магистерский*, *министр* – *министерский*, *бургомистр* – *бургомистерский*, а также ряда слов жен. рода с отсутствующей или затруднительной формой Род. мн.: *тайга* – *таёжный*, *кайма* – *каёмка*, *литва* – *литовка*, *литовский*, *тесьма* – *тесёмка*, *тьма* – *тёмный*, *махра* – *махорка*, *волиба* – *волшебный*, *Вязьма* – *Вяземский*. Продуктивность правила упрощения двойных согласных (с. 121–123) подтверждается также дериватами от словосочетаний с прилагательными или причастиями: *подённый* – *поденка*, *военный* – *военка*, *продленный* – *продёнка*, *брошенный* – *брошенка* и т.п.

На с. 110 к корням, «никогда не сохраняющим мягкость», отнесены *цепь*, *кровь*, *дробь* и т.п., между тем они «сохраняют» мягкость в словоизменении, выбирая флексии Род. мн. «мягкого типа» –*ей*, Тв. мн. –*ями* (*цепей*, *цепями*, *дробей*, *дробями*), а также в ряде случаев при словосложении (*цепевидный*, *кроветворный*). Вообще вопрос о так называемой ингерентной мягкости основ в теоретическом и практическом плане еще не может считаться решенным.

При рассмотрении чередования *л* ~ *л'* перед *ч* (с. 120–121) утверждается, что «непосредственно перед *ч* *л* никогда не смягчается», – следовало бы как-то отвести хотя бы позиции перед суффиксом *-чик* (типа *стул* – *стульчик*, *укол* – *укольчик*, *палец* – *пальчик* и т.п.). Странным кажется и утверждение, что «сложные отглагольные существительные с

помощью суффикса *-щик*, как правило, не образуются» (с. 181) – а как же многочисленные и продуктивные названия профессий и занятий типа *газосварщик*, *лесозаготовщик*, *снегоуборщик*, *механосборщик*, *корообдирщик* и т.п.?

В списке отглагольных сложных слов с суф. *-к(a)*, образованных по модели с усечением тематического показателя (с. 176), не учтены производные от глаголов *молоть* (*кофемолка*), *ломать* (*камнеломка*), *бить* (*маслобойка*), *мыть* (*пескомойка*), а среди глаголов, сохраняющих тематический показатель, – *тестомесилка*, *льнотеребилка*¹¹. Положению о том, что «образования с суф. *-щик* от вторичных имперфективов регулярно сохраняют» тематический показатель, противоречат случаи типа *растрищик*, *протирщик*, *сдирищик*, *отжимщик* (соответственно от *растирать*, *протирать*, *сдириать*, *отжимать*).

Попытку установить строгие правила преобразования конечных согласных основы перед нулевым субстантивным суффиксом, безусловно, следует приветствовать, тем более, что И.Б. Иткин претендует на исчерпывающие списки примеров каждого типа (с. 133 и сл.). Эффект представленного здесь переходного смягчения назван гиперйотацией, при этом остается непонятным, как соотносятся между собой понятия переходное смягчение, йотация и гиперйотация. Тот факт, что в этой словообразовательной модели представлен как эффект непереходного смягчения (ср. *ладь*, *резь*, *кладь*, *смесь* и т.п.), так и эффект переходного смягчения (*вождь*, *невежда*, *грыжа*, *свеча*, *вопль*, *стужа*, *пряжа*, *ноша* и т.п.), заставляет автора разделить эту модель на две – в одной постулируется нулевой смягчающий суффикс, в другой – суффикс *j* и соответственно переходное смягчение (гиперйотация).

¹¹ Интересное объяснение явлению сохранения или усечения тематических показателей производящей глагольной основы в данном типе производных, предложенное автором, согласно которому усечение характерно для производных от словосочетаний типа *рубить мясо* → *мясорубка*, а сохранение показателя – для дериватов типа *копалка* (*для*) *картофеля* → *картофелекопалка*, все-таки не проходит, поскольку, во-первых, в русском языке отсутствуют такие «простые» существительные, как *выжималка*, *доилка*, *ворошилка*, *плющилка*, а, во-вторых, даже когда «простые» существительные есть, сложные слова могут быть образованы от словосочетаний: *ворошить сено* → *сеноворошилка*, *молотить лен* → *льномолотилка*, *косить сено* → *сенокосилка* и т.д.

Однако у основ с исходом на заднеязычные, шипящие и мягкие согласные, как известно, непереходное и переходное смягчение не различаются (совпадают в своем эффекте). Если видеть в таких существительных, как *течь*, *речь*, *печь*, *моТЬ*, *доля*, результат переходного смягчения, то их следует добавить в приведенный список отглагольных существительных с гиперйотацией (с. 133–134), а в список отадъективных – включить еще *горечь*, *зелень*, *синь*, *ровня*, *родня* и т.п.; список слов на йотированную губную при любой трактовке можно пополнить словами *грабли* и *вопль*, а список дериватов прилагательных – словом *толща*. Наконец, непонятно, почему слова *рукосуй* и *чистоплюй* попали в список примеров гиперйотации – ведь конечный *j* в них может пониматься и как «консонантизатор» (термин автора). В приводимый на с. 132 список примеров йотации ошибочно попало чередование *ц* ~ *Ч*: *немец* – *онемечить* – *онемечу*, в котором представлено непереходное смягчение, ср. *здоровый* – *оздоровить* (а не **оздоровлить*) – *оздоровлю*, *прямой* – *выпрямить* – *выпрямлю* и т.п., а «чередования» шипящих в позициях йотации логичнее было бы объединить с аналогичными «чередованиями» мягких согласных, о которых речь идет на следующей странице.

По многим поводам И.Б. Иткин высказывает свое неприятие аналогии как аргумента при объяснении того или иного морфонологического явления. Это не может не вызывать сочувствия, поскольку за ссылкой на аналогию часто скрывается отсутствие понимания подлинных причин явления. Но – аналогия может быть и часто бывает проявлением продуктивности и «силы» некоторой модели и ее экспансии на формы, не удовлетворяющие исходным условиям правила. В этом случае аналогия, безусловно, – факт языка, один из механизмов языкового развития, и отмахнуться от нее невозможно. Например, глаголы на *-еть* образуют дериваты на *-ение* без йотации (*опустеть* – *опустение*, *онеметь* – *онемение*), а глаголы на *-ить*, несравненно более многочисленные, – с йотацией (*опустить* – *опущение*, *кормить* – *кормление*). Под влиянием более сильной модели деривации глаголов на *-ить* и частой «парности» глаголов обоих типов (*ослабеть* и *ослабить*, *охладеть* и *охладить* и т.д.) производные от глаголов на *-еть* принимают (по аналогии!) модель с йотацией: *охладеть* – *охлаждение* (чувства охладели – *охлаждение чувств*), *протрезветь* – *протрезвление*, *вертеть* – *верчение при облысеть* – *облысение*, *полеветь* – *полевение*, *сидеть* – *сидение* и т.д. (без йотации).

Несмотря на обилие вопросов, сомнений и возражений, из которых здесь высказаны далеко не все, книга И.Б. Иткина кажется мне замечательной, потому что в ней предложено много существенных уточнений и дополнений к имеющимся или даже считавшимся убедительными и полными толкованиям морфонологических явлений русского языка (распределение собственно-русских и церковнославянских рефлексов переходного смягчения согласных *t* и *d*; выявление акцентологических факторов, влияющих на морфонологические преобразования; распределение *-ти* и *-ть* в формах инфинитива; чередование *e ~ a* после шипящих; беглость гласных и многое другое) и выявлено много новых явлений, до сих пор не получавших интерпретации или признававшихся неподдающимися строгому описанию (морфонологическая структура глаголов типа *мять* и типа *бить*, глаголов *быть, дать, петь*; правило мены тематических глагольных морфем в спряжении и отглагольном словообразовании; правило распределения «консонантизаторов» *t, v, й, л* в отглагольном словообразовании; чередова-

ние *к ~ т* и многое другое). Возможно, некоторые из спорных вопросов могли бы быть прояснены или сняты дополнительными объяснениями автора, а какие-то мои сомнения и возражения вызваны недопониманием позиции автора или даже недоразумением. Мое главное расхождение с подходом автора носит «идеологический» характер: мне кажется, что задача описания русской морфонологии должна состоять не в том, чтобы «все сошлось» исходя из постулированных правил, а в том, чтобы понять, как устроен язык и в частности его морфонологический уровень, каковы механизмы и условия морфемных преобразований, пусть даже какие-то правила будут иметь ограниченную сферу действия или исключения. Надо признать, что автор во многих случаях достигает искомой формальной красоты, но, несмотря на эту красоту и принесенные ей жертвы, ему удается найти и объяснить то, что до сих пор не удавалось объяснить или даже заметить. За это ему спасибо.

С.М. Толстая

M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley (eds.). Deponency and morphological mismatches. Oxford: Oxford University Press, 2007. – xv + 324 p. (Proceedings of the British Academy; 145). – ISBN 978-0-19-726410-2.

На фоне проявившегося в лингвистике последних полутора десятилетий оживленного интереса к собственно морфологической проблематике нужно выделить ряд исследований, посвященных систематическому изучению и теоретическому осмыслению явлений, которые традиционно рассматривались как исключительные и нерегулярные: синкремизма (см. [Baerman et al. 2005] и рецензию [Аркадьев 2006]), супплетивизма (см. [Hippisley et al. 2004; Corbett 2007]), дефектности и др. Ведущую роль в этих исследованиях играет научный коллектив *Surrey morphology group*¹ под руководством известного типолога Гревила Корбетта, выпустивший целый ряд монографий и статей по различным областям морфосинтаксиса, рассматриваемых в широком типологическом освещении.

Рецензируемый сборник посвящен как раз одному из нерегулярных морфологических

явлений – отложительности или депонентности (deponency). Классическим примером данного феномена служат так называемые отложительные глаголы классических индоевропейских языков, у которых функцию синтаксически активных форм выполняли формы пассивного или медиального залога (типа латинского *hortor* ‘призывать, побуждать’). Данное явление до недавнего времени привлекало внимание лишь специалистов по классическим языкам, а сам термин «отложительность» применялся лишь к нестандартному употреблению залоговых форм в этих языках. Авторы рецензируемого сборника пошли на отчасти рискованный шаг и попытались обобщить данное понятие на целый ряд явлений, когда та или иная грамматическая форма выполняет не свойственные ей функции, и построить типологию так называемой «отложительности в широком смысле» (extended deponency) на материале различных языков. В двенадцати статьях сборника представлен, помимо латыни, древнегреческого и санскрита, материал языков Австралии (нги-

¹ См. страницу *Surrey morphology group* в интернете: <http://www.surrey.ac.uk/LIS/SMG/index.htm>.

ямбаа, ивайдя), Америки (керес, юрок, та-
кельма, тюбатулабаль), Кавказа (цезского,
арчинского), германских языков, испанского,
русского, хинди, цыганского, эстонского,
японского, чукотского, ряда языков банту и
др. Явления, рассматриваемые в статьях сборо-
ника, весьма разнородны, и далеко не каждое
из них в сколько-нибудь существенной степе-
ни похоже на «классическую» депонентность,
так что приходится согласиться с Дж. Бобали-
ком (с. 197), что понятие «отложительности»
даже применительно к глагольным категориям
«не выделяет естественного класса явле-
ний, допускающих единообразный анализ». Тем
не менее, рецензируемый сборник вносит
существенный вклад в эмпирическое изуче-
ние и теоретическое осмысление большой
группы морфологических фактов, до сих пор
систематически не изучавшихся.

Сборнику предпослано краткое Введение
(с. ix–xi), в котором дается описание явления
отложительности в «классическом» и в «ши-
роком» смыслах и сжато излагается содержа-
ние включенных в сборник статей. Основные
теоретические и типологические понятия и
проблемы, связанные с отложительностью,
обсуждаются в статьях Мэтью Баермана
(Matthew Baerman) «Морфологическая типо-
логия отложительности» (Morphological typology
of deponency, с. 1–19) и Гревила Корбета
(Greville Corbett) «Отложительность, синкре-
тизм и промежуточные явления» (Depopency,
syncretism, and what lies between, с. 21–44).

М. Баерман дает определение прототипи-
ческой (ср. понятие канонического мор-
фологического явления в статье Корбета)
отложительности как определенного типа
несоответствия (mismatch) между мор-
фологической формой и семантико-синтакси-
ческой функцией; для отложительности необ-
ходимо наличие морфологической
оппозиции (например, активного и пассив-
ного залогов) и лексически ограниченной
группы слов, у которых эта оппози-
ция реализуется с нарушением нормального и
продуктивного соотношения между формой
и функцией (например, пассивные формы вы-
ступают в функции активных, как у лат. *hor-
tor*), и эта реализация сопровождается де-
фектностью парадигмы, связанной с тем,
что депонентные формы данной лексемы не
способны выражать свое нормальное значе-
ние (морфологически пассивные формы *hor-
tor* являются синтаксически активными и не
употребляются в функции пассива). Баерман
рассматривает различные случаи, когда тот
или иной пункт данного определения не вы-
полняется. Например, в языке юрок у любого
переходного глагола определенные фрагмен-

ты активной парадигмы выглядят как пассив-
ные, тем самым нарушаются условие лексиче-
ской ограниченности отложительности. В
юто-ацтекском языке тюбатулабаль наблю-
дается явление полярности: у ряда глаго-
лов изменение основы, обычно сигнализиру-
ющее предельность, обозначает, напротив,
непредельность, при этом исходный вариант
основы, как правило выступающий в непре-
дельном значении, у данной группы глаголов
имеет предельную интерпретацию; важно от-
метить, что, по-видимому, эти два класса гла-
голов в тюбатулабаль никак не распределены
семантически. У так называемых прете-
рито-презентных глаголов готского и
других германских языков презенс выглядит
подобно претериту «сильных» глаголов, а
претерит образуется по модели «слабых» гла-
голов, т. е. здесь мы имеем дело с довольно
изысканным примером гетероклизы
(разносклоняемости/разноспрягаемости). На-
конец, отложительность может граничить с
синкремизмом: цезские лексемы *хехbi* ‘ребе-
нок; дети’ и *У'анабi* ‘женщина; женщины’
имеют лишь формы множественного числа (с
суффиксом *-bi*), которые могут употреблять-
ся также и в значении единственного числа;
прототипическая отложительность требовала бы,
чтобы морфологически множественные
формы были способны употребляться лишь в
функции единственного числа.

Г. Корбет предлагает рассматривать отло-
жительность в рамках развивающегося им более
общего подхода к языковым явлениям, кото-
рый он называет «каноническим» (см. [Corbett
2005]). Данная концепция определяет фено-
мены через совокупность различных призна-
ков-требований, которым удовлетворяют
лишь «канонические», «идеальные» экзем-
пляры тех или иных явлений. Такого рода
«канонические» случаи вовсе не обязаны
быть ни частотными, ни даже фактически за-
свидетельствованными; важно лишь, что они
определяют «исходную точку», от которой в
ту или иную сторону отклоняются реально су-
ществующие явления. Тем самым, канониче-
ский подход является удобным средством обоз-
начить и детализировать типологическое
пространство, описывающее возможности и
пределы вариативности в некоторой предмет-
ной области. В статье в настоящем сборнике
Корбет рассматривает каноническую слово-
изменительную систему и различные отклоне-
ния от нее, каждое из которых, в свою оче-
редь, может быть определено с «канониче-
ской» точки зрения. «Канонические» случаи
синкремизма и отложительности являются по-
чи зеркальными противоположностями друг
другу, см. Таблицу 1 (ср. с. 35):

Сравнение синкетизма и отложительности

Синкетизм	Отложительность
Синкетическая форма сохраняет «исходную» функцию ²	Депонентная форма не сохраняет «исходную» функцию
Парадигма остается полной	Парадигма оказывается неполной (дефектной)
Оперирует единичными клетками парадигмы	Оперирует целыми подпарадигмами
Является признаком больших классов лексем	Является признаком закрытых классов лексических исключений

Определив таким образом «канонические» случаи синкетизма и отложительности, Корбет рассматривает ситуацию, где эти явления сближаются друг с другом, а именно уже упомянутые цезские лексемы ‘ребенок’ и ‘женщина’. Другой интересный с точки зрения «канонического» подхода случай зафиксирован в арчинском языке, где, с одной стороны, есть существительные, в обоих числах имеющие (различные) показатели множественного числа, и, с другой стороны, имеется супплетивное имя *χ'op* ‘корова’, у которого формы множественного числа выглядят подобно регулярным формам единственного числа (ср. эргатив ед. числа *χ'ini* vs. эргатив мн. числа *bīc'i-li*, где *-li* является стандартным показателем косвенной основы ед. числа). Корбет заключает, что «канонический» подход к морфологии позволяет выделить редкие и интересные типы лексем и парадигм, на которые ранее не обращали должного внимания.

Эндрю Спенсер (Andrew Spencer) в статье «Расширение отложительности: импликации для несоответствий в морфологии» (*Extending deponency: Implications for morphological mismatches*, с. 45–70) рассматривает случаи рассогласования между синтаксическим и морфологическим классом лексемы, а именно ситуации, когда, к примеру, существительное или глагол изменяются подобно прилагательному. Спенсер подробно рассматривает данные русского языка, где имеется несколько классов имен с «неправильным» склонением: существительные типа *столовая*, целиком склоняющиеся как прилагательные, посессивные прилагательные типа *мамин*, склоняю-

щиеся как существительные в формах им. пад. и вин. пад., и фамилии типа *Чехов*, у которых субстантивные флексии имеются также почти во всех косвенных падежах мужского рода. Другой случай такого рода в русском языке – словоизменение глагола в прошедшем времени, где выступают формы, характерные для адъективной, а не для глагольной парадигмы. В качестве нетривиальной параллели к русским данным Спенсер приводит материал японского языка, где ряд отрицательных форм глагола изменяются по адъективной модели. Далее, Спенсер обращается к материалу современных индоарийских языков, рассматривая спряжение в языке хинди, где лишь единичные подпарадигмы изменяются по лицам и числам, а основная масса форм подобно прилагательным, различают лишь род и число, и посессивные конструкции в хинди и в цыганском языке. В хинди в функции генитива выступает послелог, согласующийся по роду, числу и падежу с вершинным именем; эти конструкции являются своего рода аналитическими аналогами русских посессивных прилагательных типа *мамин*, отличаясь, тем не менее, от них по синтаксическим свойствам. Аналогичная ситуация представлена и в цыганском языке, с тем отличием, что здесь посессивный показатель является уже не послелогом, а именным суффиксом. Таким образом, оказывается, что фрагмент субстантивной падежной парадигмы (по синтаксическим свойствам индоарийские «генитивы» вполне аналогичны другим падежным формам в этих языках) проявляет ряд свойств полноценного прилагательного. В заключении статьи Спенсер описывает рассмотренные им факты с точки зрения признаков «канонического» словоизменения à la Корбет и выстраивает детальную классификацию различного рода несоответствий между синтаксическими и морфологическими свойствами лексем и отдельных словоформ.

Грегори Стамп (Gregory Stump) в статье «Импликации неканонического случая отло-

² Имеется в виду трактовка синкетизма как асимметричного явления: например, в русском языке у одушевленных имен разумно постулировать синкетизм, «направленный» от род. пад. мн. числа к вин. пад. мн. числа; см. подробнее [Аркадьев 2006].

жительности» (*Non-canonical pattern of deponency and its implications*, с. 71–95) подробно рассматривает материал санскрита (в основном в ведийской его разновидности), где соотношение залоговых форм глагола заметно отличалось от ситуации в латинском языке. В санскрите весьма значительное число глаголов принадлежали к классам *activa tantum* (так наз. *parasmaipadīn*) и *media tantum* (так наз. *ātmanepadīn*), в то время как класс глаголов, имевших обе залоговые формы (*ubhayapadīn*), был заметно ограничен. Стэмп демонстрирует, что принадлежность глагола к классам *parasmaipadīn* и *ātmanepadīn* не была во многих случаях мотивирована семантически. Стэмп противопоставляет два возможных типа отложительности: чисто морфологическую (*form-deponency*), когда подходящая по семантике грамматическая категория выражается при помощи «неправильной» формы, и более глубинную морфосинтаксическую (*property-deponency*), когда несоответствие наблюдается между значением грамматической категории и семантико-синтаксической функцией. При помощи весьма тонкой аргументации Стэмп показывает, что санскритские *media tantum* являются собою второй тип отложительности: многие санскритские *ātmanepadīn* являются семантически активными, однако на всех уровнях проявляют медиальный морфосинтаксис. В качестве типологических параллелей в статье рассматривается спряжение в языках сора (семья мунда, Индия) и муна (австронезийская семья). Данная статья интересна в первую очередь систематическим анализом синтаксиса и семантики санскритских медиальных и активных глаголов, проиллюстрированным значительным числом примеров из древнеиндийских текстов.

Две статьи сборника посвящены языкам, на материале которых в античной традиции было разработано понятие «отложительность», – древнегреческому и латыни. Николаос Лавидас (*Nikolaos Lavidas*) и Димитра Папангели (*Dimitra Papangeli*) в статье «Отложительность в истории греческого языка» (*Deponency in the diachrony of Greek*, с. 97–126) исследуют эволюцию этого явления в греческом языке от классического периода до современной эпохи и показывают, что класс отложительных глаголов не был стабильным: одни лексемы в ходе истории переходили из класса *media tantum* в класс стандартных переходных глаголов, однако авторы отмечают и противоположное развитие. Авторы заключают, что явлению отложительности в истории греческого языка нельзя дать никакого единообразного описания в синтаксических или семантических терминах. Чжен Сю (*Zheng Xu*), Марк Аронов (*Mark Aronoff*) и

Фрэнк Аншен (*Frank Anshen*) в статье «Отложительность в латыни» (*Deponency in Latin*, с. 127–143) проводят статистическое исследование разных типов отложительности в латинском языке. Основной вывод этой статьи заключается в том, что в латинском языке депонентная морфология имела определенную семантическую мотивацию, а именно, соотносилась с непрототипически переходными глаголами (в понимании переходности в духе работы [Норрер, Thompson 1980]): большая часть латинских *verba deponentia* соотносится с разного рода психическими и социальными ситуациями, либо с такими действиями, которые не затрагивают напрямую физического состояния объекта. С морфологической точки зрения обнаруживается, что депонентность была весьма характерна для отадъективных глаголов. Кроме того, выделяется три «локуса» депонентности: глагольный корень (тем самым, депонентным оказывается целое словообразовательное гнездо), лексема или видо-временная основа; первый тип является наиболее частотным.

Эндрю Хиппсли (*Andrew Hippisley*) в статье «Декларативная депонентность: анализ морфологических несоответствий в терминах сетевой морфологии» (*Declarative deponency: A Network morphology analysis of morphological mismatches*, с. 145–173) предлагает описание явлений отложительности (как в узком, так и в широком смысле) в рамках формальной теории «сетевой морфологии» (*Network morphology*), разработанной *Surtey morphology group*. Основные идеи и формальный аппарат этой концепции изложены в работе [Корбет, Фрэзер 1997]; в ее основе лежит понятие «наследования по умолчанию» (*default inheritance*): объекты, описываемые в рамках теории, входят в многоступенчатую иерархическую классификацию, и узлы более низкого уровня (например, «отложительные глаголы») наследуют всю информацию от вышестоящих узлов (например, «глаголы»), за исключением тех случаев, когда они обладают какими-либо специфическими свойствами (в данном случае, тем, что в функции активных форм употребляются пассивные). В статье подробно излагается анализ отложительных глаголов латинского языка и нерегулярных существительных арчинского языка.

В сборник также включены следующие статьи: Джонатан Бобалик «Границы отложительности: чукотскоцентрическая перспектива» (*Jonathan Bobaljik, The limits of deponency: A Chukotko-centric perspective*, с. 175–201), где излагается морфосинтаксический анализ «несобственного» употребления антипассива в чукотском спряжении в терминах распределенной морфологии (*Distributed morphology*,

см. [Harley, Noyer 1999]) и приводится интересная параллель из баскского языка; Джейф Гуд «Приближаясь к отложительности: семейство несоответствий в глагольных основах языков банту» (Jeff Good, Slouching towards deponency: A family of mismatches in the Bantu verb stem, с. 203–230), где рассматриваются различные случаи «ложных» каузативов, пассивов и аппликативов в языках нанде, ньямвэзи, мвини, ганда и др.; Рикардо Бермудес-Отеро «Псевдомножественное число в испанском языке: помощь фонологии при усвоении несоответствия между морфологией и синтаксисом» (Ricardo Bermúdez-Otero, Spanish pseudoplurals: Phonological cues in the acquisition of a syntax-morphology mismatch, с. 231–269) анализирует несколько типов испанских существительных с омонимией единственного и множественного числа, по-разному ведущих себя при образовании уменьшительных (ср. *virus* ‘вирус’ ~ *virusito* vs. *Carlos* ~ *Carlito*); Николас Эванс «Псевдоаргументные аффиксы в языках ивайдя и ильгар: депонентное согласование с субъектом и объектом» (Nicholas Evans, Pseudo-argument affixes in Iwaidja and Il-gar: A case of deponent subject and object agreement, с. 271–296), где изучаются лексикализованные употребления субъектных и объектных местоименных показателей глагола в двух языках североавстралийской семьи ивайдя. В каждой из этих статей анализируются чрезвычайно интересные и разнородные данные, которые объединяет, по-видимому, лишь более или менее очевидное в каждом случае отсутствие прямого соответствия между морфологическим статусом основы или показателя и их синтаксической или семантической функцией. Насколько к каждому из этих явлений применимо собственно понятие «депонентность», даже в широком смысле, остается неочевидным, и авторы статей иногда признают это. Тем не менее, эти статьи все вместе и по отдельности представляют значительный интерес для типологов и морфологов.

Сборник завершает статья известного морфолога Питера Мэттьюза (Peter Matthews) «Насколько надежны наши интерпретации?» (How safe are our analyses?, с. 297–315), в которой сравниваются описания отложительности в античной грамматической традиции и в современной лингвистике и рассматриваются разного рода «подводные камни», подстерегающие лингвиста при изучении этого феномена. Важным выводом данной статьи, по-видимому, необходимо признать то, что лингвисты нередко смешивают собственно факты (например, употребление одного типа окончаний вместо другого у тех латинских глаголов, которые принято называть «отложительными») и их интерпретации, и именно на основа-

нии последних строят типологические и теоретические обобщения. Мэттьюз обращает внимание на то, что разного рода «неканонические» с теоретической точки зрения морфологические явления могут в конкретных языках иметь высокую степень регулярности, и предлагаёт подходить к языкам с точки зрения тех проблем, которые они ставят перед лингвистическим анализом, и естественных с точки зрения конкретного языка решений этих проблем.

В заключение, следует еще раз отметить, что даже если собственно понятие «депонентность в широком смысле» оказалось не столь полезным, как можно было предполагать, поскольку явления несоответствия между семантико-синтаксической функцией и морфологическим выражением оказываются в разных языках слишком разнородными и вызванными самыми различными факторами, сам сборник «Отложительность и морфологические несоответствия», вне всякого сомнения, чрезвычайно удачен, поскольку в нем впервые систематически обсуждается целый ряд интереснейших фактов и делаются важные выводы для морфологической теории и типологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аркадьев 2006 – П.М. Аркадьев. [Рец. на:] M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism (Cambridge studies in linguistics, 109). Cambridge: Cambridge University Press, 2005 // ВЯ. 2006. № 5.
- Корбет, Фрэзер 1997 – Г.Г. Корбет, Н.М. Фрэзер. Компьютерная лингвистика и типология // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1997. № 2.
- Baerman et al. 2005 – M. Baerman, D. Brown, G.G. Corbett. The syntax-morphology interface. A study of syncretism (Cambridge studies in linguistics, 109). Cambridge, 2005.
- Corbett 2005 – G.G. Corbett. The canonical approach to typology // Z. Frajzyngier, A. Hodges, D.S. Rood (eds.). Linguistic diversity and language theories. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
- Corbett 2007 – G.G. Corbett. Canonical typology, suppletion and possible words // Language. V. 83. 2007. № 1.
- Harley, Noyer 1999 – H. Harley, R. Noyer. State-of-the-article: Distributed morphology // GLOT International. V. 4. 1999. № 4.
- Hippisley et al. 2004 – A. Hippisley, M. Chumakina, G.G. Corbett, D. Brown. Suppletion. Frequency, categories and distribution of stems // Studies in language. V. 28. 2004. № 2.
- Hopper, Thompson 1980 – P.J. Hopper, S.A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language. V. 56. 1980. № 2.

П. М. Аркадьев

Выход в свет в 2007 г. второго издания (расширенного и дополненного) «Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» С.А. Мызникова – заметное событие в исследовании северорусских говоров. Это уникальное издание, не имеющее аналогов в практике диалектологии, которая нацелена, как правило, на анализ исконных языковых явлений и в которой методы ареальной верификации не всегда являются определяющими. Событие вдвойне значимое, поскольку атлас по определению является синтезом знаний в данной области, обобщающим результаты исследований и одновременно выводящим их на новый уровень. В атласе развиваются в ареальном плане те наработки, которые сделаны в течение полутора сотен лет в исследовании языковых контактов русского языка с финно-угорскими (прежде всего, прибалтийско-финскими) и балтийскими. В этой связи стоит отметить значительный вклад самого составителя атласа в исследование данной проблемы, в частности, два его предшествующих труда по лексике финно-угорского происхождения в северорусских говорах [Мызников 2003; 2004]. Будучи нацеленным на ареальное исследование северорусских говоров, изданный труд одновременно значим и для финно-угорского языкоznания и – шире – этноязыковой истории Севера. Во вступительных разделах автор специально обращает внимание на субстратный характер основного массива картографируемого им материала. Языковой субстрат, возникший через этап двуязычия, отражает былую этноязыковую ситуацию в северо-западных областях России, населенных до активного русского освоения, сопровождавшегося языковой ассимиляцией, финно-угорскими этносами. При этом автор прав, отмечая, что именно лексика в силу массового характера материала (я бы добавила: в силу четкости, ареальной привязки, этимологической прозрачности) является более презентативным источником, чем фонетические и морфолого-сintаксические данные, к которым обычно принято обращаться при исследовании следов субстрата. Примечательно, что та же мысль о приоритетной роли лексики для реконструкции субстрата звучит со страниц другой работы [Saarikivi 2006], посвященной финно-угорскому субстрату в северорусских диалектах и оспаривающей получившую широкую известность в Европе контактную теорию, делающую ставку на фонетический и грамматический уровни языка.

В атласе ставятся и решаются две взаимосвязанные задачи: ареальное распределение субстратных единиц и их этимологическая интерпретация, которая в значительной степени опирается на ареальную характеристику. При этом понятно, что за этим стоит большая предварительная работа по выявлению свода картографируемых диалектных терминов. Здесь в полной мере проявился профессионализм А.С. Мызникова – диалектолога с большим стажем полевых экспедиций, с большим опытом работы над СРНГ и ЛАРНГ, автора целого ряда фундаментальных теоретических исследований в области финно-угорского субстрата в северорусских говорах.

Представленный в атласе континуум лексем не охватывает, конечно же, всего массива субстратных и заимствованных слов, тем более, что далеко не все из них (например, не имеющие ареала адстратные проникновения) пригодны для картографирования. Однако список выбранных для картографирования слов, входящих в разные семантические группы (из наиболее значимых, пожалуй, лишь ландшафтные термины оказались не представленными в атласе), отличающихся своим ареалом, восходящих к разным языковым типам, безусловно, репрезентирует реальную ситуацию языкового контактирования на российском Северо-Западе. Атлас основан на материале 15-летних полевых экспедиций, в ходе которых не только по специальной программе-вопроснику проверялся материал и его ареал, но и удалось зафиксировать целый ряд ранее не попадавших в поле зрения диалектологов субстратных лексем.

Следует признать удачным выбор территории и обоснованными ее границы. Убедительна и сетка обследования и ее изменения в зависимости от конкретных условий. Другое дело, что сама идеология подачи материала в атласе, в соответствие с которой знаки привязаны к районным центрам, при безусловных положительных моментах (к которым можно отнести четкость, структурированность) имеет и свои недостатки. Так, материалы, представляющие Заонежский полуостров, оказываются привязанными к Медвежьегорску, который расположен за пределами полуострова, что несколько искажает очертания ареала бытования лексемы, а также существовавшие ареальные связи. Это обстоятельство тем более обращает на себя внимание, что нередко значок, репрезентирующий ситуацию в Заонежье, оказывается вынесенным на южный берег Сегозера, являющегося уже не русской,

а карельской в языковом отношении территории. В свою очередь, вся обширная территория Пудожья оказывается практически пустой, поскольку весь материал сконцентрирован на карте у г. Пудожа, в результате визуально не просматривается та лингвистическая непрерывность, те ареальные связи, которые исторически существовали между Пудожем и Каргопольем. Последние предстают как два отдельных независимых микротерриторий. Видимо, такого рода издержки неизбежны в случае, когда исследователь оперирует обширной территорией.

В атлас включено 66 карт, из которых подавляющее большинство является ономасиологическими. Каждая карта сопровождается развернутым комментарием, а также индексом материалов с полным регистром лексических манифестаций, что, безусловно, повышает надежность и качество интерпретации. Как любой труд этимологического характера, рецензируемая работа не может решить однозначно все возникающие коллизии, однако в силу мощной лингвогеографической поддержки этимологический потенциал работы высок. Следует особо обратить внимание на то, что тот материал, с которым работает Мызников, очень непрост для интерпретации. Истоки северорусских субстратных лексем находятся как в живых (напр., карельский, вепсский, саамский, коми), так и уже вышедших из употребления финно-угорских и балтийских языках и диалектах. Более того, живые языки отражены чаще всего не в современном облике, но историческом, поэтому сопоставление с современными данными бывает проблематично. А если к этому добавить сложности фонетической адаптации иноязычных лексем в русские говоры, а также разнообразные моменты народноэтимологической интерпретации, возникающие в ситуации языкового контактирования, становится понятна сложность задачи, решаемой в атласе. О том, насколько неординарные ситуации возникают в ходе научного поиска и сколько подводных камней приходится преодолевать, свидетельствуют многие материалы атласа. Примером может служить анализ северорусского гоно-боя ‘голубика’. В комментариях к карте автором высказывается очень перспективная мысль о возможности реконструкции в его источниках прибалтийско-финского сложного по структуре слова, первый элемент которого соотносится с вепсским *g'önik* ‘голубика’, а второй соответственно с вепсским *bol* ‘ягода’. Между тем, вепсская реконструкция, предложенная в атласе, кажется мне слишком прямолинейной. Прежде всего, настораживает ареал, который выходит далеко на запад за

пределы вепсского контактного ареала, к тому же понятно, что *g* в восточновепсском *g'önik*, зафиксированном в Словаре вепсского языка, вторичен и возник здесь на месте первоначального *j*, представленного в более западных говорах (*jonik*). Проблема усугубляется еще и тем, что не вполне понятны истоки и механизм фонетического варьирования слова-этимона в прибалтийско-финских языках (см, например [SSA 1992–2000; ALFU]). Исследователи склонны исходить из праязыкового *jovikka (производное от глагольной основы с семантикой ‘пьянеть’), породившего фин. *juolukka*, карел. *juotukka*, эстон. *joovikas*, вепс. *jonik*, однако согласный, презентирующий в них праязыковой звонкий спирант, не всегда закономерен, что заставляет предполагать вмешательство народной этимологии, сблизившей слово с другими производящими основами. Как встраивается в этот ряд гоно-бель? Не есть ли это след реликтового слова, известного некогда в восточном прибалтийско-финском прадиалекте, который бытовал на территории между Ладожским и Чудским озерами (видимо, именно по отношению к такой лексике в атласе используется характеристика остаточный прибалтийско-финский языковой ландшафт)? Во всяком случае ареальная характеристика северорусского названия ягоды наводит на эту мысль. К тому же, восточный прадиалект продолжается в восточных прибалтийско-финских языках, прежде всего в вепсском, чем, возможно, объясняется близость к современному вепсскому слову.

Такого рода неоднозначные для решения ситуации нередки, и во многих случаях автор находит интересные и убедительные этимологические решения, базирующиеся в том числе и на ареальном критерии. Среди них вепсская этимология для *паклы*, возможность саамских истоков для *копаль*, марийское или родственное ему происхождение для *кужи*, новая убедительная этимология для *ромжи*, веские доказательства в пользу финно-угорской этимологии для прибалтийско-финского *harjus*, корректировка этимологии Фасмера для *ванды* и многие другие. Доскональное знание материала позволяет увидеть опечатки и неточности в ранее опубликованном материале (*кали* вместо правильного *калига* в СРНГ), отметить неверность трактовки семантики в источниках (*юма, веранда*). Автора отличает умение использовать экстралингвистические факты и знание народной жизни и особенностей северорусской культуры, проявившиеся, к примеру, в убедительном семантическом обосновании саамской этимологии для *марьюхи*, в уточнении семантики слова

кагач, в выдвижении дополнительных аргументов, основанных на знании самой реалии, при этимологии *курмы*, и во множестве других случаев. Характерно также, что в списке литературы можно найти не одну работу по этнографии севера.

Автору приходится ставить и решать важные для этимологии проблемы фонетической адаптации иноязычной лексики, с которыми он достойно справляется, демонстрируя при этом профессиональное знание и использование данных прибалтийско-финской/финно-угорской исторической фонетики. В работе выявляются, к примеру, характерные случаи расподобления геминат (*паткула*), передачи несвойственных русскому языку прибалтийско-финских умляутных гласных и специфического *h* и др. Конечно, в связи со сложностью самого объекта исследования остаются некоторые вопросы к автору. Вряд ли следует относить к результату саамского воздействия звонкое *б* в *бармак*. Скорее, речь должна идти об озвончении, спровоцированном в русском употреблении сonorными середины слова (ср. однотипный процесс в отмеченном в работе на с. 59 баклина из *паклина* или в топонимии Заонежья урочище *Балтега* из *Палтега, пожня при ключах *Бурта*, а также мыс *Бурднаволок*, в которых закрепилось вепс. *purde* ‘ключ, родник’). Видимо, в контексте межъязыкового контактирования может рассматриваться и взаимозаменяемость *г* ~ *д* (*роуда* ~ *роуга*, *рянда* ~ *ряньга*), которая воплотилась и в ряде прибалтийско-финских субстратных топонимов на территории русского Заонежья и Присвирья: в Присвирье *Янгозеро* ~ *Яндозеро*, *Гангозеро* ~ *Гандозеро*, в Заонежье острова *Гавгай* ~ *Гавдай*, *Линдостров* ~ *Лингостров*, *Пелдостров* ~ *Пелгостров*, *Мандерское поле* ~ *Мангерское поле* и некоторые другие. Во всяком случае зафиксированное у белозерских вепсов *roug* ~ *riug* (<*roud*) ‘мерзлая почва’ не укладывается в ряд собственно вепсских фонетических изменений [Tunkelo 1946] и могло быть спровоцировано смежными русскими говорами. Исходя из семантики и фонетического облика, нет необходимости разводить *тюдега* и *тютежи* к разным источникам. Оба восходят к девербальному производному от глагольной основы *kyte(ä)* ‘тлеть, медленно гореть’, которое в людиковском должно было иметь облик *kydeg (реальность предложенной формы подтверждают топонимические фиксации с людиковской и смежной русской территории: ср. *Küdög* в Гомельге, *Küdežta* в Кончезере, *Кюдега* в Мартнаволоке, Янишполе и Лехнаволоке, *Кюдега* или *Тюдега* в Сулажгоре и Гангозере, *Кюдеги*, *Тюдеги* или *Чудеги* в Но-

винке). Примеры явно свидетельствуют о том, что *Тюдега* является закономерным фонетическим вариантом *Кюдеги*. Представленная в атласе (с. 219) *тюдега* зафиксирована в Кулмуксе, т. е. в одном ареале с отмеченными выше топонимическими примерами.

Поскольку работа над атласом будет продолжена, позволю себе высказать несколько конкретных предложений, которые автор при желании может иметь в виду в дальнейшей работе:

1. Лексема *липа* с деривационными вариантами в значении ‘косяк двери, окна’ сопоставима, возможно, с прибалтийско-финскими данными, ср. карел. *lieve* ‘подол одежды; бок, край’, люд. *liebe* ‘подол; край’, вепс. *lehe* ‘вышивка по подолу рубахи’, *lepked* (мн. ч.) ‘подол; край’, фин. *lieve* ‘подол; край, бок’ (SSA), в основе которых реконструируется исходная чередующаяся основа *lēreh : *lēβeh, имеющая балтийские источники. Ср. также фин. *liepreellä* ‘на краю, сбоку’. Западный ареал указывает, кажется, на бытое бытование слова в прибалтийско-финском субстратном языке Новгородской округи, откуда уже в качестве факта русской речи оно могло распространяться шире с новгородским освоением территории Северо-Запада.

2. В ряде случаев дополнительную информацию ареального характера несет топонимия, которая консервирует утраченные говорами лексические факты. Так, представленное на карте 20 в ареальном плане как сугубо новгородское слово *острец* ‘небольшой окунь’ в действительности, видимо, бытовало и в говорах Присвирья, Обонежья и Беломорья, поскольку на этих территориях оно выступает в качестве продуктивной топоосновы для названия водных объектов [Муллонен, Кузьмин 2007], в том числе и в переводах оригинальных прибалтийско-финских топонимов: вепс. *Ahnuzd'ogi*, букв. ‘Окуневая река’, в русском употреблении известна как река *Остречина*.

3. Термин рыболовства *марда* ‘рыболовная снасть из ивовых прутьев’ с необычным на фоне *мерда* вокализмом хорошо вписывается в ряд северорусских терминов и топооснов, в которых традиционное прибалтийско-финское *e* субSTITУируется как *a* (*вахта* < *vehka*, *пахта* < *rehki*, топоосновы *Хайн-* < *heinä*, *Падр-* < *pedra* и др.), при этом исследователи склонны связывать это явление с особым прибалтийско-финским (а не саамским, как предлагается в Атласе) диалектом, существовавшим на Русском Севере, в котором *e* имел более открытый характер (например [Матвеев 1995: 32–33]). В Кенозерье и Белозерье, где

фиксируется *марда*, эта фонетическая особенность как раз известна.

4. Вряд ли следует видеть в *шаряк* и *шарага* ‘жердь с сучьями для сушки сена, снопов’ ранний карельский вокализм. На самом деле передача ливвиковско-людиковского дифтонга как одиночного гласного является закономерной в топонимии Обонежья, в том числе на территории позднего обрушения: в топонимии села Суйсарь урочище *Габики* < *Huabikko, залив *Лодалахта* < *Luodolahte, *Bex/kara. Pedra/kara*, в которых вторым элементом выступает люд. *kuare* ‘небольшой залив, бухта’, гора *Гаука/vара* < *Naikkavuara с основным элементом *-vuare* ‘гора’. Кстати, в окрестностях села Согиницы, где зафиксирован термин *шаряк*, еще во время Второй мировой войны записаны образцы карельской-людиковской речи с четкой дифтонгизацией на месте исторического долгого гласного.

5. Представляется, что заонежский ойконим *Палтега*, связываемый в атласе с гнездом *пал* ‘вырубленное и выжженное под пашню место в лесу, подсека’, все же скорее представляет упомянутый вскользь в комментариях прибалтийско-финский географический термин *palte* < *paltteh ‘склон, косогор’. На это указывает ландшафтная характеристика: деревня Палтега расположена на покатом берегу озера Шидрозера. Сходная характеристика присуща и другим объектам Заонежья с данным названием: упомянутое выше урочище *Балтега* в Вырозере, *Пальтега* в Сенной Губе, а также целому ряду объектов в Прионежье и Посвирье. Добавлю, что и фонетически предлагаемая этимология выглядит обоснованно. Возможно, следует проверить, не оказался ли включенным в число апеллятивов топоним *Палтега*, часто выступающий в названиях сельскохозяйственных угодий.

Высказанные выше частные замечания не носят принципиального характера, а лишь развиваю и дополняют высказанные в атласе идеи.

Среди положений, имеющих теоретическое значение для диалектологии, особо отмечу идею о принципиальной важности неискусственных лексических данных для корректного диалектного членения русского языка. В заключительном разделе атласа на основе проведенного ареального анализа убедительно доказывается, что влияние индоевропейских лексических систем, особенно с учетом того, что субстратная лексика не выходит за пределы ареала проникновения, безусловно, важно в связи с установлением границ ареалов, а значит и диалектным членением. Такой подход во многом нов и перспективен для русской диалектологии. Однако он вполне естествен в контексте устойчивости границ истори-

ко-культурных зон (см., например [Герд, Лебедев 1999]).

В заключении подчеркну еще раз результат, который специально не обсуждается в атласе, но который, тем не менее, имеет далеко идущие последствия. Выявляющаяся ареальная дистрибуция и конфигурация ареалов неискусственных для северорусских говоров лексики открывают исключительно интересные перспективы для финно-угорского исторического языкознания. Они реконструируют существенные элементы этнической карты северо-западной России в прошлом. Убедительно вырисовывается широкий (иногда, пожалуй, даже неожиданно широкий в западном направлении) вепсский ареал, охватывающий Обонежье на севере и Белозерье на юге, а на западе достигающий бассейна Волхова. Отчетливо просматриваются результаты вторичного прибалтийско-финского проникновения далеко на восток в Подвинье и Верхневолжье. Но наиболее интересно языковое наследие древнего финно-угорского населения на территориях, не одно столетие являющихся в языковом отношении русскими. Материалы атласа оказываются чрезвычайно актуальными в рамках выдвинутой А.К. Матвеевым теории северофинских языков (например [Матвеев 2001]), а также обсуждаемой в последнее время гипотезы северо-западной группы финно-угорских языков, развивающей представления о т. н. *kantasuomi* – общем прайзыке для прибалтийско-финских, саамских, а также исчезнувших языках Белозерья (лопь), Подвина (тойма), Верхневолжья (тверская группа) [Хелимский 2006]. Кстати, чрезвычайно полезно было бы разместить в атласе в качестве приложения карту расселения финно-угорских народов в северной России. Она служила бы необходимым наглядным фоном для отражения субстрата в русских говорах. Понятно, что еще полезнее была бы карта, реконструирующая этническую ситуацию на первые века II тыс. н. э., на которой отмечаются, в частности, вымершие финно-угорские этносы Верхневолжья и Подвина.

Рецензируемая работа С. А. Мызникова является, безусловно, этапной для исследования финно-угорско-русских лексических контактов. Заложенные около ста лет назад Яло Калимой основы получили достойное развитие на новом материале и с использованием новых методик исследования, прежде всего, ареальных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Герд, Лебедев 1999 – Основания регионалистики. Формирование и эволюция истори-

- ко-культурных зон / Под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. СПб., 1999.
- Матвеев 1995 – *A.K. Матвеев*. Апеллятивные заимствования и стратиграфия субстратных топонимов // ВЯ. 1995. № 2.
- Матвеев 2001 – *A.K. Матвеев*. Субстратная топонимия Русского Севера I. Екатеринбург, 2001.
- Муллонен, Кузьмин 2006 – *И.И. Муллонен, Д.В. Кузьмин*. Экспедиция на Осудареву дорогу // Вопросы ономастики. 2007. № 4.
- Мызников 2003 – *С.А. Мызников*. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.
- Мызников 2004 – *С.Л. Мызников*. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада. Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.
- Хелимский 2006 – *Е.А. Хелимский*. Северо-западная группа финно-угорских языков и ее субстратное наследие // Вопросы ономастики. 2006. № 3.
- ALFU – *Atlas linguarum fenno-ugricarum.....*
- Saarikivi 2006 – *J. Saarikivi*. Substrata Uralica. Studies on Finni-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Tartu, 2006.
- SSA 1992–2000 – *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3*. Helsinki, 1992–2000.
- Tunkelo 1946 – *E.A. Tunkelo*. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki, 1946.

И.И. Муллонен

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Международные конференции, посвященные современным направлениям теоретической лингвистики

В первой половине апреля 2008 г. в Москве состоялись три международные конференции, посвященные современным направлениям теоретической лингвистики: «Синтаксические структуры-2» (3–4 апреля, РГГУ), «Формальная семантика в Москве-4» (Formal semantics in Moscow-4, ФСИМ-4; 5 апреля 2008 г., на территории компании ABBYY Production), и «3-я Московская студенческая конференция по лингвистике» (МСКЛ-3) (17–18 апреля 2008 г., Отделение теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. Ломоносова). По многим причинам, в первую очередь, из-за большого числа зарубежных участников, основным рабочим языком на всех трех конференциях был английский. Приглашенными докладчиками были ведущие российские и западные лингвисты. Некоторые из них, помимо докладов на конференциях, выступили и с отдельными лекциями на московских лингвистических семинарах. О двух конференциях – «Синтаксические структуры» и ФСИМ-4 – мы расскажем более подробно.

* * *

Конференция «Синтаксические структуры» проходит в Институте Лингвистики РГГУ уже второй год подряд. Первая конференция в 2007 г. была посвящена пятидесятилетию выхода в свет знаменитой работы Н. Хомского «Синтаксические структуры», полностью изменившей облик современной лингвистики. Неудивительно, что конференция получила свое название в честь этой работы¹.

¹ Тезисы докладов доступны на сайте конференции <http://syntactic-structures.ru>.

В этом году конференция стала международной. Изначально организаторами не налагалось никаких ограничений на теоретический подход в докладах, но фактически большинство представленных работ были выполнены в рамках и терминах так называемого минималистского подхода к генеративной грамматике.

Приглашенными докладчиками были: Д. Песецкий (D. Pesetsky, США), один из крупнейших современных синтаксистов, работающих в генеративной парадигме, Р. Свенониус (R. Svenonius, Норвегия), М.С. Полинская (M. Polinsky, США), сочетающая в своих исследованиях типологический подход с формализмом генеративного синтаксиса, и два российских синтаксиста – Е.А. Лютикова (Москва) и А.В. Циммерлинг (Москва).

Кратко изложим тематику и содержание докладов (в хронологическом порядке).

П.М. Аркадьев (Москва) в докладе «Very exceptional case marking in Lithuanian» («Чрезвычайно исключительное падежное маркирование в литовском языке») обсуждал механизм падежного маркирования субъекта в причастных клаузах при глаголах речи и мысли в литовском языке. В докладе были рассмотрены малоизученные данные и предложен ряд гипотез о месте литовских причастных конструкций в типологии нефинитных сентенциальных актантов.

М.Ю. Князев (Санкт-Петербург) в докладе «Some problems in the distribution of sentential complements in Russian: Developing Pesetsky and Torrego's approach» («Проблемы дистрибуции сентенциальных дополнений в русском языке») высказал гипотезу о том, что дистрибуция придаточных с союзом *чтобы*, в отличие от союза *что*, зависит от способности предиката в главной клаузе приписывать

структурный падеж (номинатив или аккузатив) дополнению.

А.В. Циммеринг (Москва) прочел доклад «Topic-focus articulation and word order calculus: minimalist vs. non-minimalist approaches» («Актуальное членение и исчисление порядка слов: минималистские и неминималистские подходы»), в котором рассказал о связях современных синтаксических подходов с традиционной для исследователей русского языка проблемой порядка слов и актуального членения.

А. Майнунгер (A. Meinunger, Германия) в докладе «Complex numerals as grafts» («Сложные числительные как прививки к дереву составляющих») обсуждал на материале ряда языков, в том числе русского, проблему, которую представляют для синтаксической теории сложные числительные: было показано, что они обладают собственной внутренней структурой, не связанной с деревом составляющих, изображающим клаузу в целом. Термин *graft* (т.е. прививка черенка к дереву) метафорически описывает это явление.

Е. Романова (Екатеринбург) и М. Башич (M. Bašić, Норвегия) в своей работе «Motion verbs with inceptive prefixes in Serbian and Russian» («Глаголы движения с инцептивными приставками в сербском и русском языках») применили к приставочным глаголам движения в русском и сербском языках разрабатывающийся П. Свенониусом подход к семантике предлогов и приставок. Докладчики показали нетривиальные сходства и различия в семантике глаголов движения в двух языках и в их способности сочетаться с начинательными префиксами и предложили их объяснение в терминах семантики событий и путей.

Д. Песецкий в докладе «Russian case morphology and the syntactic categories» («Русская падежная морфология и синтаксические категории») предложил очень нестандартный подход к падежному маркированию именных групп в русском языке, высказав гипотезу, что существительные поступают в деривацию в форме генитива, который далее может последовательно заменяться на другие падежи. Сама категория падежа при таком подходе является лишь поверхностным отражением структуры составляющих. Доклад вызвал оживленную дискуссию, в том числе касающуюся корректности и полноты рассмотренного материала.

А. Гальего (A.J. Gallego, Испания) в докладе «Phase-level minimality» («Минимальность на уровне фаз») обсуждал проблему, которую представляет для теории фаз возможность порядка слов VOS в романских языках.

Н.А. Слюсарь (N. Slioussar, Лондон / Санкт-Петербург) в докладе «Russian corpus study leads to a new EPP model» («Корпусные данные русского языка ведут к новой модели краевых признаков») на основании корпусного исследования приводила аргументы в пользу того, что различие в расположении номинативного подлежащего в клаузе между русским языком и языками типа английского обусловлены лишь дополнительными передвижениями в русском языке, связанными с актуальным членением предложения. Этот доклад убедительно продемонстрировал ценность корпусного анализа для формального синтаксиса, а также иллюзорность разделемого некоторыми учеными (и явно высказанного самим Н. Хомским) представления, будто использование корпусных данных несовместимо с генеративным подходом к грамматике.

Второй день конференции начался с выступления Й. Креммерса (J. Kremmers, Германия) и Ф. Штрукмайера (V. Struckmeier, Германия) «Attributive structures compared: Towards a typology of phase heads» («Сравнение атрибутивных конструкций: к типологии вершин фазы»). На материале немецкого и классического арабского они предложили универсальный подход к атрибутивным конструкциям (объединяющий модификацию прилагательными и релятивизацию), основанный на теории фаз, а также выдвинули предположения о типологическом пространстве атрибутивных конструкций, задаваемом их концепцией.

Д.А. Эршлер (Москва) представил доклад «On role of syntax in placement of 2P clitics: A case study of Iron Ossetic» («О роли синтаксиса в размещении ваккернагелевских клитик: случай иронского осетинского»), где использовал ранее не описывавшиеся факты иронского диалекта осетинского языка как аргумент в пользу того, что ваккернагелевские клитики в языках мира изначально передвигаются в некоторую высокую позицию в клаузе, а в окончательную линейную позицию попадают при помощи фонологической операции «просодической инверсии».

П. Свенониус в докладе «The decomposition of P» («Декомпозиция проекции P») предложил весьма тонкий формальный аппарат для унифицированного композиционального описания синтаксиса и семантики предлогов, послелогов и близких к ним лексических и грамматических единиц. Разрабатываемая Свенониусом модель иллюстрировалась в основном материалом английского языка, однако в докладе был предложен ряд интересных типологических импликаций.

Ф.Р. Минлос (Москва) в докладе «Towards the modelling of the NP structure in Old and Middle Russian» («К модели структуры именной группы в древнерусском языке») изложил результаты статистического исследования свойств именных и предложных групп в некоторых древнерусских памятниках. В докладе рассматривались позиция прилагательного относительно существительного и проблема дублирования предлога.

А.Э. Гращенко и П.В. Гращенков (Москва) в докладе «Russian adjectives with CP-complements» («Русские прилагательные с сентенциальными дополнениями») обсуждали синтаксические причины запрета на употребление полных форм прилагательных с зависимыми клаузами в атрибутивной позиции (**?Я знаю уверенного, что земля плоская человека*). В частности рассматривалась возможность объяснения данного запрета в рамках теории Д. Песецкого и Э. Торрего, построенной на фактах английского языка и не применявшейся ранее к русскому материалу.

Е.А. Люткова прочла доклад «Загадки русских относительных предложений». В нем было продемонстрировано множество нетривиальных фактов, касающихся синтаксиса и семантики относительных предложений с фиктивным сказуемым, и высказаны теоретические гипотезы, объясняющие некоторые из этих фактов. Доклад наглядно показывает, что русские относительные предложения представляют обширное поле деятельности для синтаксистов.

С.М. Михина (Москва) в докладе «Towards a typology of languages with little distinction among parts of speech» («К типологии языков со слабым различием частей речи») показала, что в одних языках со слабым различием между частями речи (мунда, тонганский, английский) в одной словоформе встречаются лишь аффиксы, свойственные одной синтаксической категории, в то время как в других (вакашские, сэлишские, филиппинские, мальгашский, адыгские) показатели, относящиеся к разным категориям могут «перемешиваться». Объяснение этому феномену, по мнению докладчика, заключается в том, что в языках второго типа глагольная словоформа получает возможность употребляться в именных позициях при помощи безвершинной релятивизации, в то время как языкам первого типа такая операция недоступна.

М.С. Полинская в докладе «What's in a question: Typology of Wh-questions» («Типология частных вопросов») описывала типологию частных вопросов в австронезийских языках. На богатом материале она показала, что, помимо привычных стратегий формиро-

вания таких вопросов – выноса вопросительного слова в определенную позицию в клаузе (*ex situ*) или отсутствия различий в порядке слов между вопросительным и соответствующим утвердительным предложениями (*in situ*), в языках мира распространена и третья стратегия, так называемый клефт: вопросительное выражение попадает в отдельную клаузу (букв. *Кто это, с которым ты сейчас говорил?*). Именно такая стратегия наиболее типична для австронезийских языков.

В заключение надо поблагодарить организаторов конференции – Н.А. Короткову, В.И. Киммельмана, Я.Г. Тестельца, А.Б. Летучего и В.С. Волка – за организацию столь масштабного и интересного научного мероприятия. Считаем нужным особо отметить, что не только основная работа по подготовке и проведению «Синтаксических структур» в 2007 и 2008 гг., но и сама идея этой конференции – заслуга студентов РГГУ и МГУ.

* * *

5 апреля состоялась уже ставшая традиционной конференция «Формальная семантика в Москве» (Formal semantics in Moscow), организованная в этом году на базе компании ABBYY Production. Конференция, прошедшая уже в четвертый раз и неизменно вызывающая большой интерес московских лингвистов, – единственная в России, целиком посвященная этому активно развивающемуся на Западе направлению лингвистики. В конференции принимали участие исследователи из Берлина, Парижа, Уtrecht, Москвы, Штутгарт, Филадельфии.

Конференцию открыла лекция М. Крифки (M. Krifka, Германия), «Masses and countables, cognitive and linguistic factors» («Счетные и несчетные имена: когнитивные и языковые факторы»), в которой была рассмотрена эволюция модельно-теоретических подходов к семантике исчисляемых и неисчисляемых имен и возможные объяснения особенностей их морфосинтаксиса и сочетаемости, в том числе и в свете данных типологии.

Цюнпэн Ло (Qiong-peng Luo, Нидерланды / Китай) в докладе «A new name for some old distributivity in Chinese and its implications» («Новое название для старой дистрибутивности в китайском языке») предложил оригинальную теорию, описывающую нетривиальное поведение дистрибутивного квантора *dou* в китайском языке, употребление которого чувствительно как к денотативным свойствам именных групп – аргументов предиката, так и к аспектуальным и темпоральным характеристикам последнего.

В докладе Н.А. Зевахиной (Москва) «Semantics of cumulativity in Russian» («Семантика кумулятивности в русском языке») рассматривались различные типы глаголов с кумулятивной приставкой *на-* в русском языке (ср. *наварить супа*, *наесться*, *навоевать много золота* и т.п.). Отталкиваясь от ряда предложенных другими учеными концепций семантики этих образований, Зевахина предложила описание семантики и сочетаемостных свойств *на-*глаголов, исходящее из того, что приставка вводится в синтаксической структуре глагольной группы и квантифицирует один из внутренних аргументов глагола, или, в отсутствие такового, вносит свой собственный аргумент.

Г. Винтерштейн (G. Winterstein, Франция) в докладе «Implicatures and argumentative opposition» («Импликатуры и аргументативная оппозиция») рассматривал механизмы усиления различных типов импликатур в дискурсе. Известно, что предложения типа (1a) *Джон видел нескольких студентов* порождают импликатуру вида 'Джон видел не всех студентов' (так называемые Q-импликатуры, связанные с наличием во фразе определенных слов или конструкций), а предложения вида (2a) *Джон вошел в комнату и снял пиджак* порождают импликатуру о том, что эти действия были произведены именно в указанном порядке (так называемые R-импликатуры, связанные с общими знаниями участников дискурса о мире). Автор доклада обращает внимание на то, что, как правило, лишь импликатуры первого типа могут быть усилены при помощи противительных клауз, ср. допустимое (1б) *Джон видел нескольких студентов, но не всех* и недопустимое (2б) **Джон вошел в комнату и снял пиджак, но именно в таком порядке*. Винтерштейн показал, что на самом деле строгой корреляции между типом импликатуры и допустимостью ее усиления нет, и предлагает объяснять возможность усиления в рамках более общей теории аргументации, учитывающей коммуникативное намерение говорящего и различные степени «продвижения к цели» при произнесении тех или иных высказываний.

А. Бенц (A. Benz, Германия) в докладе «On implicatures of irrelevant answers: A game theoretic approach» («Об импликатурах нерелевантных ответов: подход с точки зрения теории игр») предложил в рамках теории игр весьма сложный с формальной точки зрения и одновременно интуитивно весьма убедительный анализ так называемых нерелевантных ответов. Рассматриваемое явление может быть проиллюстрировано таким примером: А. – *Где я могу купить билет на экскурсию?*

Б. – *Г-жа Мюллер находится в комнате 207.* Бенц предлагает формализованную модель, учитывающую ожидания слушающего в конкретной ситуации и вероятности принятия им тех или иных решений, которая может объяснить, почему реплика Б в данном примере и многочисленных ему подобных является уместным и информативным ответом на реплику А.

Ф. Мартин (F. Martin, Германия) в докладе «The semantics of eventive suffixes in French» («Семантика суффиксов имен действия во французском языке») проанализировала сочетаемость различных суффиксов имени действия во французском языке (в первую очередь *-age*, *-tent* и *-ion*), и на весьма представительном материале продемонстрировала, что их употребление связано с такими семантическими параметрами, как степень агентивности субъекта, длительность vs. моментальность ситуации, включение vs. невключение в экстенсионал отглагольного имени каузирующей подситуации у переходных глаголов.

Доклад Л. Шампольона (L. Champollion, США) «The influence of goals on ambiguities in certain donkey sentences» («Влияние коммуникативных целей на многозначность в некоторых "ослиных" предложениях») был посвящен сфере действия кванторных выражений в предложениях вида (1) *Если кто-нибудь поймет колорадского жука, пусть принесет его мне.* Шампольон показывает, что интерпретация предложений типа (1) и, шире, самых разных предложений с имплицитной квантификацией, значительно зависит от параметров внеязыковой ситуации. Так, если (1) произносится биологом-специалистом по колорадским жукам, (1) предпочтительно интерпретировать как содержащее эзистенциальную квантификацию ('хотя бы одного жука'); напротив, если (1) произносится в контексте компании по борьбе с вредителями, (1) получает значение универсальной квантификации ('всех жуков'). Шампольон подробно разбирает разные случаи такого рода неоднозначности и убедительно демонстрирует, что чисто семантические объяснения выбора интерпретации не дают приемлемых результатов.

Конференция «Формальная семантика в Москве-4» весьма полно отражала разнообразие проблем и подходов, разрабатываемых в современной формальной семантике (моделирование значений лексических и морфологических единиц, синтаксических конструкций, связи семантической интерпретации с внеязыковым контекстом, дискурсивная прагматика; мереологические подходы к семантике предикатов, теория релевантности, теория игр и

т.д.) и вызвала большой интерес московского лингвистического сообщества. Доклады участников конференции порождали активное обсуждение, продолжавшееся в кулуарах.

* * *

Надо отметить, что «студенческая» МСКЛ ничуть не уступала по уровню двум другим

конференциям. Приглашенными докладчиками на ней были Э. Невинс (A. Nevins, США), Дж. Рэмчанд (G. Ramchand, Норвегия), Я.Г. Тестелец (Москва) и С.Г. Татевосов (Москва). Тезисы докладов доступны на сайте <http://www.phiol.msu.ru/~otipl/new/mscl/>.

*П.М. Аркадьев, Д.А. Эрилер
(Москва)*

CONTENTS

T.M. Nikolaeva (Moscow). On «coherence of onomastic studies» and / or a new branch of «anthroponymy»; N.V. Vostrikova (Moscow). Experiential sentences: on grammaticalization of discourse functions; D.A. Erschler (Moscow). Towards a typology of non-patient meanings of accusative; E.V. Gorbova (St. Petersburg). Actional properties of perfective-imperfective forms (with reference to Mark Davies' «Corpus of Spanish»); V.A. Livshits (St. Petersburg). Some Iranian borrowings in Old and Modern Russian; M.V. Vsevolodova (Moscow). Fields, categories, and concepts in grammatical system; N.V. Pertsov (Moscow). On exact methods in philology; **From the history of linguistics:** V.M. Alpatov (Moscow). G.A. Klimov's linguistic ideas; **Bibliography.** **Reviews:** N.R. Dobrushina (Moscow). *V.S. Khra-kovskij* (ed.). Evidentiality in languages of Europe and Asia: in memoriam N.A. Kozintseva; S.M. Tolstaya (Moscow). *I.B. Itkin.* Russian morphophonology; P.M. Arkadiev (Moscow). *M. Baerman, G.G. Corbett, D. Brown, A. Hippisley* (eds.). Deponency and morphological mismatches; I.I. Mullen (Petrozavodsk). Atlas of substrate and borrowed lexicon in North-Western Russian; **Chronicle:** P.M. Arkadiev, D.A. Erschler (Moscow). International conferences on modern trends in theoretical linguistics.

Сдано в набор 17.02.2009

Подписано к печати 15.04.2009

Формат 70 × 100¹/₁₆

Офсетная печать

Усл. печ.л. 13,0

Усл. кр.-отт. 13,7 тыс.

Уч.-изд.л. 15,4

Бум. л. 5,0

Тираж 1036 экз. Зак. 248

Свидетельство о регистрации № 0110167 от 4 февраля 1993 г.

в Министерстве печати и информации Российской Федерации

Учредитель: Российская академия наук

Издатель: Академиздатцентр "Наука", 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119019, Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон (495) 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП «Типография "Наука"», 121099, Москва, Шубинский пер., 6